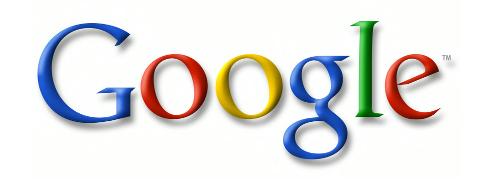
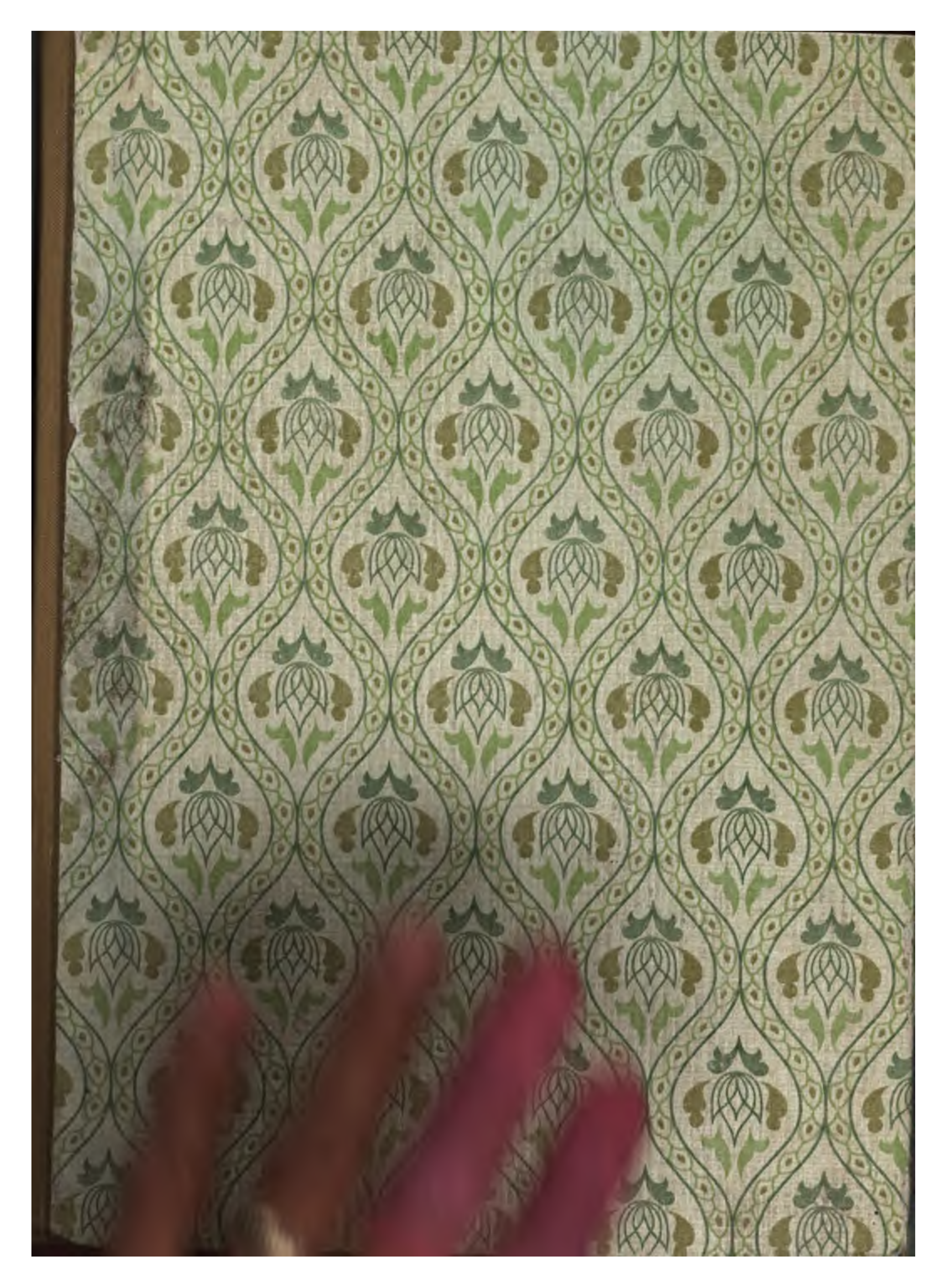

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ
ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА
МЕРТВАГО.

1760–1824.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ вор., д. Корйкова
1867.

ЗАПИСКИ

ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО

1760—1824.

ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миляковой.

1867.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ С. Т. АКСАКОВА О ДМИТРІИ БОРИСОВИЧѢ МЕРТВАГО.

(Письмо къ В. П. Безобразову).

М. г. Владиміръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати „Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго“ (*), какъ обрадовался я, для котораго это было совершенною неожиданностію. Мнѣ и въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя „Записки“. Прибавить какую нибудь черту къ этимъ „Запискамъ“ я считаю за счастіе. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Его „Записки“ безъ сомнѣнія будутъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всей читающей образованной публики. „Біографическое свѣдѣніе (**) объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго“, написано совершенно безпристрастно, не смотря на горячую, всѣмъ извѣстную, взаимную дружбу обоихъ братьевъ. Оно имѣетъ одинъ недостатокъ — краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797-мъ году, мы переѣхали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ, не одинъ разъ, слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что „она не любитъ, а обожаетъ своего сынка“, и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и что всѣ называли его „душой компаніи“. Я тогда еще слыхалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разъѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забылъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичъ Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ „Старую Мертов-

(*) Говорится о первой главѣ Записокъ, появившейся въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. *П. Б.*

(**) Оно напечатано здѣсь, на стр. 1-й. *П. Б.*

щину" къ своей матери и сестрѣ, которыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и политичнаго ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, довольно образованнаго для своихъ лѣтъ, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ было мало правды: мнѣ стало неловко, я покраснѣлъ и молчалъ. Дмитрій Борисовичъ, погладивъ меня по головкѣ, сказалъ: „А, какой молодецъ выросъ!" и потомъ уже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сынокъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ Сумароковскихъ трагедій, а подчасъ говорунъ, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) Петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько время, обратясь ко мнѣ, сказала: „Что̀ это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ". Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичъ, изъ шутливаго и веселаго разговора, вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ, и быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ: „Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмѣшивайся въ разговоры старшихъ, покуда тебя не спросятъ!" Это не прибавило моего расположенія къ крестному отцу; но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертовщинѣ еще два дня. Родныхъ и сосѣдей съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣщаться; Петербургской гость очаровывалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили, что у него женская красота; онъ немножко пришепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутливъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эпиграммы не рѣдко срывались съ его языка.

Дмитрій Борисовичъ всегда оказывалъ своей матери глубокую почтительность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, онъ былъ другъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовису, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять разсудокъ (отъ безнадежной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное вниманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна, со слезами благодарности къ Богу, при мнѣ говорила о томъ моей матери.

Дмитрій Борисовичъ, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣскольку дней — что̀ было тогда въ общемъ обыкновеніи — а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца, и не смотря на свою дѣтскость, безсознательно почувствовалъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ его ума и

сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видалъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо-тягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ?.. Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, покрайней мѣрѣ, очень внимательно; много распрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

Первыя мои посѣщенія, послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: „А здравствуй! Какъ поживаешь? Что ни шутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?“ Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: „Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.“ Весьма естественно, что такіе пріемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя-тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна. Пришелъ я одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманіе на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни „Званки“ и сельскаго дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина: забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. „А, братъ, ты видно любишь старика!“ сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненьемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ-три піэсы, декламируя на пропалую, по-студентски. „Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ, — да ты не вздумай въ актеры!“ Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и разсказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ „не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ, и добрѣйшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.“ Съ этого счастливаго утра, я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того

пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположенія -- не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: „Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?“ Я отвѣчалъ, что вижу. — „Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна милліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ Сенявинъ!“ А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему: „зайди ко мнѣ“. Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сенявинъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію Русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. „Сенявинъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у всякаго, кто только дастъ, — не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копѣйку своего долга, и конечно расплатится со всѣми, если когда нибудь получитъ свою законную собственность“.

Въ 1809-мъ году я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно попрежнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. „Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бросить.“ — „Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?“ -- „Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ, да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унизительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйдти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимостью. Гр. Аракчеевъ всегда не любилъ меня; но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими; но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала ѣздить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара

(*) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

Марковна; вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска, въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйдти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостья все до слова слышала: „скажи, что барыни нѣтъ дома". Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла".

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройдти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождалъ, потому что въ кабинетѣ какой-то генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: „И такъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не нравлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины". — Дмитрій Борисовичъ разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита, генерала Капцевича. „Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйдти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ". Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя, достопамятныя событія 1812-го года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей(*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ занималъ ее. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

Вотъ все, что сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

1857 г. Января 20-го
Москва.

(*) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведетъ особый проѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домѣ, воспѣтомъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирался извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!....... И какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей! Въ числѣ самыхъ горькихъ и свѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, И. В и П В. Кирѣевскіе.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

ЗАПИСКИ Д. Б. МЕРТВАГО

Записки Д Б. Мертваго обязательно сообщены въ Русскій Архивъ академикомъ В. П. Безобразовымъ, которому принадлежитъ самая рукопись. Начало Записокъ, именно разсказъ о Пугачевщинѣ, былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857. № 1, и тамъ же сообщено слѣдующее біографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

„Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіянтской Экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генералъ-провіянтмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23 го іюня 1824 года.

„Пылкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣняли ему недостатокъ ученія при воспитаніи. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

„Оставшись четырнадцати лѣтъ по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и нѣжную любовь къ нимъ.

„Кроткое и человѣколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждали въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтеля.

„Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварою Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-нѣжный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ“.

I. Пугачевщина.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясало основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбир-

ской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженое имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званаго на праздникъ, который увѣдомлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись на скоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большаго лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ,

ились мы въ лѣсъ, единственное тогда убѣжище.

су въ десятомъ утра пріѣхавъ къ ницѣ, находившейся въ самой дрей части лѣса, остановились мы ить лошадей. Въ это время батюшзнакомился съ мельникомъ и узоть него, что въ глубинѣ лѣса полянка, близь которой протекаѣчка, верстахъ въ осьми отъ мель, а отъ ближайшихъ селеній верв пятнадцати, что дорога туда дурна, что не легко доѣхать до ы, и что не многіе эту дорогу гъ. Добрый мельникъ согласился дить насъ, обѣщая клятвенно не ашать о томъ никому.

ва къ вечеру могли мы доѣхать го мѣста, гдѣ мельникъ, простивсъ нами, подтвердилъ свое обѣе и сдержалъ его.

другой день, рано поутру, баа пошелъ осмотрѣть окрестности го убѣжища. Найдя въ нѣкоторазстояніи другую полянку, прилъ перевести туда лошадей; на же, гдѣ сами остались, сдѣлали шъ. Всѣмъ розданы были ружья столеты, и положено было оборося въ случаѣ нападенія.

къ пробыли мы трое сутокъ, не а ничего кромѣ птичьяго крику. родолженіе этого времени почтенродитель мой дѣлалъ намъ наставı, основанныя на чистой добродѣ; говорилъ намъ, что спокойствіе вѣка составляетъ все его блажени что оно зависитъ отъ согласія упковъ его съ совѣстію, что наруь это согласіе для какихъ бы то было выгодъ, потрясаетъ онъ то оцѣнное спокойствіе, котораго низамѣнить не можетъ. Примѣрами омыхъ намъ людей доказывалъ какъ пріобрѣтающій однѣ врезыя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что̀ тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что̀ ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстна-

го тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить; и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага, — не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большемъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперегъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, очувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей, и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выдти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шуму, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутк изодраннаго бѣлья и окрававлен платокъ, по которому долженъ б заключить, что кто-либо изъ ближн моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя предс вить себѣ четырнадцатилѣтняго, и лованнаго и изнѣженнаго мальч въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнаю го дороги, безъ всякаго оружія обороны. Тутъ-то въ первый разъ служили мнѣ наставленія моего ро теля. Я молился, поручая себя в Господа, обѣщалъ хранить завѣща отца моего, плакалъ, не какъ ис гавшійся ребенокъ, но какъ плач взрослый отъ сокрушенія сердца, ловалъ окровавленные лоскутки, п щался со всѣми мѣстами, гдѣ я си валъ съ родителемъ, слушая его ставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ слѣдній разъ; потомъ, взявъ пал пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны б слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и т до былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и к стало уже смеркаться, послышал шорохъ въ сторонѣ, и опросилъ. лось мой узнали мои братья, изъ торыхъ одному было десять, а друг семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мн съ ними наша няня; мы чрезвыча другъ другу обрадовались, и не з куда идти, остались ночевать подъ ревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣт пошли мы по дорогѣ, не зная куда ведетъ. Уже солнце высоко подняло когда приблизились мы къ рѣчкѣ, регомъ которой шла дорога; преле ныя мѣста кругомъ, небольшія пол ки, пріятный утренній воздухъ и всемѣстная тишина заставили б насъ забыть ужасное наше положе но вдругъ услышали мы страшн крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ

у одного брата, бросился къ рѣчкѣ рылся въ густой травѣ у береговъ, ня съ меньшимъ братомъ моимъ жала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ а дворянку, погнались за нею, и ъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; спугѣ она подставила руку, которую однако ее не защитила; остріе, убивъ часть ладони, вонзилось въ о; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу вопль брата, котораго схватили рашивали, куда мы побѣжали. Не , что я дѣлаю, я откликнулся и очивъ изъ травы, явился къ нимъ; спросили мое имя, сказали, что тъ батюшку, но что съ нимъ сдѣсь, не слышали; потомъ, сняли съ все платье и обувь и не дѣлая е никакихъ грубостей, отпустили днѣхъ рубашкахъ, показавъ дорога мельницу, которая была не да-.

езсилѣвшую отъ раны, а болѣе испуга няню нашу подняль я и лъ подъ руку къ мельницѣ. Когда подошли къ плотинѣ, напали на двѣ большія собаки, отъ которыхъ, чно, мы бы не въ силахъ были затться, если бы мельникъ не прилъ къ намъ на помощь. Этотъ до человѣкъ, узнавъ, что мы дворятровенно сказалъ что нянюшка тъ остаться у него, а насъ онъ ять не смѣетъ, боясь быть за то ымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. когда мы сказали ему, что сутки го не ѣли, то онъ пригласилъ насъ ельницу и обѣщалъ дать молока ѣба.

мельничнаго анбара, намъ дали ольшому куску хлѣба и по ложкѣ, оставили крынку молока; лишь ко принялись мы за пріятную для днаго работу, какъ вдругъ жена мелька закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду; другіе — повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳметики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, разсказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близь-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можетъ понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разказалъ, какъ найдти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Чрезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался, и выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту дере-

, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласив-
меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь
наступила; заунывные голоса лю-
сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ
въ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, про-
ли такое чувство въ напуганномъ
ъ воображеніи, что мнѣ казалось
не быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это
шное мученіе духа.
ставъ поспѣшно, пошелъ я обратно
еревню, гдѣ не встрѣтилъ никого
лицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину,
нашелъ въ избѣ жены его. Оста-
ный тутъ маленькій ребенокъ, си-
ъ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ
ѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ
уску и посадилъ братьевъ на по-
, куда и самъ забрался.
) окончаніи домашнихъ работъ,
йка возвратилась въ избу, засвѣти-
гонь, поужинала и, поигравъ съ
мъ ребенкомъ, собиралась уже ид-
iать. Въ эту минуту, поспѣшно сой-
ъ палатей, бросился я предъ нею
олѣна, прося позволенія ночевать
ı домѣ; по утру же, если ей угод-
ама бы насъ убила, или отдала бы
бійство... Долго не отвѣчала она
юва, умильно смотрѣла на меня,
чивала головою; наконецъ слезы,
тившіяся по лицу, убѣдили меня,
калость взяла верхъ надъ стра-
. Она, поднявъ меня, говорила:
и свѣдаютъ, что я скрыла у себя
інъ, то меня, мужа моего и ребен-
ішего убьютъ и домъ сожгутъ, но
такъ.» Послѣ этого, снявъ съ па-
ѣ братьевъ моихъ, которые тамъ
было заснули, одѣла всѣхъ насъ
рдовскія платья, провела на зад-
дворъ въ сѣнницу; положивъ на
о подушку, велѣла намъ лечь, и
ь шубою, накрыла насъ пошевня-
Отъ усталости я такъ сладко за-
ь, что ничего во снѣ мнѣ не грези-

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйдти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; провелъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться.

Раставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ велѣлъ тоже дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшой мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію Мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ

насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.»—«Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, иацарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подъѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получатъ за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близъ церкви, пошли къ толпѣ народа собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отъѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенныя близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня.—«Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найдти тѣла матушки и сестеръ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, стращая гнѣвомъ Божіимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебрянная, тѣбѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и

любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По пріѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близь канцеляріи.

Насилу съ помощію какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разсказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разсказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіи двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаянія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. — «Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разсказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разсказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди

тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его и стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавшіе его, единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ тоже; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близь церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода (¹) идетъ, сѣчетъ и рубитъ.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ (²); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ

(¹) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спасаться бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

(²) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мущину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

предмѣстіи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ Государыни, объявилъ онъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копѣйщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ ними изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восьмнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подъячій, котораго мать была попадьею въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подъячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобъ я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подъячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошолъ вонъ, теперь не до тебя.» Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подъячему, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-набраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подъячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами, и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служитъ самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою

самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся въ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе домы грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, высѣченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною,—приказалъ сыскать козаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что̀ и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьми.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы вы-

пустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.» — «Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатаго халата убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ старика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгнать изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, что̀ бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили: упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ было грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было войдти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ Оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содер-

жанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради, не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ.»—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часъ отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на роспиcку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводи-

телемъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина ровестника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастію нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать, и хотя выпустилъ подъячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы, съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и небольшой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Всѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подъячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ черный кафтанъ, и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю (³), у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій все возможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; разсказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не во время допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только, по обыкновенію, не побилъ его, а даже и не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменьею и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадиру благодарить отъ ея имени за оказанныя намъ милости. Пиль принялъ меня очень ласково, расправшивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя,

(³) Не дѣдъ ли это М. А. Дмитріева, мать котораго была урожденная Пиль? *П. Б.*

занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся) и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего пріѣзда, прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ шесть часова утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольныя старушки учили меня, каждая по своему, что дѣлать, и что говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойдти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Разскажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключенія твои исторически.» Я разсказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разсказа графъ разчувствовался, плакалъ, нѣжно, какъ отецъ, цѣловалъ меня, и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастіе ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй; что хотите вы съ нимъ дѣлать?» (4) Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — и такъ спроси у матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я разсказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣ-

(4) Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допросѣ показалъ, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, гдѣ мы скрывались; матушку и сестру ударилъ дубиною по головѣ, чтобы доказать мятежникамъ, что онъ присталъ къ ихъ толпѣ; а участвовалъ въ убійствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ вовлеченный изъ одного злодѣйства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

тельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую его сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣстѣ съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и разсказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово, и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей что онъ доволенъ моими посѣщеніями и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости,—но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы, нѣсколько погодя, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодаритъ за то Бога, и у Него проситъ ей возданія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что кромѣ тягости она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтныхъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей долж-

видѣть волю Божію, но матушка ѣчала все одно и тоже: «Богъ имъ цъ, и Онъ устроитъ ихъ участь.»

)днако вскорѣ она согласилась съ ніемъ новой нашей попечитель- цы и обѣщала къ ней пріѣхать, ько не къ обѣду, потому что, слѣ- монастырскимъ правиламъ, ѣла по- ѳе, никому о томъ не сказывая, хотя это знали.

:ослѣ обѣда мы всѣ пошли къ бри- іру. Ласковый и почти родствен- пріемъ, казалось, былъ пріятенъ ушкѣ; но начавшійся благовѣстъ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ, и не пая никакихъ просьбъ, она со всѣ- нами отправилась въ монастырь. менья, узнавъ о нашемъ визитѣ, дительно уговаривала матушку олжать знакомство, говоря, что это :но для дѣтей ея и не можетъ быть ѣхою любви ея къ молитвѣ.

а другой день бригадирша была гъ у насъ и пригласила матушку ебѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; друж- та заставила матушку придти въ и имѣть о насъ должное попеченіе, жетъ-быть спасла насъ отъ поги- , которая легко могла случиться непризрѣнія въ ребячествѣ.

I. Служба въ Оренбургскомъ краю.

о прошествіи нѣсколькихъ мѣся- ь послѣ нашего несчастія, матуш- тала приходить въ себя и поѣхала воему отцу. У него прожили мы ги всю зиму. Возвратясь въ Ала- ь, она купила домъ, и перестроивъ начали мы жить, какъ слѣдуетъ. ственница матушки, пріѣхавшая Москвы, съ которою она была дру- , боясь возвратиться въ свою дере- , находящуюся недалеко отъ го- , также купила домъ. Многіе дво- е, поселившись также въ городѣ, составили очень пріятное общество и до того дружное, что казалось, что всѣ были одной семьи ([5]). Несчастіе всегда уничтожаетъ гордость и склоняетъ сердца къ снисхожденію и единомыслію.

Между тѣмъ записали меня унтеръ-офицеромъ въ гвардію, и прислали паспортъ на два года: въ началѣ 1777 я долженъ былъ явиться въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. матушкѣ представилось, что я могу уже быть способенъ къ дѣлу, и меня послали въ Оренбургскую деревню привесть въ порядокъ дѣла и разстроенное тамъ хозяйство.

Пріѣхавъ въ 1777 году въ С.-Петербургъ на службу, я не явился въ полкъ. Покровители мои сочли за лучшее показывать меня малолѣтнымъ. Меня производили въ чины и выпрашивали мнѣ паспорты до совершеннаго возраста. Наконецъ, когда мнѣ минуло 19 лѣтъ, я вступилъ въ службу сержантомъ; и чрезъ два мѣсяца, въ которые одинъ только разъ былъ въ караулѣ, мнѣ исходатайствовали отпускъ на годъ. По окончаніи отпуска покровители мои посовѣтовали мнѣ оставить военную службу и перейти въ статскую. На 22 году я былъ опредѣленъ прокуроромъ, съ чиномъ этому званію присвоеннымъ.

Все это время и пять лѣтъ, въ которые я былъ прокуроромъ, провелъ я самымъ празднымъ образомъ:

([5]) Вотъ одна изъ причинъ заселенія дворянами нашихъ мелкихъ городовъ. Введенное вслѣдъ за укрощеніемъ Пугачевщины Учрежденіе о губерніяхъ, въ соединеніи съ дарованною 13 лѣтъ тому назадъ свободою дворянамъ служить или оставаться дома, также много способствовало усиленію городской дворянской жизни и приготовило тотъ бытъ, который господствовалъ до нынѣшнихъ дней. *П. Б.*

ничему не учился, ни къ чему не прилежалъ, и не зналъ ничего, что касается до должности. Но будучи любимъ начальниками и находясь всегда въ ихъ обществѣ, я не только былъ терпимъ въ службѣ, но многіе даже меня уважали.

(1785) Когда мнѣ минуло 25 лѣтъ, назначенъ къ намъ былъ генералъ-губернаторомъ нѣмецъ со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра: влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно гордый, щедрый и въ тоже время скупой, охотникъ наряжаться и видѣть предъ собою нарядныхъ, затѣвать великія дѣла, представлять малыя великими и покровительствовать всѣмъ страждущимъ [6]. Новый генералъ-губернаторъ, обладавшій умомъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ, сначала былъ предваренъ обо мнѣ невыгодно. Но вспыльчивый и избалованный мой нравъ послужилъ мнѣ въ пользу. Жаркое объясненіе о моей невинности ему понравилось, а скорое за тѣмъ открытіе клеветы глупыхъ и пристрастныхъ чиновниковъ обратило его совершенно на мою сторону. Въ началѣ я былъ принятъ въ его избранное общество, потомъ сталъ мнѣ покровительствовать.

Я провелъ нѣсколько времени какъ и прежде празднымъ, но поссорившись съ любовницею генералъ-губернатора, которая взяла надъ нимъ большую власть, потерялъ его довѣренность. Мѣсто къ которому я принадлежалъ по службѣ, было въ областномъ городѣ. Со мною сдѣлалась лихорадка, которая вмѣстѣ со скукою, неизбѣжною въ дурномъ, отдаленномъ городѣ, такое навела на меня уныніе, что я послалъ просьбу объ отставкѣ. Я ее получилъ обратно вмѣстѣ съ представленіемъ губернскаго прокурора при письмѣ его письмоводителя, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что я произведенъ въ надворные совѣтники, и потому, хотя на нѣкоторое время, долженъ остаться въ службѣ.

Это происшествіе, служащее доказательствомъ выгоднаго обо мнѣ мнѣнія начальства, было причиною множества толковъ. Начальникъ губерніи снова и даже еще болѣе сталъ ко мнѣ внимателенъ, и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ другую губернію, ввѣренную его начальству. Я согласился. Дорогою занемогаетъ его письмоводитель. Будучи принужденъ оставить его, онъ не зналъ, что дѣлать не умѣвъ писать по русски, и предложилъ мнѣ исправлять эту должность, на что я согласился. Слогъ мой ему понравился. Дѣла, сильно дѣйствовавшія тогда на его честолюбіе, открыли мнѣ всѣ тайны его намѣреній. Нѣкоторыя мои предположенія, приведенныя въ дѣйствіе и прославившія его въ послѣдствіи, доставили мнѣ полную его довѣренность и дружбу.

Городъ, гдѣ я прожилъ съ нимъ цѣлые два мѣсяца, мнѣ понравился. Ссора моя съ любовницею генералъ-губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ женою глупаго губернатора не представляла мнѣ возможнымъ пріятно проводить время въ Оренбургѣ, и я вздумалъ проситься въ Уфу. Я написалъ къ генералъ-прокурору [7] и просилъ опредѣ-

---

(6) Графъ Осипъ Максимовичъ Игельстромъ (ум. 1817). Онъ былъ генералъ-губернаторомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ съ 1784 по 1792 годы. Впослѣдствіи онъ прославился на войнѣ и особенно извѣстенъ своимъ посольствомъ въ Польшѣ во время Варшавскаго избіенія Русскихъ Поляками. *П. Б.*

(7) Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. *П. Б.*

лить меня совѣтникомъ въ гражданскую палату. Мѣсто это мнѣ было обѣщано, и, очень довольный, отправился я ожидать повелѣнія о своемъ перемѣщеніи, что̀ вскорѣ было и сдѣлано.

Пріѣхавъ въ Уфу, я вступилъ въ должность. Предсѣдатель палаты, человѣкъ не молодой, довольно честный, и гордясь знатностію рода и своимъ богатствомъ, считавшій присутствующихъ палаты своими подчиненными, обошелся со мною ласково, но съ видомъ покровительства. Честолюбіе мое было тронуто. Я былъ съ нимъ учтивъ, но сталъ удаляться отъ него, и обходился съ нимъ, какъ съ равнымъ. Мои товарищи, не смѣя поступать также, одобряли однако же мое поведеніе. Однажды, въ присутствіи, предсѣдатель сказалъ мнѣ, что я не знаю дѣла, и хочу быть тѣмъ, чѣмъ быть не умѣю. Больно мнѣ было это выслушать, и хотя на словахъ я ему не уступилъ, но самъ въ себѣ сознавалъ преимущество его надъ собою. Послѣ этой ссоры онъ возложилъ на меня особое по дѣламъ порученіе, и мнѣ всякой день приходилось чувствовать свои недостатки. Униженіе, которое я терпѣлъ, и самолюбіе не давали мнѣ покоя. Я сталъ заниматься, познакомился съ старымъ и опытнѣйшимъ въ своемъ дѣлѣ честнымъ судьею. Онъ мнѣ ясно доказалъ, что путь къ знанію не труденъ и не далекъ, лишь бы охота была учиться. Полгода, проведенные въ серьезномъ занятіи, много научили меня, и дали мнѣ вкусъ любить дѣло.

(1787) Вскорѣ получено было повелѣніе о моемъ перемѣщеніи въ совѣтники губернскаго правленія. Имѣя надежду управлять дѣлами мѣста, начальствующаго въ цѣлой губерніи, я съ восхищеніемъ отправился къ новой должности Похвальные отзывы начальника поселили въ моемъ сердцѣ честолюбіе.

Вступивъ въ должность и входя въ дѣла, я съ радостію увидѣлъ, что въ состояніи вести ихъ, какъ слѣдуетъ. Самолюбіе внушило мнѣ, что я понимаю виды правительства лучше своихъ предмѣстниковъ; а совершенное во всемъ невѣжество губернатора, съ которымъ я присутствовалъ, еще болѣе вкоренило во мнѣ вредное о себѣ высокое мнѣніе. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ родной мой и другъ, Николай Александровичь Чирковъ [8], отправлявшійся въ походъ, которому надобно было дождаться пріѣзда нашего главнаго начальника и принять его приказанія. Онъ получилъ тогда изъ Петербурга вновь появившіяся книги — сочиненія *Мерсіера* [9]. Драма его: Судья, сильно поразила меня. Читая ее съ слезами на глазахъ, Чирковъ говорилъ мнѣ: „счастливъ бы я былъ, еслибы ты былъ похожъ на этого судью!“ Воображеніе мое было воспламенено; честолюбіе, подстрекаемое успѣхами и всеобщимъ уваженіемъ, сдѣлалось во мнѣ страстію.

Дружба моя съ начальниками продолжалась не долго. Жена губернатора начала, не даромъ, покровительствовать одному богачу, который искалъ притѣснить бѣднаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ разорить цѣлое общество добрыхъ поселянъ. Я за нихъ вступился, поссорился съ начальниками, и хотя не мнѣ защитить крестьянъ, но такъ повелъ дѣло, что въ послѣдствіи они выиграли.

[8] Отецъ Софьи Николаевны Давыдовой, нынѣ вдовы извѣстнаго партизана-поэта, женатый въ послѣдствіи на Елизаветѣ Петровнѣ Татищевой, дочери одного изъ основателей „Дружескаго ученаго общества.“ *П. Б.*

[9] Судья, драма въ 5 дѣйствіяхъ Мерсье, переведена была А. Ѳ Лабзинымъ и напечатана въ Москвѣ, въ 1788 году. *П. Б.*

Противодѣйствіе губернатору произвело то, что умный генералъ-губернаторъ сталъ отзываться обо мнѣ, что я честолюбивый ребенокъ, который ищетъ славы во вкусѣ романическомъ; а глупой губернаторъ сердился и бранилъ меня. Жена его внушала своему любовнику, что я стараюсь показать себя умнѣе и справедливѣе его, и употребляю во вредъ его довѣренность, а мужу своему говорила, что пора унять меня.

Между тѣмъ, по случаю начавшейся въ 1787 году войны съ Турками, поступило въ губернское правленіе дѣло очень важное, и я выбранъ къ приведенію въ исполненіе предположенія генералъ-губернатора.

Прежними примѣрами доказано было, что во время войны съ Турками всегда возмущались народы, исповѣдующіе Магометанскій законъ и обитающіе на Азіатской границѣ, что было всегда причиною, препятствующею успѣхамъ побѣдоноснаго нашего войска.

Бухарія, окруженная степями Киргизъ Кайсаковъ и Татаръ и граничащая съ Персіею и Индіею, славится своимъ духовенствомъ. Магометане, обитающіе въ Россіи, имѣютъ большее уваженіе къ тѣмъ духовнымъ особамъ, которыя воспитывались въ Бухаріи. По этому всякій мулла, выѣхавшій оттуда, объясняющій догматы религіи, признается суевѣрнымъ народомъ за святаго, всевѣдущаго. Эти муллы употреблялись всегда Турками къ возбужденію Россійскихъ Магометанъ къ бунту. Генералъ-губернаторъ, предъугадывая, откуда должно ожидать грозу, и издерживая собственныя свои деньги, послалъ въ степь своихъ шпіоновъ, и успѣлъ перехватить письмо изъ Турціи въ Бухарію, изъ котораго видно было, что вскорѣ отправляется паша съ большими подарками склонять Бухарцевъ противъ Россіи. Письмо это послано было въ оригиналѣ къ императрицѣ. Въ слѣдствіе того генералъ-губернаторъ получилъ милостивый рескриптъ, въ которомъ хвалили его дѣйствія, и увѣдомляли, что подобное свѣдѣніе уже получено было изъ Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было, подъ видомъ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, отправить по губерніи надежныхъ чиновниковъ, которымъ поручить, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго края, дать наставленія уѣзднымъ начальникамъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и въ случаѣ прибытія Бухарцевъ, препятствуя исполненію ихъ замысловъ, такъ поступать, чтобы не дать поводъ къ подозрѣнію и не возмущать права народныя. Это важное порученіе дано было мнѣ и одному моему пріятелю; я долженъ былъ объѣхать семь, а онъ шесть округовъ.

Исполнивъ порученіе, я явился въ Оренбургъ къ генералъ-губернатору. Всѣ мои представленія на счетъ общихъ дѣлъ по губерніи были совершенно одобрены и приведены въ дѣйствіе. Въ разсужденіи же мѣръ, которыя слѣдовало принять противъ проповѣдыванія Бухарцевъ, я подалъ проектъ, гдѣ предлагалъ учредить при губернскомъ правленіи духовное собраніе изъ двухъ или трехъ избраннѣйшихъ и въ вѣрности испытанныхъ духовныхъ особъ Магометанскаго закона, которые экзаменовали бы желающихъ поступать въ званіе муллъ и представляли бы ихъ на утвержденіе губернскаго правленія; правленіе же обязано было каждому дать указъ, безъ котораго, какъ безъ доказательства его званія, никто бы не смѣлъ учить въ школахъ и изъяснять законъ въ мечетяхъ. И какъ установленіе не

новое, но только не исполняемое, оно не могло причинить вредныхъ въ народѣ толковъ, а между тѣмъ пресѣчетъ козни Бухарцевъ, распространяющихъ будто бы волю Пророка между простодушными Русскими Магометанами. Проэктъ мой принятъ былъ генералъ-губернаторомъ съ большимъ уваженіемъ, и мнѣ было приказано, прибывъ въ Уфу, объяснить его въ губернскомъ правленіи, и потомъ представить по порядку, что̀ и было исполнено.

(1789) Когда генералъ-губернаторъ получилъ отъ губернскаго правленія мой проэктъ, то, одобривъ его, представилъ императрицѣ. Въ слѣдствіе того учреждено было духовное собраніе Магометанскаго закона, и предсѣдатель онаго пожалованъ въ муфтіи. Права этого новаго мѣста опредѣлены были на основаніи моего проэкта. Генералъ-губернаторъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ благодарилъ меня и представилъ къ награжденію орденомъ, но представленіе было сдѣлано слабо, и я его не получилъ.

(1790) Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего главный нашъ начальникъ получилъ повелѣніе ѣхать въ столицу и назначеніе командовать арміею противъ Шведовъ. Передъ отъѣздомъ онъ объяснялся со мною, обѣщалъ за меня ходатайствовать, далъ слово взять къ себѣ моего брата и заботиться о его возвышеніи. Онъ помирилъ меня съ мужемъ своей любовницы, и такъ устроилъ дѣло, что я снова всѣмъ сердцемъ сталъ желать ихъ пользы. Пріѣхавъ въ столицу, онъ былъ очень милостиво принятъ императрицею. Пользуясь этимъ, онъ до того неумѣренно хвалилъ губернатора, обладателя красоты его любезной, что милости на него посыпались, и онъ былъ удостоенъ совершенной довѣренности, что̀ возродило неслыханную гордость этого глупаго человѣка, и дѣлало его часъ отъ часу несноснѣйшимъ. Между тѣмъ губернаторша, не подражая примѣру Пенелопы, чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ своего героя прельстилась другимъ; извѣстіе о невѣрности ея, дошедшее къ рыцарю среди военныхъ дѣйствій, воспалило его яростію и мщеніемъ.

Въ это время возникло дѣло, сдѣлавшееся въ послѣдствіи важнымъ, которое мучило меня нѣсколько лѣтъ и грозило мнѣ большимъ несчастіемъ. Оренбургъ — коммерческій городъ въ лѣтніе мѣсяцы. Иногородные купцы, пріѣзжавшіе на время ярмарки, мало по малу, пользуясь правомъ сильнаго, присвоили себѣ всѣ выгоды обывателей, которые, будучи бѣдны, терпѣли отъ дорогаго содержанія въ отдаленномъ городѣ на безплодной землѣ, и отличаясь только отъ другихъ жителей налогами, купеческому званію присвоенными, были въ совершенной нищетѣ. Не въ силахъ будучи производить торгъ свѣжимъ мясомъ, требующимъ капитала на покупку и прокормленіе скота въ зиму, они производили дороговизну для всѣхъ, которые по службѣ должны были жить въ городѣ. Полиція, получивъ согласіе магистрата и дозволеніе губернскаго правленія, заключила контрактъ съ однимъ Оренбургскимъ купцомъ, обязавшимся продавать всегда свѣжее мясо по таксѣ, и за то съ своей стороны запретила иногороднымъ купцамъ, не имѣвшимъ права мелочной торговли въ городѣ, дѣлать подрывъ ему въ этомъ промыслѣ. Купцы сіи, съѣхавшіеся въ городъ къ ярмаркѣ и видя, что пресѣчена имъ большая отрасль барыша, стали просить губернатора, изъясняя, что будто бы мясною торговлею держится вся коммерція, чего по справедливости совсѣмъ не было. Они хо-

рошенько попросили его секретаря и губернаторшу и довели до того, что онъ, при предложеніи своемъ, прислалъ эти просьбы въ губернское правленіе (въ которомъ я тогда одинъ присутствовалъ), и требовалъ, разсмотрѣвъ дѣло, представить ему мнѣніе правленія. Между тѣмъ онъ остановилъ дѣйствіе контракта и дозволилъ иногороднымъ купцамъ пользоваться всѣми выгодами, принадлежавшими однимъ бѣднымъ обывателямъ. Повѣренный иногородняго купечества привезъ предложеніе въ правленіе и подалъ мнѣ письмо, подписанное всѣми лучшими купцами. Въ письмѣ этомъ они выхваляли мою справедливость и, криво доказывая правость своего дѣла, старались обратить меня на свою сторону. Въ тотъ же день по почтѣ получено было въ правленіи донесеніе магистрата, который просилъ утвердить и привести въ дѣйствіе контрактъ, какъ основанный на законѣ, и сдѣланный въ пользу городскихъ жителей; а начальникъ полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ областной оберъ-комендантъ, командиръ и старшій членъ пограничной экспедиціи, рапортомъ изъяснялъ правленію, что если контрактъ будетъ нарушенъ, то полиція лишится всякаго довѣрія, что купецъ, заключившій контрактъ, употребивъ немалый капиталъ на всѣ необходимыя заведенія, разорится, и городъ по прежнему не будетъ имѣть свѣжаго мяса во всѣ зимніе мѣсяцы. Я только что приказалъ сообразить эти одно другому противорѣчащія требованія и выписать законы, относящіеся къ дѣлу, какъ въ тотъ же день получилъ два указа сената. Въ одномъ требовали объясненія о причинахъ медленности во взысканіи денежныхъ недоимокъ, и мнѣ поэтому надобно мнѣ было просмотрѣть до сорока дѣлъ, привесть ихъ въ исполненіе и по всѣмъ написать объясненіе. Вторымъ указомъ сенатъ требовалъ объясненія о причинахъ медленности рекрутскаго набора, которому давно минулъ срокъ. Для донесенія сенату мнѣ также необходимо было просмотрѣть огромную переписку по этому предмету съ казенною палатою.

На другой день я получилъ свѣдѣніе, что Бухарцы и Турки, не имѣя возможности дѣйствовать по прежнему для возбужденія Русскихъ Магометанъ къ бунту, посылаютъ къ двору посла, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы принести жалобу на Киргизцовъ, грабившихъ караваны и препятствующихъ тѣмъ распространенію торговли. Посолъ, ѣхавши цѣлое лѣто чрезъ Киргизскую степь, собиралъ тамъ Киргизцовъ и Башкирцовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи; многіе изъ нихъ согласились быть готовыми къ бунту, и получили отъ посла обѣщаніе объ отводѣ имъ участковъ земли въ степи Киргизской въ случаѣ неудачи возмущенія. Взаимною присягою они утвердили обѣщаніе, и назначили день, въ который послѣ поминокъ богатыря ихъ, издревле славимаго, погребеннаго въ степи близъ линіи, должно было приступить къ дѣлу. Генералъ-прокуроръ, увѣдомляя губернатора о вредныхъ замыслахъ Бухарскаго посла, предписывалъ тотчасъ по прибытіи его на линію, подъ видомъ почестей, удалить его отъ всякаго сообщенія съ народомъ, и на пути къ столицѣ, сколько можно, миновать Магометанскія селенія. Но губернаторъ удовольствовался только тѣмъ, что написалъ всѣмъ комендантамъ принимать посла съ почестями, и немедленно донести о его прибытіи; и потому, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, онъ принятъ былъ отлично, и по изъявленному имъ желанію отведена была ему квартира въ Та-

тарской слободѣ, гдѣ, находясь безъ всякаго присмотра (до тѣхъ поръ, пока получено было повелѣніе объ отъѣздѣ его въ Петербургъ) недѣли съ двѣ принималъ у себя Магометанъ нашихъ всѣхъ сословій.

Въ это время получилъ я письмо отъ губернатора, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что, будучи боленъ, ѣдетъ въ Уфу (10), и приказывалъ мнѣ, по окончаніи экстренныхъ дѣлъ и по прибытіи вновь опредѣленнаго совѣтника, выѣхать къ нему на встрѣчу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мнѣ давалъ знать о намѣреніи своемъ командировать меня въ округи, и назначилъ мнѣ свиданіе чрезъ четыре дня.

Въ это короткое время я исполнялъ указы сената, и собралъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для командировки; по дѣлу же о мясномъ торгѣ не обратилъ большаго вниманія и отвѣчалъ губернатору, что, по моему мнѣнію, онъ долженъ принадлежать городскимъ обывателямъ, а торгъ саломъ и кожами, какъ предметъ внѣшней нашей торговли съ Азіатцами, долженъ быть свободный, что̀ предполагалъ представить на разсмотрѣніе сенату. Губернаторъ, или лучше сказать его секретарь, представилъ это дѣло сенату въ такомъ видѣ, что губернское правленіе дозволило заключить контрактъ; но онъ, пріѣхавъ въ Оренбургъ, найдя контрактъ вреднымъ для торговли и имѣющимъ видъ монополіи, остановилъ его дѣйствіе; что отъ существованія этого контракта произошли въ Киргизскомъ народѣ вредные толки, что скотъ ихъ идетъ въ однѣ руки, и отъ того цѣна ему упадаетъ; а потому прикочевывать на линію они стали меньше, и тѣмъ торговля уменьшилась; что по его мнѣнію должно вовсе уничтожить контрактъ, и дозволить всѣмъ безпрепятственно производить всякіе промыслы; губернское же правленіе, не соглашаясь съ мнѣніемъ его, полагаетъ, что по закону иногородные купцы не могутъ пользоваться правомъ Оренбургскихъ жителей. Иногородные купцы съ своей стороны не дремали. Выбравъ повѣреннаго, на общій счетъ, отправили его въ С.-Петербургъ съ просьбою къ президенту комерцъ-коллегіи (11), лично знакомому нѣкоторымъ изъ богатѣйшихъ купцевъ, къ которому писалъ объ этомъ дѣлѣ и губернаторъ.

Не предусматривая скопляющейся надо мною тучи, я отправился по округамъ, получивъ отъ губернатора порученіе принимать всякія мѣры, которыя найду полезными. Оставалось безъ малаго два мѣсяца до времени поминокъ богатыря, и потому я началъ ревизію округовъ, къ тому мѣсту прилегающихъ, и занялся изслѣдованіемъ причинъ неуспѣшности рекрутскаго

---

(10) Для болѣе яснаго пониманія, читатели припомнятъ, что недавнія отношенія между Оренбургомъ и Уфою, въ старину находились въ положеніи обратномъ: существовало Уфимское намѣстничество, и Оренбургъ подчинялся Уфѣ. Д. Б. Мертваго писалъ свои Записки уже въ XIX в. и называлъ должности новыми именами. По мѣсяцословамъ 1789 и 1790 годовъ, къ коимъ относится этотъ разсказъ его, видно, что ни должности губернатора ни губернскаго правленія въ Уфѣ и въ Оренбургѣ тогда не было; подъ именемъ губернатора слѣдуетъ разумѣть правителя намѣстничества, т. е. помощника намѣстника или генералъ губернатора. Этимъ правителемъ состоялъ тогда генералъ-маіоръ Александръ Александровичь Пеутлингъ. Совѣтникомъ *намѣстническаго* правленія, кромѣ Д. Б. Мертваго, показанъ въ мѣсяцословахъ директоръ народнаго училища Андреянъ Андреян. Гагемейстеръ. *П. Б.*

(11) Графъ Александръ Романовичь Воронцовъ, въ послѣдствіи канцлеръ (1741-1805) *П. Б*

набора. Производя ревизію присутственныхъ мѣстъ, я находилъ почти повсемѣстно притѣсненія и ябеды, раззоряющія бѣдныхъ поселянъ. Принимая сторону утѣсненныхъ, я старался мирить тяжущихся, употреблялъ самыя жестокія мѣры къ искорененію грабительства, а грабителей вышедшихъ въ чины, которыхъ не возможно было исправить тѣлеснымъ наказаніямъ, заставлялъ подавать прошенія въ отставку; нѣкоторыхъ же въ высшей мѣрѣ преступныхъ отсылалъ къ губернатору для преданія суду. Дѣйствуя такимъ образомъ, я разсѣялъ повсюду такой страхъ, что въ концѣ втораго мѣсяца, пріѣзжая въ города, не находилъ ни жалующихся, ни нерѣшенныхъ дѣлъ, которыя слѣдовало бы окончить.

Слава о моемъ правосудіи и строгости распространилась повсюду. Добродушной Башкирской народъ, не обязанный образованіемъ своимъ никому кромѣ природы, дружелюбно тѣснился вокругъ меня. Смѣлость его обхожденія со мною и похвалы его, исходящія прямо отъ сердца, возвышали мою душу. Неблагонамѣренные же члены и чиновники присутственныхъ мѣстъ встрѣчали меня съ трепетомъ; мрачность ихъ лицъ доказывала черноту ихъ сердца. Отправившись изъ послѣдняго уѣзднаго города верстъ на 500 вдоль по Уральскимъ горамъ въ земли, обитаемыя кочующими Башкирцами, къ могилѣ богатыря, гдѣ долженъ былъ возгорѣться бунтъ, я рѣшился прибыть туда къ празднику поминокъ съ тѣмъ, что если (какъ доходили извѣстія) я найду скопище народа, которое силою укротить будетъ не возможно, то стараться успокоить ихъ. Личная привязанность ко мнѣ и добродушіе этого, повидимому, суроваго народа заставляли меня надѣяться успѣть въ томъ. Этотъ планъ дѣйствій, задуманный мною въ самомъ началѣ моей поѣздки, я никому не открывалъ, и объявилъ только таможенному чиновнику, находящемуся въ послѣднемъ городѣ, которому прежній губернаторъ поручалъ пограничныя дѣла. Онъ одобрилъ мои предположенія, но при томъ сказалъ мнѣ, что въ слѣдствіе бывшихъ въ ордѣ сходбищъ, нѣсколько десятковъ Киргизцовъ, какъ слышно, прокравшись чрезъ линію, находятся внутри Башкиріи, для узнанія мѣста, гдѣ удобнѣе переправиться чрезъ Уральскія горы, и потому совѣтывалъ мнѣ взять предосторожности, необходимыя въ такихъ обстоятельствахъ. Извѣстіе это тяжело мнѣ было слышать, но отстать отъ моего намѣренія казалось мнѣ уже невозможнымъ. Я поѣхалъ. Моя свита состояла изъ двухъ моихъ людей, одного унтеръ-офицера и одного переводчика; всѣ мы помѣщались въ двухъ телѣгахъ.

Проѣзжая мѣстами, гдѣ величественная природа представляется во всей красотѣ ([12]), я видѣлъ людей совершенно счастливыхъ, живущихъ въ изобиліи и незнающихъ тѣхъ утонченностей образованія, которыя, обольщая, зарождаютъ въ сердцахъ зависть. Я встрѣчалъ всюду благорасположеніе этого простодушнаго народа. Однажды, ѣхавши ночью, я уснулъ въ повозкѣ; люди мои разбудили меня, чтобы перейти пѣшкомъ мостъ, дурно построенный; проснувшись, я увидѣлъ человѣкъ десять Башкирцевъ, которые сошли съ лоша-

([12]) Этими строками невольно приводятся на память описанія того края въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова, который нарисовалъ намъ и картину тогдашней жизни въ городѣ Уфѣ, где служилъ дѣдъ его по матери Николай Ѳедоровичъ Зубовъ (Семейная Хроника, изд. 1856, стр. 100 и 104). *П. Б.*

дей. Спросивъ чрезъ переводчика, что за люди, и какое до меня имѣютъ дѣло, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что онъ Башкирецъ, который съ годъ тому назадъ подавалъ въ губернское правленіе просьбу, получилъ отъ меня скорое и справедливое удовлетвореніе и услышавъ въ кочевьяхъ своихъ о моемъ проѣздѣ, онъ выѣхалъ повидаться со мною, и взялъ съ собою своихъ родственниковъ, чтобы познакомить ихъ со мною. Сказавъ имъ нѣсколько дружескихъ словъ, я сталъ съ ними прощаться, совѣтуя имъ обратно ѣхать въ свои улусы, но они отвѣчали мнѣ: «здѣсь не смирно. Всѣ ли знаютъ, что ты добрый судья, и тебя не тронутъ? Нѣтъ, мы проводимъ тебя верстъ тридцать до крѣпости, и дорогою поговоримъ съ тобою.“ Это доказательство ихъ любви ко мнѣ такъ сладостно мнѣ было, что слезы умиленія покатились по лицу, и я благодарилъ Бога, споспѣшествовавшаго мнѣ до сего достигнуть.

Въ слѣдствіе данныхъ мною приказаній капитанъ-исправники изъ двухъ пограничныхъ округовъ ожидали меня въ той крѣпости. Основанная издревле среди Уральскихъ горъ, она имѣла одно названіе крѣпости, находясь въ уступѣ между утесистыми горами; гарнизонъ ея состоялъ изъ 20 дряхлыхъ солдатъ. Исправники мнѣ донесли, что хотя прежде нѣсколько и было замѣтно волненіе въ народѣ, но никогда не доходило до той степени, какъ разсѣялись о томъ несправедливо слухи; теперь же, какъ можно думать, Башкирцы всѣ спокойны, устроиваются на зиму, и нисколько не видно, чтобы рѣшались на отчаянное предпріятіе. Посовѣтовавшись съ ними, я счелъ нужнымъ дать каждому письменное наставленіе, какъ поступать при первомъ усмиреніи мятежа, и ласково, но вмѣстѣ строго подтвердилъ о соблюденіи справедливости и о скоромъ рѣшеніи дѣлъ. За тѣмъ я отправился по предназначенному мною пути, и пробывъ всего два съ половиною мѣсяца въ дорогѣ, возвратился въ Уфу.

Въ это время губернаторъ получивъ нѣсколько милостивыхъ рескриптовъ отъ императрицы, возгордился, и видя изъ моихъ донесеній, что вѣсти о бунтѣ были несправедливы, принялъ меня довольно холодно, и не показалъ никакаго вниманія къ хорошему исполненію даннаго мнѣ порученія. Въ слѣдствіе поданнаго отъ меня рапорта, онъ донесъ императрицѣ, что слухи о волненіи были совершено несправедливы, въ чемъ удостовѣряютъ его трое чиновниковъ, посланныхъ имъ для развѣданія въ округи. Въ числѣ этихъ трехъ я показанъ былъ послѣднимъ, а первымъ помѣщенъ былъ чиновникъ, ѣздившій въ свою деревню поохотиться съ собаками, вторымъ же ѣздившій для покупки себѣ и губернатору лошадей. Эта несправедливость меня мало оскорбила, потому что я въ душѣ своей презиралъ начальника и не желалъ его одобренія.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ открылись слѣдствія дѣла о мясномъ торгѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи, получивъ жалобу купцовъ и письмо губернатора, представилъ императрицѣ, что полиція заключила контрактъ съ купцомъ, и предоставила ему одному право продавать въ городѣ мясо. Въ докладѣ онъ умолчалъ о томъ, что купецъ заключилъ контрактъ съ согласія всего общества, имѣющаго право на сію торговлю, и что этотъ контрактъ заключенъ былъ для пользы всѣхъ обывателей. Въ слѣдствіе доклада президента послѣдовалъ указъ генералъ-губернатору, бывшему тогда въ Петербургѣ, въ которомъ, охуждая распоряженія губернскаго правленія по сему

дѣлу, клонящемуся къ монополіи и притѣсненію народа, не только въ свободѣ торговли, но и въ пропитаніи, какъ сказано было въ указѣ, повелѣно ему принять мѣры къ искорененію этого злоупотребленія, и вытребовавъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненіе, поступить съ виновными по законамъ. Генералъ-губернаторъ вмѣсто того, чтобы потребовать объяснительный рапортъ отъ губернскаго правленія и прочитавъ въ сенатѣ донесеніе начальника губерніи, полагая, что я одинъ, присутствуя въ правленіи, дозволилъ заключеніе контракта, предложилъ немедленно уничтожить его, и всѣхъ тѣхъ, которые заключили его и дали на то дозволеніе, предать уголовному суду, и поступить съ ними, какъ съ преступниками закона. Если же откроется, что въ слѣдствіе этого контракта было стѣсненіе въ торговлѣ, причинившее ущербъ казнѣ, или убытки частнымъ лицамъ, то задержать жалованье виновныхъ, на все недвижимое имѣніе ихъ наложить запрещеніе, а на движимое секвестръ.

Генералъ губернаторъ, приславъ это строгое предписаніе съ нарочнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ губернатору, что, прочитавъ рапортъ его сенату, находитъ его мнѣніе справедливымъ, и полагаетъ, что губернское правленіе, дозволивъ заключеніе контракта, совершенно вышло изъ предѣловъ своей обязанности. Президентъ же комерцъ-коллегіи писалъ губернатору, что при докладѣ императрицѣ этого дѣла было объяснено, что онъ въ томъ нисколько не участвовалъ. Показывая мнѣ эти письма, губернаторъ совѣтывалъ мнѣ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнѣе.

Такъ какъ при предложеніи генералъ-губернатора приложена была копія съ имяннаго указа, коимъ п[illegible] было истребовать объясненіе, [illegible] те предать виновныхъ суду, то сдѣлавъ распоряженіе относительно уничтоженія контракта, я написалъ объяснительный рапортъ отъ имени губернскаго правленія, въ которомъ изложилъ причины, побудившія дозволить заключеніе контракта и объяснилъ, что свобода торговли онымъ не стѣснялась, монополіи никакой не могло быть, что обыватели отъ того выиграли и не понесено убытковъ ни казною, ни частными лицами. Въ заключеніи же рапорта я просилъ главнаго начальника губерніи вступиться за подчиненное ему мѣсто и защитить оное отъ клеветы.

Я подалъ рапортъ на разсмотрѣніе губернатора, который, прочитавъ его, понялъ, какъ много разнится онъ съ рапортомъ, посланнымъ имъ въ сенатъ и когда я напомнилъ ему, что имъ дано было дозволеніе на заключеніе контракта, и что имъ подписанъ о томъ журналъ губернскаго правленія, онъ очень испугался и пересталъ дѣлать мнѣ наставленія. Онъ, хотя и согласился на журналъ объ объяснительномъ рапортѣ, но подписать самый рапортъ отказался, который за одной моей подписью и былъ отправленъ.

Генералъ-губернаторъ, получивъ объясненіе губернскаго правленія, прислалъ предложеніе, въ которомъ опорочивая мое мнѣніе, приказывалъ поступить на основаніи перваго его предложенія, въ которомъ, изъяснена была высочайшая воля государыни императрицы.

Въ тотъ день, какъ это предложеніе было получено, я поутру заѣхалъ къ губернатору. Войдя въ кабинетъ, вижу, что лекарь и камердинеръ трутъ спиртомъ его руки, пораженныя параличемъ; страшная блѣдность лица, глаза, налившіеся кровію, жена и дѣти въ слезахъ [illegible] постели — вотъ картина,

которая мнѣ представилась. Не понимая ничего, спросилъ я о причинѣ болѣзни; показывая мнѣ бумагу, лежащую на столѣ, онъ сказалъ: „Прочти ее: онъ, злодѣй, погубить насъ хочетъ." Я прочиталъ предложеніе, которое, вѣроятно тѣмъ сильнѣе на меня подѣйствовало послѣ картины печали, наполнившей уже уныніемъ мое сердце. Въ жару чувствъ я сказалъ губернатору: «за чѣмъ же такъ сильно огорчаться? Вся тяжесть наказанія, если дѣйствія губернскаго правленія найдены будутъ незаконными, должна пасть на меня, потому что генералъ-губернаторъ, объявляя волю императрицы, опорочиваетъ мое мнѣніе, и потому сего дня же я подамъ объясненіе и наложу запрещеніе на свое имѣніе, а въ получаемомъ жалованьи, безъ котораго служить не могу, представлю поручительство моего брата, который не откажется отвѣчать своимъ имѣніемъ, если будетъ присуждено возвратить жалованье въ казну, или отдать кому въ удовлетвореніе за убытки».

Когда я это высказалъ, у губернатора покатились слезы по лицу; онъ говорилъ, что это жертва слишкомъ велика и не соглашался принять ее; но я находилъ, что, чувствуя себя правымъ, увѣренъ, что насъ невозможно обвинить за это дѣло; если же мы ничего не сдѣлаемъ по предложенію, въ которомъ изъяснена высочайшая воля, то генералъ-губернаторъ, разсердившись, доложитъ о томъ императрицѣ: мы будемъ уже тогда поистинѣ виноваты, и насъ, отрѣшивъ отъ должности, за дѣло предадутъ суду; и хоть послѣ и оправдаемся, и я, бывъ молодъ и въ маломъ чинѣ, если буду служить, могу еще догнать своихъ сверстниковъ, но онъ съ большимъ семействомъ, въ его лѣтахъ и чинѣ, можетъ потерять все невозвратно; а преданіе одного меня суду не можетъ имѣть такого вліянія на дѣла губерніи, какъ когда предадутъ насъ вмѣстѣ. И потому, полагалъ я, наложивъ запрещеніе на мое имѣніе, отослать все дѣло въ уголовную палату для отъисканія и преданія суду виновныхъ.

Сдѣлавъ все такимъ образомъ, увѣдомили мы о томъ генералъ-губернатора, который совершенно успокоился. Между тѣмъ совѣтывалъ я губернатору наблюдать за уголовною палатою, въ которой присутствующіе ни въ образѣ мыслей ни въ поведеніи не были со мною согласны, и всегда лично были на меня въ неудовольствіи. Я находилъ, что палата не должна никого допрашивать и если найдетъ нужнымъ пояснить дѣло, то относилась бы за справками въ губернское правленіе, которое, будучи мѣстомъ присутственнымъ и поставленнымъ выше палаты, можетъ отстранять несправедливыя требованія и давать дѣлу законный ходъ. Губернаторъ очень охотно принялъ этотъ совѣтъ, и понялъ, что въ исполненіи его заключается собственная его польза.

Вскорѣ послѣ этого я долженъ былъ ѣхать на нѣсколько дней въ свою деревню. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, ассессоръ уголовной палаты ([13]), состоявшій при губернаторѣ по пограничнымъ дѣламъ, свелъ его съ своимъ предсѣдателемъ ([14]), съ которымъ онъ былъ прежде въ ссорѣ. Они, посовѣтовавшись, рѣшили дѣло устроить такимъ образомъ: уголовная палата, на основаніи послѣдняго предложенія генералъ-губернатора, считая одного меня виновнымъ, будетъ просить у губер-

---

([13]) По мѣсяцослову съ росписью на 1791 г. стр. 271, это былъ капитанъ Ѳедоръ Кабритъ. *П. Б.*

([14]) По мѣсяцословамъ, Матвѣй Евментьевичь Макаровъ. *П. Б.*

натора позволенія допросить меня, и признавъ за подсудимаго, постановить приговоръ, въ которомъ скажетъ, что по невѣдѣнію законовъ и неразумѣнію важности дѣла, я запуталъ губернатора, за что полагаетъ отрѣшить меня отъ должности съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Этотъ приговоръ губернаторъ представитъ прямо императрицѣ, прося милосердія чиновнику, сдѣлавшему преступленіе по невѣдѣнію.

По возвращеніи моемъ изъ деревни, ассессоръ, вѣтренной и пьяной Французъ, самъ разсказалъ мнѣ все, чтò онъ придумалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты, думая, что я подобнымъ рѣшеніемъ останусь доволенъ. Но когда отвѣтъ мой показалъ ему ясно его заблужденіе, и когда онъ понялъ, что я почитаю себя правымъ и въ силахъ довесть дѣло до свѣдѣнія императрицы, до того же времени буду защищаться отъ безчестнаго и глупаго нападенія, сколько законъ и право мое на справедливости основанное мнѣ дозволятъ, ассессоръ протрезвился, выслушалъ всѣ жесткія слова мои и, какъ видно, успѣлъ донести о томъ губернатору. Когда я, на другой день по утру, къ нему явился, онъ принялъ меня холодно и стыдился глядѣть мнѣ въ глаза. Не желая объясняться, я сколько могъ далъ ему почувствовать, что намѣренія его мнѣ извѣстны и презираю его отъ всего сердца. Потомъ поѣхалъ я въ правленіе, и болѣе съ губернаторомъ не видался, потому что онъ не ѣздилъ въ присутствіе подъ предлогомъ множества занятій по дѣламъ пограничнымъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился на линію для назначенія новаго хана, который долженъ былъ жить въ Оренбургѣ.

Во время отсутствія губернатора, уголовная палата, на основаніи предложенія его объ отобраніи отъ меня объясненія, прислала ко мнѣ вопросные пункты. Отвѣтъ мой состоялъ только въ томъ, что изъ копіи со всего производства палатѣ должно быть извѣстно, что журналы губернскаго правленія подписаны губернаторомъ и мною; что же касается до моего мнѣнія, на основаніи котораго составляемы были журналы, то оно не могло имѣть вліянія на самый ходъ дѣла. Потомъ, изъяснивъ смыслъ журналовъ правленія, я предоставлялъ палатѣ обратиться къ губернатору на счетъ донесенія его сенату и узнать отъ него причины, почему дѣло приняло совершенно другой видъ со времени этого донесенія.

Иногородное купечество, не ожидавшее, какъ видно, такихъ произшествій, показало мнѣ въ это время приверженность и усердіе. Я получилъ по почтѣ, не знаю отъ кого, множество копій съ писемъ губернатора къ знатнымъ особамъ по этому дѣлу и съ рапорта его сенату. Изъ нихъ, хотя и поздно, узналъ я всю глупость и подлость этого труса и корыстолюбца; и когда уголовная палата два разъ подъ присягою допросила всѣхъ купцовъ, не послѣдовало ли отъ утвержденія губернскимъ правленіемъ контракта кому либо убытковъ, всѣ единогласно показали, что таковыхъ никому не было; казенная палата отвѣчала, что казна не понесла отъ того никакого ущерба.

Всѣ эти произшествія заставили меня, пока было еще время и возможность, собрать всѣ свѣдѣнія, необходимыя для моей защиты. На посланные отъ губернскаго правленія запросы пограничная таможня отвѣчала, что уменьшеніе торга мясомъ произошло отъ небольшаго пріѣзда Киргизцовъ; изъ вѣдомостей же, отъ нея доставленныхъ, въ которыхъ по-

казаны были ежедневный приходъ денегъ и число людей, бывшихъ на торгу, видно было, что торговля стала уменьшаться десять дней послѣ уничтоженія губернаторомъ дѣйствія контракта. Экспедиція, завѣдывавшая пограничными дѣлами, въ отвѣтъ на сообщеніе губернскаго правленія о доставленіи свѣдѣнія объ обстоятельствахъ того времени, когда контрактъ существовалъ и въ послѣдствіи какъ ярмонка продолжалась, и не было ли какихъ особыхъ произшествій въ городѣ, на линіи и въ мѣновыхъ дворахъ, дала знать: что въ началѣ того мѣсяца, когда по увѣдомленію таможни торгъ сталъ уменьшаться, казацкія команды, посланныя губернаторомъ въ Киргизскую степь, находились тамъ болѣе двухъ недѣль, награбили множество скота и имущества и взяли въ плѣнъ большое число людей. Въ началѣ того же мѣсяца, по жалобѣ, поданной двумя купцами губернатору, одиннадцать почетнѣйшихъ Киргизцовъ, пріѣхавшихъ на торгъ, взяты были подъ стражу и какъ преступники, посажены въ тюрьму за то, что будто бы родственники ихъ ограбили тѣхъ купцовъ въ городѣ. Когда они частію уплатили деньгами, а въ остальной суммѣ дали по себѣ поручительство въ уплатѣ всего иска, простиравшагося до семидесяти тысячь рублей, то были выпущены изъ тюрьмы, и отправились въ свои улусы, и вѣроятно распространили тамъ страхъ пріѣзжать къ нашимъ мѣстамъ торговли. Къ довершенію всѣхъ этихъ произшествій Киргизскій ханъ въ то же самое время умеръ, и Киргизцы для выбора новаго хана собрались во внутрь степи, что совершенно объясняло уменьшеніе торговли.

Кто живалъ въ губернскомъ городѣ, знаетъ, какъ покидаютъ того, кто гонимъ начальствомъ и не въ связи съ судьями-корыстолюбцами: всякому дѣйствію его даютъ дурной видъ, предсказываютъ вредныя послѣдствія, на всякомъ шагу поставляютъ ему препятствія и показываютъ непріязненное расположеніе. Это дозналъ я на опытѣ. Бывъ въ должности совѣтника губернскаго правленія, требовавшей дѣятельности и быстроты въ рѣшеніи дѣлъ, въ такое время, когда встрѣчалось множество случаевъ необыкновенныхъ, я дѣйствительно чувствовалъ, что не въ состояніи былъ бы исполнить обязанность свою какъ слѣдуетъ, еслибы Господь не далъ мнѣ друга, умнаго и честнаго, заслужившаго всю мою довѣренность (15) Его совѣты и одобренія не давали мнѣ впасть въ уныніе, возраждали бодрость и утверждали въ надеждѣ на Бога.

Губернаторъ находился въ Киргизской степи для поставленія новаго хана, а генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ. Присутствуя одинъ въ губернскомъ правленіи, не зналъ я, кому подать прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ. И потому, написавъ оное по формѣ, отправилъ при письмѣ къ генералъ - губернатору, прося представленія о томъ сенату; но онъ приказалъ меня увѣдомить, чтобы просилъ я о томъ губернатора, который долженъ знать, могу ли я быть уволенъ до рѣшенія дѣла, производящагося въ уголовной палатѣ.

Оскорбившись этимъ отзывомъ и не теряя времени, отправилъ я съ нарочнымъ мое прошеніе къ губернатору, который представилъ объ увольненіи моемъ сенату и увѣдомилъ меня о томъ.

(15) П. И. Чичагова.

Когда я получилъ свѣдѣніе, что прошеніе мое отправлено уже въ сенатъ, я написалъ къ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ просилъ его ходатайства къ скорѣйшему моему увольненію и изъяснилъ, что гонятъ меня за дѣло ничтожное, что я считаю себя невиннымъ, нѣсколько разъ обращался къ нему, надѣясь на милость его и доброе обо мнѣ мнѣніе и начальническую справедливость; но видя гоненіе судьбы, потерялъ всякую надежду, и теперь все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы явиться къ нему въ С.-Петербургъ и лично оправдаться въ преступленіяхъ, которыя несправедливо мнѣ приписываютъ. Между тѣмъ губернаторъ, возвратившійся изъ Киргизской степи, получившій орденъ въ награду за его тамъ дѣйствія, уже болѣе мѣсяца гордился въ губернскомъ городѣ. Я не имѣлъ случая его видѣть, потому что онъ въ правленіи не присутствовалъ, и въ праздничные дни уѣзжалъ въ свою деревню. Мнѣ казалось непристойнымъ, да и не хотѣлъ я, быть у него поутру, когда долженъ былъ быть въ правленіи, ѣхать же послѣ обѣда или къ обѣду было бы знакомъ признанія, которой я къ нему имѣть не могъ.

Услужливые чиновники, его окружающіе, зная нашу ссору, переносили съ разными прибавленіями тѣ непріязненные отзывы, отъ которыхъ не могъ я удержать себя и письменно и словесно. До меня доходили уже извѣстія, что онъ раскаивается въ томъ, что сдѣлалъ представленіе о моемъ отпускѣ, и что согласно мнѣнію генералъ-губернатора онъ хочетъ не отпустить меня и тогда, какъ получится о томъ указъ сената. Я старался показывать видъ, что онъ не въ силахъ это сдѣлать и не шимъ ему всякія вѣсти изъяснялъ способы, которые могутъ служить къ моей защитѣ противъ его притѣсненій; но, понимая неравенство власти, чувствовалъ свою слабость и часто приходилъ въ недоумѣніе, не зная, что мнѣ предпринять, какъ вдругъ неожиданно въ губернскомъ правленіи, при многихъ чиновникахъ, получилъ я по почтѣ письмо отъ генералъ-губернатора. Письмо это начиналось тѣмъ, что онъ обиженъ изъясненными мною подозрѣніями, что онъ никогда не имѣлъ причины дурно обо мнѣ думать, и что дѣло, такъ сильно меня занимающее, совершенно ничтожное; далѣе просилъ онъ меня не переставать изъявлять къ нему довѣренность и дружбу, и совѣтовалъ поспѣшить пріѣздомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ обѣщалъ за меня ходатайствовать. Это письмо, прочитанное мною въ слухъ, произвело такое дѣйствіе, что не только прекратились всѣ недоброжелательныя противъ меня козни, но многіе стали брать мою сторону, и просить моего покровительства: жаловались мнѣ на глупости и пристрастіе губернатора, и учтивость и уваженіе ко мнѣ заступили мѣсто прежнему ихъ нерасположенію. Вскорѣ за тѣмъ полученъ былъ указъ объ моемъ отпускѣ, и я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Уфы.

Мое намѣреніе было явиться къ генералъ-губернатору и просить оправдать меня предъ императрицею и исходатайствовать повелѣніе въ томъ, что я въ дѣлѣ правъ. Прекратившіяся его любовныя связи съ губернаторшею давали мнѣ надежду, что онъ разсудитъ дѣло какъ должно и согласится въ томъ, что губернаторъ дѣйствительно глупъ и нисколько не заслуживаетъ его довѣренности и отличій, полученныхъ имъ вслѣдствіе его

ходатайства, и что дѣйствіями своими, (что дѣйствительно и было) наноситъ вредъ собственной его славѣ. На этомъ убѣжденіи основывалъ я свою надежду на успѣхъ; въ противномъ случаѣ, еслибы генералъ-губернаторъ не уважилъ моего представленія, я рѣшался подать просьбу императрицѣ съ изъясненіемъ всего дѣла и тѣхъ обстоятельствъ, которыя были причиною несправедливыхъ представленій, послужившихъ къ моему обвиненію.

По пріѣздѣ въ Москву я узналъ, что нашъ генералъ-губернаторъ переведенъ въ другія губерніи ([16]). Вѣсть эта, разстроившая мой планъ, горестна была для меня; но одумавшись, разсудилъ я, что всякой другой, назначенный на его мѣсто, не будетъ имѣть причины быть предупрежденнымъ противъ меня и скорѣе окажетъ мнѣ справедливость.

Не бывъ въ Петербургѣ 10 лѣтъ, я пріѣхалъ въ совершенно незнакомый городъ. Я остановился у родственниковъ, которые не въ состояніи были оказать мнѣ никакого пособія въ моемъ дѣлѣ, и потому я рѣшился, чтобъ не показаться преступникомъ, молчать обо всемъ, со мною случившемся, говоря, что пріѣхалъ для знакомства съ людьми, отъ которыхъ завишу по службѣ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ Державинымъ, состоявшимъ при императрицѣ для принятія прошеній, человѣкомъ извѣстнымъ отличной добротою сердца, остротою разума и сочиненіями. Онъ съ перваго раза обошелся со мною хорошо и дозволилъ мнѣ имѣть свободный входъ въ его домъ. Вскорѣ случилось мнѣ разсуждать съ нимъ о дѣлахъ; понятія мои ему понравились; онъ откровенно мнѣ это высказалъ и изъявилъ желаніе быть чаще со мною.

Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я, часто бывая у него въ домѣ, познакомился съ нимъ коротко ([17]). Вкусъ этого истинно-необыкновеннаго человѣка есть уединеніе, а любимое занятіе — придумывать средства къ укорененію добродѣтели. Однажды, бывъ съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ, разсуждая о томъ, что губернаторы часто употребляютъ во зло монаршую къ нимъ довѣренность, онъ показалъ мнѣ свои объясненія суду, который былъ надъ нимъ установленъ за то, что въ званіи губернатора, желая обуздать мздоимство, болѣе поступалъ по чувствамъ своимъ, чѣмъ по правиламъ закона. Этими поступками онъ поставилъ противу себя генералъ-губернатора и нѣсколько вельможъ въ столицѣ, и едва не погибъ по пристрастію корыстолюбцевъ ([18]). Прочитавъ эти объясненія, дѣйствительно ясно написанныя, и отдавая ихъ ему, я сказалъ, что могу заплатить тою же монетою, прочитавъ ему мое дѣло, которое тутъ же ему разсказалъ и изъяснилъ мои намѣренія. Державинъ отвѣчалъ, что времени моего отпуска не достанетъ мнѣ на ожиданіе новаго начальника, потому что нельзя ожидать, чтобы новый генералъ-губернаторъ вскорѣ былъ опредѣленъ. «Если же вы хотите дать дѣлу ходъ, сказалъ онъ, то я сегодня вечеромъ доложу о семъ императрицѣ и увѣряю васъ, Боже ихъ упаси, если она узнаетъ все то, что вы мнѣ сказали.» Я, подумавъ нѣсколько минутъ, спросилъ: «Что же вы мнѣ

([16]) Въ Псковъ (1792).

([17]) Въ семействѣ Д. Б. Мертваго извѣстно, что самыя эти Записки были написаны по совѣту и дружескому настоянію Державина. *П. Б.*

([18]) Все это подробно изложено въ Запискахъ Державина. *П. Б.*

совѣтуете?» — «Если мщенія не желаете, то бросьте все это, потому что дѣло пустое.» Я согласился, и онъ, очень довольный моимъ добрымъ расположеніемъ, обѣщалъ стараться вывесть меня изъ той губерніи.

День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ этимъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго почтенія и бывая съ нимъ часто по нѣскольку часовъ наединѣ, я наслаждался умными его разсужденіями, клонящимися къ добру, восхищался его довѣренностію и былъ счастливъ знаками его ко мнѣ дружества. Жена (19) подобно ему не родилась обыкновенною въ свѣтѣ женщиною; пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ великодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная ея любовь къ мужу, а еще болѣе къ славѣ, возвышала душу Державина, дѣлала разумъ его дѣятельнѣйшимъ къ добру. Съ этою, можно сказать, небесною на землѣ четою, въ городѣ, зараженномъ сладострастіемъ, проводилъ я время въ тихой бесѣдѣ, разсуждая о пользѣ ближняго.

Молодой человѣкъ (20), бывшій тогда весьма важнымъ при дворѣ, по случаю отъѣзда правителя кабинетскихъ дѣлъ (21) на конгрессъ, назначенъ былъ исправлять его должность. Ему нуженъ былъ письмоводитель. Въ это званіе ему предложили меня. Я считалъ это мѣсто выгоднымъ, и сказалъ о томъ новому моему благодѣтелю. Державинъ одобрилъ мое намѣреніе, и сталъ хлопотать о моемъ помѣщеніи; но какъ нельзя было думать, чтобы эта должность была постоянная, то онъ хотѣлъ помѣстить меня въ какое-нибудь званіе при кабинетѣ, чтобы при перемѣнѣ начальника я могъ въ службѣ остаться. Это до того не понравилось вновь произведенному правителю кабинетскихъ дѣлъ, что онъ отказалъ мнѣ въ мѣстѣ письмоводителя; и потому согласно моему желанію меня представили кандидатомъ къ опредѣленію вице-губернаторомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, доложили о томъ императрицѣ, и она, по представленію Державина и на основаніи хорошаго отзыва обо мнѣ, приказала написать о томъ указъ.

Польскія области, присоединенныя къ Россіи, назначены были къ раздѣленію на три губерніи (22), но были еще подъ военнымъ управленіемъ. Устройство ихъ по образцу прочихъ губерній, составляющихъ имперію, и опредѣленіе гражданскихъ чиновниковъ замедлялись потому, что по политическимъ обстоятельствамъ нельзя еще было ихъ считать всегдашнимъ пріобрѣтеніемъ. И для того, чтобы не имѣть стыда, въ случаѣ необходимости, возвратить завоеванныя области, и чтобы скрыть отъ всѣхъ планъ раздѣленія ихъ на три губерніи, всѣ дѣла, касающіяся до опредѣленія чиновниковъ и до внутренняго устройства ихъ, были остановлены. Эти обстоятельства, бывшія причиною отсрочки моего вызвышенія по службѣ, я хотѣлъ употребить въ пользу и отправился къ прежней должности, чтобы привести въ это время въ порядокъ мои разстроенныя дѣла.

Губернаторъ, имѣя свѣдѣніе объ успѣхахъ моихъ въ Петербургѣ, принялъ меня съ уваженіемъ. Утихли всѣ злонамѣренія моихъ гонителей, и я, занимаясь своею должностію, имѣлъ возможность сдѣлать всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ: раздѣлился съ брать-

(19) Первая его жена, Екатерина Яковлевна

(20) Зубовъ, тогда еще графъ

(21) Графъ Безбородко.

(22) Полоцкую, Кіевскую и Каменецъ-Подольскую.

ями, долги, по соразмѣрности своего имѣнія, перевелъ на себя и, сколько можно было, обезпечилъ. Въ это время, вмѣсто ожидаемаго указа о моемъ перемѣщеніи, получилъ я извѣстіе, что правитель кабинетскихъ дѣлъ, гр. Безбородко, вступивъ въ должность, успѣлъ перемѣнить всѣ представленія своего предмѣстника, и въ слѣдствіе того, доклады объ опредѣленіи чиновниковъ переданы въ совѣтъ, который долженъ былъ представить своихъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ указъ объ опредѣленіи на обѣщанное мнѣ мѣсто вице-губернатора другаго. Наконецъ Державинъ пожалованъ былъ сенаторомъ, и слѣдовательно, оставивъ кабинетъ, не имѣлъ доклада у императрицы, отъ чего прекратилось его вліяніе на общія государственныя дѣла.

Всѣ сіи произшествія очень были мнѣ чувствительны, тѣмъ болѣе, что раздраживъ зависть моихъ непріятелей, я подстрекнулъ ихъ къ сильнѣйшей злобѣ. Но, не смотря на все, я твердо рѣшился не поддаваться гоненію судьбы, и противъ желанія губернатора остаться въ службѣ, идти прямымъ путемъ, противиться, если нужно, начальнику и по прежнему не давать воли корыстолюбивымъ чиновникамъ, какія бы не произошли для меня послѣдствія.

Вскорѣ возникло дѣло, довершившее нерасположеніе ко мнѣ губернатора. Богатый купецъ, жаждущій корысти, за нѣсколько времени предъ тѣмъ пріѣхалъ въ городъ, задарилъ и заподчивалъ всѣхъ; сталъ часто ко мнѣ ѣздить, и старался чрезъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и короткихъ пріятелей обратить меня на свою сторону. Всѣ стали меня убѣждать, что онъ правъ, доказывая только тѣмъ, что у него лучшіе въ городѣ—поваръ, столъ и вино, и много денегъ, которыя онъ даритъ и даетъ въ займы. Предчувствуя всю непріятность для меня этого дѣла, я молчалъ; но когда по приказанію губернатора, я долженъ былъ написать свое мнѣніе, то вывелъ всѣ плутни, придуманныя повѣренными въ пользу богача, и невинность его соперника, пришедшаго въ несостоятельность, а болѣе еще поселянъ, которые бѣды своей и не могли предвидѣть; и наконецъ изъяснилъ, какъ должно производить дѣло и ограничить право богача, такъ незаконно ему данное. Слѣдствіемъ того была открытая противъ меня злоба богача и нападенія пользовавшихся его угощеніями. Губернаторъ въ предложеніи губернскому правленію, не согласившись съ моимъ мнѣніемъ и изъяснивъ законы и обстоятельства дѣла въ пользу богатаго купца, приказалъ отослать все дѣло на опредѣленіе судебнаго мѣста, которое приступило было къ рѣшенію онаго, основываясь на моемъ мнѣніи; но губернаторъ, остановивъ все производство, представилъ сенату съ жалобою на судъ и съ просьбою о наказаніи за то виновныхъ. Въ слѣдствіе этого состоялся указъ, въ которомъ охуждены дѣйствія губернатора, а мое мнѣніе признано законнымъ и утверждено.

Это произшествіе усилило злобу противу меня начальника и возстановило всѣхъ чиновниковъ, преданныхъ богатому купцу. Не имѣя возможности сдѣлать мнѣ законныя придирки, цѣлые два года всѣ они искали случая представить меня въ чемъ либо виновнымъ, и не было ни одного дѣла, въ которомъ бы не поставляли мнѣ всякія препятствія. Около тысячи предложеній я получалъ каждый годъ отъ губернатора, въ слѣдствіе которыхъ долженъ былъ объяснять по дѣламъ свое мнѣніе и смыслъ каждаго слова. Переписка эта до того увеличила мнѣ дѣла, что я при-

нужденъ былъ заниматься не менѣе десяти часовъ въ сутки. Въ это же время губернскій стряпчій, подъ предлогомъ своей должности, подалъ протестъ, въ которомъ доказывалъ, что я отступаю отъ порядка, указаннаго закономъ и не слушаюсь губернатора. Протестъ этотъ представленъ былъ генералъ-прокурору, бывшему нѣкогда любовникомъ прекрасной моей командирши и переданъ отъ него въ сенатъ. По истребованіи моего объясненія, слишкомъ черезъ два года и уже при новымъ губернаторѣ, жалоба и доносы найдены были несправедливыми, но мнѣ никакого удовлетворенія не было сдѣлано.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, сверхъ оскорбленій, переносимыхъ мною по службѣ, были еще тягостнѣйшія для меня домашнія обстоятельства.

Возвратившись изъ Петербурга и думая навѣрное получить мѣсто вице-губернатора и жить далеко отъ своихъ, я желалъ остальное время быть съ ними вмѣстѣ. Матушка согласилась пріѣхать ко мнѣ. Другомъ моимъ былъ въ это время Чичаговъ, человѣкъ честный и умный, но имѣвшій несчастіе въ молодости сдѣлать преступленіе, не причинившее никому никакаго зла. Ссоры людей сильныхъ сдѣлали его жертвою ихъ мщенія. Онъ былъ судимъ и по строгости законовъ наказанъ лишеніемъ чиновъ, дворянства и сосланъ на житье въ Уфу. Въ него влюбилась сестра моя. Взаимная ихъ страсть, замѣченная матушкою, до того ей была противна, что мы боялись, что съ ней сдѣлается ударъ. Удаленіе Чичагова, котораго при всѣхъ непріятностяхъ я любилъ душевно, такъ было тягостно влюбленной сестрѣ моей, что часъ отъ часу худѣя, она стала кашлять кровью, Докторъ мнѣ сказалъ, что вскорѣ надобно ожидать чахотки.

Въ тоже самое время, меньшой мой братъ Иванъ возвратился изъ арміи больнымъ и помѣшался въ умѣ. Влюбчивость его во всѣхъ женщинъ получше собою, и которыхъ мужья были познатнѣе, дерзкое со всѣми обхожденіе и увѣренность, что всѣ влюблены въ него, были первымъ знакомъ его помѣшательства; но прежде, чѣмъ обнаружилась болѣзнь, онъ мнѣ сдѣлалъ много непріятностей. Къ довершенію же разстройства, онъ сталъ играть въ карты, и нѣсколько разъ рисковалъ проиграть часть ему принадлежащую изъ общаго имѣнія.

Терзаемый всѣми этими несчастными обстоятельствами, я проводилъ время мучительнѣйшимъ образомъ. Ежедневно рано поутру, приходя въ губернское правленіе, находилъ такое множество дѣлъ, что видѣлъ себя въ совершенной невозможности быть исправнымъ. Зная нерасположеніе ко мнѣ губернатора и окружающихъ его чиновниковъ, я былъ увѣренъ, что малѣйшая моя ошибка будетъ ими увеличена и можетъ быть причиною моего несчастія.

Возвращаясь къ обѣду домой, находилъ всегда или матушку, или сестру, а часто и обѣихъ, въ слезахъ. Тутъ долженъ былъ забывать собственныя скорби, быть ихъ утѣшителемъ, или плакать вмѣстѣ съ ними. Вскорѣ послѣ обѣда отправлялся опять въ правленіе заниматься дѣлами часу до десятаго вечера, и приходя усталый домой проводилъ еще часъ съ матушкой или сестрой, стараясь успокоить ихъ мысли. Кромѣ того, ложась спать, придетъ, бывало, братъ Иванъ, съ которымъ часто долженъ былъ спорить и доказывать ему непристойность его поступковъ.

Страсть сестры моей къ человѣку, къ которому матушка имѣла отвращеніе, не давала мнѣ покоя, потому что

я не могъ имѣть никакой надежды соединить ихъ. Однажды въ вечеру, когда стало смеркаться, я шелъ въ спальню сестры, нахожу ее на диванѣ, и хотѣлъ сѣсть возлѣ нея. Она привстала, чтобы дать мнѣ мѣсто; я спросилъ, за чѣмъ она всегда одна, и поцѣловалъ ее въ щеку. Слезы ея брызнули мнѣ въ глаза. Тутъ въ избыткѣ чувствъ, сказалъ я ей: чего ты хочешь? — Умереть, и больше ничего, отвѣчала она. Долго мы вмѣстѣ плакали, наконецъ спросилъ я ее: хочетъ ли она за него замужъ? Она отвѣчала: что не только готова быть женою ссыльнаго, но и жить съ нимъ въ тюрьмѣ, если бы только матушка дозволила. Въ эту минуту счастливая мысль пришла мнѣ въ голову, и мнѣ представилось возможнымъ соединить влюбленныхъ и устроить ихъ счастіе. Я сталъ веселъ и успокоилъ сестру, обѣщая склонить матушку на свадьбу. Весь вечеръ я болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ о томъ, какъ бы лучше привести въ исполненіе мои предпріятія. На другой день по утру, я пришелъ къ матушкѣ, и засталъ ее еще въ постелѣ; я завелъ разговоръ о больной сестрѣ, сталъ говорить объ опасности, которой подвержена ея жизнь, доказывалъ ничтожность состояній въ отношеніи къ счастію, которое должно заключаться въ нашемъ сердцѣ, а не во внѣшнихъ предметахъ. И когда слезы матушки показали мнѣ, что она смягчилась, то я сказалъ: право бы, я думалъ, лучше женить ихъ. Она воскликнула: Ахъ, что ты хочешь! Но я возразилъ: стоитъ ли того наше честолюбіе, чтобы приносить ему въ жертву жизнь той, которая, покоряясь обязанностямъ дочери, не находитъ въ жизни никакого удовольствія, и кромѣ смерти ничего не желаетъ, и не будетъ ли грѣшно предъ Богомъ, если мы ихъ обоихъ погубимъ для своего честолюбія? Горькія слезы матушки были слѣдствіемъ этого разговора; въ это время сестра, ничего не зная, входитъ въ спальню и видя насъ плачущихъ, думая, что это отъ сожалѣнія къ ней, цалуя у матушки руку, заплакала сама. Матушка, также не зная о разговорѣ моемъ съ сестрою, сказала ей: Знаешь ли ты, что мы думаемъ? Я хочу тебѣ совѣтовать выйти за него замужъ; положась на волю Божію, начни жить согласно желанію твоего сердца. Безмолвная благодарность сестры, изъясняемая лишь горчайшими слезами, была для меня краснорѣчивѣе всѣхъ словъ на свѣтѣ; долго плакали мы всѣ трое вмѣстѣ, но эти слезы облегчали печаль сердца и успокоили насъ.

Въ тотъ же самый день подавъ просьбу объ отпускѣ на четыре мѣсяца, я рѣшился сыграть свадьбу въ деревнѣ, и потомъ отправиться въ С.Петербургъ, и чрезъ Державина или чрезъ кого поможетъ Богъ, испросить прощеніе зятю; а какъ по нерасположенію губернатора я не могъ болѣе оставаться совѣтникомъ губернскаго правленія и рисковалъ въ случаѣ новой ссоры повредить своему зятю, я рѣшился, испросивъ ему прощеніе, когда кончится срокъ моего отпуска, выйти въ отставку. Въ тотъ же день отъискалъ я случай продать свой домъ въ Уфѣ и всѣ ненужныя мнѣ болѣе вещи; съ нѣкоторою уступкою въ цѣнѣ, я скоро все дѣло кончилъ.

Между тѣмъ обстоятельства мои были въ самомъ затруднительнѣйшемъ положеніи; долги превосходили цѣну имѣнія, собственно мнѣ принадлежащаго, которое было еще подъ запрещеніемъ по дѣлу о мясномъ торгѣ. Поэтому я долженъ былъ обезпечить часть долговъ имѣніемъ матушки и братьевъ, и сверхъ того остался еще

многимъ долженъ по векселямъ. До меня стали доходить слухи, что мои кредиторы, по совѣту губернатора и недоброжелавшихъ мнѣ чиновниковъ, намѣревались, послѣ отъѣзда моего, послать векселя ко взысканію въ С. Петербургъ, и тамъ посадить меня въ тюрьму. Слухи эти, сильно дѣйствуя на мое воображеніе, не давали мнѣ покоя; но какъ я не въ состояніи былъ ничего сдѣлать, то скрывая грусть въ своемъ сердцѣ, я имѣлъ надежду на одну только невидимую помощь Господа, и не напрасно.

Богатый купецъ, содержавшій за три года передъ тѣмъ винный откупъ въ Оренбургской губерніи, былъ въ Уфѣ. Ему нужна была по дѣламъ моя помощь; онъ искалъ тогда моей дружбы, никогда не обижалъ меня предложеніемъ подарка, но совѣтовалъ завести винный заводъ въ моей деревнѣ. Онъ предлагалъ мнѣ въ займы денегъ на устройство завода, обѣщая покупать вино, и доказывая, что я въ теченіи четырехъ лѣтъ его откупа буду имѣть пятьдесятъ тысячъ руб. барыша, что̀ увеличило бы въ пять разъ цѣнность моего наслѣдственнаго имѣнія. Находя непристойнымъ человѣку, находящемуся въ службѣ, вести торговыя дѣла и пользоваться услугами людей, съ которыми по службѣ имѣешь дѣло, я не принялъ этаго предложенія; но тѣмъ не менѣе старался, сколько справедливость то позволяла, оказывать этому откупщику всякую помощь.

Сей купецъ, неожиданно пріѣхавшій въ городъ, узналъ отъ своего повѣреннаго, что я продалъ домъ, запродалъ всѣ ненужныя вещи и, пославъ просьбу объ отпускѣ, не намѣренъ болѣе возвращаться къ прежней должности, часто бывая у меня, благодарилъ за доброе къ нему расположеніе. Однажды, оставшись съ нимъ на единѣ, сталъ я говорить о домашнихъ своихъ обстоятельствахъ, и изъяснилъ ему, какъ тяжко для меня видѣть разореніе всей своей семьи, которая должна послѣдовать отъ сдѣланныхъ мною долговъ. Находя, что долги мои не такъ велики, чтобы могъ имѣть я это опасеніе, онъ сказалъ: «Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе васъ выкупить». Я спросилъ его, какимъ образомъ. «Я деньги вамъ дамъ», отвѣчалъ онъ. Я очень благодаренъ былъ ему за его предложеніе, и представилъ ему условія, на основаніи которыхъ почиталъ возможнымъ принять его благодѣяніе. Я хотѣлъ, чтобы взялъ онъ отъ меня заемныя письма съ поручительствомъ матушки и братьевъ, и съ залогомъ ихъ имѣнія до совершенной уплаты всего долга, платить же мнѣ ему ежегодно по 2.000 рублей. Но онъ возразилъ, что все это не нужно, что онъ желаетъ мнѣ сдѣлать услугу, и тѣмъ доставить собственно себѣ удовольствіе. Этимъ кончился нашъ разговоръ и болѣе не возобновлялся. Купецъ уѣхалъ изъ города. Полагая, что это было пустое предложеніе, я пересталъ о томъ и думать, какъ вдругъ съ почтою получилъ десять тысячъ рублей. Отдавъ 2.000 р. его повѣренному, я взялъ изъ 10.000 только 8.000, выдалъ заемныя письма съ залогомъ 150 душъ и расплатившись со всѣми, избавился отъ страха Петербургской тюрьмы.

По полученіи указа о моемъ отпускѣ, я тотчасъ отправился въ путь. Губернаторъ, сдѣлавшійся ко мнѣ ласковымъ, просилъ меня заѣхать къ нему въ деревню, которая была почти по дорогѣ. Я принялъ приглашеніе и совѣтовалъ будущему своему зятю ѣхать туда за нѣсколько часовъ до насъ, и испросить дозволенія проводить меня до моей деревни. Губернаторъ, согласившись на эту просьбу, спросилъ его,

справедливъ ли слухъ, что онъ женится на сестрѣ моей. Чичаговъ сказалъ всю истину. Когда мы пріѣхали въ деревню губернатора, онъ очень учтиво насъ принялъ и сѣлъ играть въ карты съ матушкою. Послѣ обѣда, посадивъ за себя жену, онъ позвалъ меня въ кабинетъ; затворивъ двери и убѣдившись, что никого нѣтъ въ сосѣднихъ комнатахъ, онъ сталъ увѣрять, что всегда уважалъ и искренно любилъ меня. Не зная, къ чему ведетъ этотъ разговоръ, я молчалъ. Наконецъ спросилъ онъ меня, можетъ ли онъ сдѣлать мнѣ вопросъ и ожидать откровеннаго отвѣта; я тотчасъ обѣщалъ ничего не таить отъ него. Онъ тогда сказалъ, что не вѣритъ словамъ Чичагова, будто онъ женится на моей сеттрѣ; я отвѣчалъ: напрасно не вѣрите, потому что это правда. Тогда, съ видомъ удивленія, онъ воскликнулъ: вы ли это говорите, и какъ этому быть? Тутъ я сталъ доказывать необходимость этой свадьбы, чтобъ сохранить жизнь сестры и составить ея счастіе, говоря, что она въ совершенныхъ лѣтахъ и можетъ имѣть право располагать собою. «Но матушка знаетъ ли?» спросилъ онъ. —Не только знаетъ, но и желаетъ окончанія этого дѣла, отвѣчалъ я. Послѣ этого отвѣта, перемѣнивъ тонъ, онъ объявилъ мнѣ, что, какъ начальникъ отдаленнаго края, онъ долженъ донести о томъ высшему начальству. Я спросилъ: кому же онъ писать намѣренъ? Онъ отвѣчалъ, что генералъ-губернатору. Я изъяснилъ ему тогда, что если онъ хочетъ заставить меня не только забыть всѣ вынесенныя мною непріятности, но остаться вѣчно ему обязаннымъ, то написалъ бы такимъ образомъ: во первыхъ бы изъяснилъ ничтожность преступленія, за которое Чичаговъ такъ строго наказанъ, упомянулъ бы, что прошло уже десять лѣтъ его ссылкѣ, и присовокупилъ бы, что доброе поведеніе его, давъ ему входъ въ домы начальниковъ и всѣхъ чиновниковъ въ городѣ, было причиною, что дворянка идетъ за него за мужъ, и семья ея на то соглашается. Все это обѣщалъ сдѣлать губернаторъ и простился со мною самымъ дружескимъ образомъ.

Пріѣхавъ въ деревню, на другой день обвѣнчали мы влюбленныхъ, а на третій день я отправился въ путь.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я нашелъ благодѣтеля своего Г. Р. Державина въ самомъ грустномъ положеніи. Жена его—больная при смерти, и черезъ нѣсколько дней при мнѣ скончалась; онъ въ ссорѣ со всѣми знатными боярами; императрица была имъ недовольна. Разсказывая ему всѣ несчастныя мои обстоятельства, я просилъ добраго его совѣта, не ожидая отъ него никакой помощи; но онъ, движимый великодушіемъ, придумывая разные способы, чрезъ нѣсколько дней, не смотря на болѣзнь жены, ему милой, поѣхалъ на праздникъ въ Царское Село ([23]) только для того, чтобъ узнать, получилъ ли генералъ-прокуроръ донесеніе губернатора, и что думаетъ онъ сдѣлать. Донесеніе было получено, но не такъ написанное, какъ мнѣ было обѣщано. Губернаторъ, очень дурно обо мнѣ отзываясь, изъяснялъ, что вышедшая замужъ се-

([23]) Катерина Яковлевна Державина, уже смерти ожидавшая, лежала въ постелѣ; я сидѣлъ возлѣ нея держа ее за руку; мужъ, ходя близь кровати, говоритъ: „Какъ мнѣ поѣхать въ Царское Село, и оставить ее на два дни!“ Она, его подозвавъ, сказала: „Ты не имѣешь фавору, но есть къ тебѣ уваженіе; поѣзжай, мой другъ, ты можешь говорить за него; Богъ милостивъ, можетъ я проживу столько, что дождусь съ тобой проститься“. Гаврило Романовичъ страстно любилъ свою жену, но поступилъ великодушно.

стра моя имѣетъ собственное имѣніе, то какъ приказано будетъ поступить съ нимъ, взять ли его въ казну или отдать въ вѣдомство дворянской опеки.

Державинъ, не имѣя возможности просить генералъ-прокурора, отъискалъ одного довольно уважаемаго чиновника, хорошо ко мнѣ расположеннаго, изъяснилъ все дѣло, и чрезъ него устроилъ все такъ, что генералъ-прокуроръ обѣщалъ не обратить вниманія на представленіе губернатора.

Вскорѣ скончалась Катерина Яковлевна Державина, женщина дѣйствительно отличныхъ достоинствъ. Онъ предался горчайшей печали, и я не отходилъ отъ него. Дѣло мое, разумѣется, въ это время было забыто.

Прежде еще 6 недѣль послѣ смерти Державиной, императрица, неожиданно по случаю дурной погоды, въ Августѣ мѣсяцѣ переѣхала въ Петербургъ. Державинъ для меня сталъ стараться сойтись съ тогдашнимъ любимцемъ, и скоро достигъ до того, что онъ, выслушавъ мое дѣло, дозволилъ мнѣ ему представить записку для доклада императрицѣ. Въ запискѣ этой я старался изъяснить, что воспитаніе зятя моего въ чужихъ краяхъ, молодыя лѣта его и обстоятельства вовлекли въ преступленіе дѣйствительно ребяческое ([24]); что наказаніе, подобное тому, которому подвергаются тяжкіе преступники, хорошее поведеніе и умъ его обратили на него общее вниманіе; что я былъ его другомъ, и допустилъ, что сестра моя въ него влюбилась; что отвращеніе матушки къ этой свадьбѣ и покорность влюбленной сестры едва не довели послѣднюю до чахотки; что тогда я склонилъ матушку выдать сестру за Чичагова, и преступленіе и несчастіе его перешло и на нашу семью; наконецъ заключилъ записку свою тѣмъ, что родственникъ и однофамилецъ его Василій Яковлевичь Чичаговъ ([25]), оказавшій нѣкогда большія услуги государству, ходатайствовалъ о его прощеніи.

Эту записку, написанную на одномъ листѣ, Державинъ отдалъ Зубову и на другой день меня ему представили. Я введенъ былъ въ спальню ([26]). Я нашелъ тутъ множество людей, знатныхъ и въ чинахъ, стоявшихъ раболѣпно передъ фаваритомъ. Онъ въ халатѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грызъ ногти, и кое съ кѣмъ свысока поговаривая, не дожидался ни отъ кого отвѣта. Малорослая съ голымъ хвостомъ обезьяна прыгала по ширмамъ и у одного изъ вельможъ испортила буклю, въ каковомъ упражненіи по приказанію хозяина онъ помѣшать ей не смѣлъ. Обезьяна стала приближаться ко мнѣ и пристально на меня смотрѣть; убоясь, чтобъ невольнымъ какимъ движеніемъ не сдѣлать противнаго боярину, ретировался я, не дождавъ счастія услышать къ себѣ голосъ человѣка, отъ коего просилъ и ожидалъ милости и спокойствія всей своей семьѣ.

Зубовъ отдалъ мою записку секретарю императрицы, который, не при-

---

([24]) 17 лѣтъ отъ роду онъ влюбился въ дѣвушку, и по желанію отца ея подалъ въ отставку. Не дождавшись указа объ отставкѣ, онъ объявилъ всѣмъ, что уволенъ съ повышеніемъ чина; не получивъ этого чина, онъ на указѣ самъ это переправилъ, и вмѣсто поручика сталъ называть себя капитаномъ.

([25]) Извѣстный адмиралъ.

([26]) Преданіе разсказываетъ, что по утрамъ, выходя пудриться въ уборную свою комнату, Зубовъ находилъ ее биткомъ набитую посѣтителями; прямо шелъ къ зеркалу, не обращая вниманія ни на кого; и если, пока убираютъ ему голову, онъ, глядя въ зеркало, милостиво кивнетъ кому нибудь, тотъ считалъ себя уже счастливымъ. *П. Б.*

нимая во мнѣ участія, доложилъ ее въ праздникъ. Императрица за туалетомъ прочитала мою записку, и, какъ мнѣ говорили, наше несчастіе ее тронуло: она приказала мнѣ объявить, что проститъ моего зятя при первомъ торжествѣ. На другой день я подалъ прошеніе въ отставку, говоря всѣмъ, что остаюсь въ Петербургѣ ожидать этаго случая; многіе выхваляли мой поступокъ и обѣщали свою помощь.

Всякому извѣстно непостоянство человѣческихъ чувствъ, и рѣдко кому не приходилось дознать на опытѣ, какъ несчастіе человѣка мало занимаетъ людей, мечтающихъ только о своихъ забавахъ. Вскорѣ всѣ забыли свое обѣщаніе, и я, боясь быть въ тягость, пересталъ говорить о томъ, и только старался какъ можно болѣе понравиться лицамъ, которыя въ состояніи были перемѣнить мое положеніе. Державинъ, не похожій на другихъ, заботился обо мнѣ не менѣе самаго меня. Онъ употреблялъ всѣ способы, чтобы меня не забыли, помирился съ секретаремъ императрицы, и достигъ до того, что чрезъ мѣсяцъ опять доложили о моемъ дѣлѣ. Императрица въ этотъ разъ не была милостива, говорила, что она почитаетъ людей наказанныхъ, какъ Чичаговъ, выключенными изъ общества, предвидитъ, что ее будутъ просить о дозволеніи вступить ему вновь въ службу и производить въ чины, чего она не хочетъ. Кончилось тѣмъ, что она простила Чичагова; но въ указѣ приказала дополнить, чтобы въ службу его не опредѣлять и не имѣть ему въѣзда въ обѣ столицы. Чрезвычайно довольный, что успѣлъ успокоить свое семейство, я явился къ Зубову и секретарю императрицы, чтобы поблагодарить ихъ и потомъ сталъ собираться ѣхать въ деревню. Докладъ императрицѣ и указъ о прощеніи состоялся въ день памяти св. Димитрія чудотворца, и я далъ обѣщаніе заѣхать въ Ростовъ и у мощей угодника отслужить молебенъ за здравіе Державина, моего благодѣтеля, оказавшаго мнѣ такъ много усердія и такаго пріятнаго благотворенія. Но къ несчастію у меня не доставало денегъ; надобно было расплатиться съ мелкими долгами и имѣть съ чѣмъ доѣхать домой. Я сказалъ объ этомъ повѣренному нашего откупщика, который такъ благородно меня одолжилъ, и который въ это время былъ въ Петербургѣ. Я не могъ вновь обратиться къ откупщику съ своею просьбою, тѣмъ болѣе, что повѣренный мнѣ говорилъ, что они въ то время нуждались въ деньгахъ, и что по первому моему заемному письму наступилъ срокъ, и не всѣ деньги заплачены. Я старался занять у многихъ знакомыхъ, но всѣ отказывали за неимѣніемъ денегъ. Возвратившись домой, мнѣ доложили, что какой-то купецъ ждетъ меня въ моей комнатѣ; то былъ повѣренный нашего откупщика, который подалъ мнѣ 500 рублей, что совершенно достаточно было, по моимъ разчетамъ, на дорогу, и сказалъ мнѣ, что хозяинъ его, имѣя всего только 800 рублей, узнавъ о моей нуждѣ, прислалъ эти 500 руб., чтобы не искалъ я занять у кого либо кромѣ его эту сумму. Новое это одолженіе еще болѣе увеличило мою благодарность къ нему, потому что въ прежней должности моей я оказывалъ ему столько же содѣйствія, какъ и всѣмъ другимъ, имѣвшимъ до меня надобность; теперь же въ отставкѣ, въ небольшомъ чинѣ, я уже и не могъ ему быть полезенъ и заплатить за сдѣланное мнѣ одолженіе. Многіе изъ покровителей моихъ совѣтовали мнѣ опять вступить въ службу и поступить на прежнее мѣсто, которое было еще не замѣщено; но какъ гоненія глупаго губернатора, подлость раболѣпствовав-

шихъ ему чиновниковъ давно уже мнѣ надоѣли, къ тому же я раздраженъ былъ несправедливымъ отзывомъ губернатора о Чичаговѣ и извѣстіями, что послѣ моего отъѣзда, онъ хотѣлъ отяготить еще его участь, а потому благодарилъ своихъ покровителей за ихъ предложенія, говоря, что радъ служить вездѣ и во всякомъ званіи, куда бы ни вздумали меня назначить, но только не тамъ, гдѣ перенесъ такъ много оскорбленій.

Въ день отъѣзда моего изъ Петербурга, назначенъ былъ въ Уфимскую губернію генералъ губернаторомъ С. К. Вязмитиновъ, который былъ сенаторомъ въ одномъ демартаментѣ съ Державинымъ и очень былъ съ нимъ друженъ; въ тотъ же день уволенъ былъ отъ службы нашъ губернаторъ. Вязмитиновъ въ Петербургѣ раза два видѣлъ меня въ обществѣ и со мною познакомился; на другой день послѣ назначенія своего встрѣтилъ Державина и просилъ его уговорить меня возвратиться въ Петербургъ и вступить опять въ службу. Я получилъ это приглашеніе на дорогѣ въ Москву, по совѣту Державина тотчасъ воротился, и принятъ былъ какъ нельзя лучше. По представленію Вязмитинова, я былъ опять опредѣленъ совѣтникомъ губернскаго правленія, и занимавшись мѣсяцъ съ новымъ своимъ начальникомъ, съ полною его довѣренностію отправился къ своей должности.

Распутица на нѣсколько времени задержала меня въ Москвѣ; я исполнилъ обѣтъ свой, заѣхалъ въ Ростовъ, и довольно скоро доѣхалъ до Уфы. Гонителей своихъ я нашелъ совсѣмъ другими: они приписывали паденіе губернатора моему вліянію, что̀ было совершенно не справедливо, и когда я это доказывалъ, то считали слова мои хитрою скромностію. Словомъ, я сталъ большимъ человѣкомъ въ понятіи этихъ негодяевъ, которые боялись, что я о всѣхъ ихъ проступкахъ могу довести до свѣдѣнія генералъ-губернатора.

Совѣтникъ уголовной палаты, заступавшій мое мѣсто, изъ подлаго угожденія губернатору, старался найти меня въ чемъ нибудь виновнымъ, но къ счастію не успѣлъ, потому что я былъ правъ и довольно остороженъ; между тѣмъ задержалъ онъ на расходы много денегъ, не принадлежавшихъ правленію. Когда я сталъ отъ него принимать должность, то привелъ въ извѣстность всѣ незаконные расходы и заставилъ его заплатить все то, что̀ онъ неправильно задержалъ. По пріѣздѣ генералъ-губернатора, я его не предупреждалъ противъ этихъ негодяевъ, но онъ самъ, скоро узнавъ ихъ, умѣлъ оцѣнить каждаго. Совѣтникъ уголовной палаты, зная, что онъ умнѣе многихъ, и думая, что Вязмитиновъ не знаетъ о дурномъ его поведеніи, просилъ о перемѣщеніи его совѣтникомъ въ губернское правленіе на мѣсто старика, дѣйствительно неспособнаго; но генералъ - губернаторъ сказалъ ему, что, какъ солдатскій сынъ, онъ занимаетъ мѣсто уже для него слишкомъ высокое. Это очень огорчило совѣтника, и какъ онъ никогда со мною не былъ хорошъ, а за нѣсколько дней предъ тѣмъ я имѣлъ съ нимъ непріятное объясненіе, то и заключилъ онъ, что одинъ я, какъ короткій знакомый Вязмитинова, далъ ему дурное о немъ мнѣніе. Это его раздражило и чрезвычайно озлобило противъ меня. Между тѣмъ уголовная палата, по дѣлу объ одномъ исправникѣ, отданномъ подъ судъ за взятки, вытребовала для допроса до семидесяти государственныхъ крестьянъ, и замедляя дѣло, для оправданія взяточника, дол-

держала въ городѣ бѣдныхъ по-
.. Наступившая рабочая пора
,ила ихъ въ отчаяніе; они при-
) мнѣ и просили о защитѣ; я до-
ь генералъ-губернатору, кото-
призвавъ всѣхъ присутствую-
уголовной палаты къ себѣ, долго
іъ ихъ и хотѣлъ донести о без-
ыхъ ихъ поступкахъ государынѣ
ітрицѣ. Чтобы уничтожить эти
ядки, онъ приказалъ предсѣда-
юдать въ отставку, а совѣтника
лъ въ такое мѣсто, гдѣ не было
:го дѣла.
ı они оставались еще присутст-
іми въ уголовной палатѣ, то
: случая мстить мнѣ и нашли
ь возможность по неоконченному
мясномъ торгѣ. По этому дѣлу
ı нашла меня виновнымъ; но
іи. казнѣ, ни частнымъ людямъ
овъ отъ того не произошло, то
цила, на основаніи всемилости-
го манифеста, простить меня, съ
ржденіемъ впредь быть осмот-
нѣе; совѣтникъ же, по этому
подалъ мнѣніе, чтобы лишить
,вухъ чиновъ. Подавъ это мнѣ-
ъ послалъ просьбу на высочай-
мя, въ которой жаловался, что
лъ-губернаторъ отъ излишняго
ı расположенія притѣсняетъ его
:тавилъ къ перемѣщенію на мѣ-
горое занимать онъ не желаетъ.
уголовная палата представила
риговоръ на утвержденіе губер-
, то онъ прислалъ мнѣ его съ сво-
кретаремъ, и приказалъ сказать,
я рѣшилъ, что долженъ и можетъ
ѣлать. Видя доброе расположеніе
ѣ начальника, не имѣющаго ни
ни сердца, соотвѣтствующихъ
анію, я отправился къ нему,
ıрилъ за его расположеніе, и
лъ, находитъ ли онъ виновнымъ
)нъ отвѣчалъ мнѣ, что этого не
находитъ, но не согласившись съ палатою, долженъ представить дѣло на разсмотрѣніе сенату, гдѣ не надѣется, чтобы мнѣніе его утвердили, и потому во избѣжаніе стыда и желая кончить дѣло на мѣстѣ, полагаетъ удобнѣйшимъ согласиться съ рѣшеніемъ палаты. Я возразилъ, что считаю это для меня унизительнымъ, и для самаго правосудія непристойнымъ, и что если нельзя дѣлу дать тотъ ходъ, который оно прежде имѣло, то есть представить его императрицѣ, то желаю и прошу перенести его въ сенатъ, или позволить мнѣ жаловаться. Въ слѣдствіе того Вязмитиновъ представилъ дѣло въ сенатъ и донесъ, что по его мнѣнію уголовная палата не имѣла права присуждать меня къ наказанію, ибо я не былъ отданъ подъ судъ, и не я одинъ рѣшалъ это дѣло въ губернскомъ правленіи. Въ донесеніи своемъ онъ изъяснилъ, что ни казнѣ, ни частнымъ людямъ убытка отъ дѣйствія контракта о мясномъ торгѣ не произошло.

Въ это время дано мнѣ было порученіе, при исполненіи котораго я имѣлъ случай понравиться генералъ-губернатору, и видѣть на опытѣ вліяніе, которымъ пользовался я въ народѣ.

Провіантскіе коммиссіонеры, надѣясь получить хлѣбъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, не сдѣлали достаточнаго заготовленія провіанта для продовольствія войскъ, расположенныхъ на линіи. Казенная палата, при производствѣ торговъ, думала только о собственныхъ своихъ выгодахъ. Дѣло замедлялось еще и отъ того, что генералъ-губернаторъ былъ въ то время въ другой губерніи, ввѣренной его начальству; цѣны, состоявшіяся на торгахъ, были высоки и не могли быть утверждены, а между тѣмъ проходило время, удобное для перевозки хлѣба. Въ этомъ положеніи дѣла генералъ-гу-

бернаторъ узнаетъ, что оказался недостатокъ провіанта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей, по неимѣнію въ магазинѣ на лицо того количества хлѣба, которое значилось по вѣдомостямъ. Гарнизонъ вышелъ изъ повиновенія, отправился въ ближнія Башкирскія деревни, и награбилъ тамъ скота и съѣстныхъ припасовъ. Это произшествіе встревожило Вязмитинова. Онъ бросилъ всѣ дѣла и прискакалъ въ Уфу, пославъ приказаніе провіантскому коммиссіонеру, имѣвшему пребываніе въ той пограничной крѣпости, явиться къ нему. Генералъ-губернаторъ, человѣкъ не молодой, слабаго здоровья и до такой степени осторожный, что можно назвать его трусомъ, заболѣлъ отъ безпокойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ; нѣсколько дней онъ былъ въ опасности, кончилась болѣзнь однакоже рожью на ногѣ, препятствовавшей ему встать только съ постели. Явившійся провіантскій коммиссіонеръ ни въ чемъ не умѣлъ дать отвѣту. Вязмитиновъ призвалъ меня, поручилъ повѣрить его отчеты и сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ хлѣба, который еще былъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, чтобы сколько нибудь помочь наиболѣе нуждающимся. По повѣркѣ моей оказалось, что хлѣба, состоявшаго на лице, во всѣхъ линейныхъ магазинахъ на продовольствіе войскъ сдва доставало на мѣсяцъ и нѣсколько дней. Сельскіе запасные магазины устроены были въ селеніяхъ земледѣльческихъ, отстоящихъ на 400 верстъ отъ линіи; Уральскія горы и степи кочующихъ народовъ, гдѣ устроена была линія, представляли для перевозки хлѣба величайшее препятствіе, увеличившееся еще отъ необыкновенно суровой и снѣжной зимы такъ, что горы и степи были почти непроходимы. Къ довершенію же всего не доставало сѣна; Башкирцы кормили свой скотъ прутьями, что ясно показывало невозможность найти достаточное число подводъ, необходимыхъ для перевозки провіанта. Наступилъ февраль (1795), а въ концѣ марта надо было ожидать, въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ, распутицы и совершенной невозможности переѣхать горы. Эти обстоятельства грозили неминуемою бѣдою, если хлѣбъ для продовольствія войскъ не будетъ въ скорости доставленъ на линію. Подводъ ни за какую цѣну достать было невозможно, и потому самая необходимость заставила Вязмитинова приступить къ крайнимъ средствамъ. Онъ приказалъ мнѣ нарядить обывательскія подводы, и перевезти хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ на линію. Поручивъ мнѣ это дѣло, онъ далъ мнѣ открытое предписаніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ исполнять всѣ мои приказанія безпрекословно.

Исчисливъ въ губернскомъ правленіи, со сколькихъ душъ приходилось нарядить подводъ и сдѣлавъ распоряженіе, изъ какаго магазина, куда и чрезъ какія именно мѣста надо везти хлѣбъ, я послалъ эти исчисленія и маршрутъ исправникамъ и хлѣбнымъ приставамъ, приказавъ во избѣжаніе притѣсненія обывателей, чтобы при каждомъ транспортѣ, въ 50 подводъ, находился засѣдатель земскаго суда и офицеръ или унтеръ-офицеръ, на которыхъ возложить пріемъ и сдачу хлѣба и отвѣтственность въ томъ, чтобы никому не сдѣлано было притѣсненія. Я избралъ себѣ въ помощники одного изъ губернскихъ чиновниковъ, и послалъ его въ округи для наблюденія за дѣйствіями исправниковъ и хлѣбныхъ приставовъ, которые должны были, не упуская удобнаго времени, принимать мѣры къ поспѣшному отправленію хлѣба, и наблюдать, чтобы при пріемѣ его не сдѣлано было ни-

какихъ обидъ обывателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я предписалъ исправникамъ горныхъ и степныхъ округовъ, чтобы они дали знать поименованнымъ въ предписаніи чиновникамъ Башкирскаго народа о моемъ желаніи видѣться съ ними на назначенныхъ мною мѣстахъ.

Чрезъ нѣсколько дней отправился я самъ и предположилъ переѣхать по разнымъ дорогамъ три раза Уральскія горы, чтобы лично видѣть, какія предстоятъ затрудненія при перевозкѣ чрезъ горы хлѣба, и какія мѣры принять противъ того. Въ проѣздъ свой я убѣдился, какъ трудно и даже невозможно переѣхать обозамъ чрезъ горы безъ пособія Башкирцевъ. По дорогамъ къ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ построены были казармы на каждыхъ 20, а гдѣ и 30 верстахъ; въ 2-хъ или 3-хъ избахъ этихъ казармъ можно было устроить помѣщеніе для людей, бывшихъ при подводахъ, но главное затрудненіе состояло въ пріисканіи сѣна. Чрезвычайно суровая зима того года заставила жителей свой скотъ, обыкновенно находящій пищу въ горахъ, кормить дома; многіе, у которыхъ не доставало корма, покупали сѣно по неслыханной, въ тѣхъ мѣстахъ, цѣнѣ: 50 к. за пудъ. Къ довершенію же всѣхъ затрудненій, дорога совершенно испортилась, вся выбита была ухабами, и небольшія рѣчки въ горахъ тронулись.

На всякой станціи я находилъ множество Башкирскаго народа. Я съ ними ласково говорилъ, разсказывалъ имъ всю необходимость доставленія хлѣба въ линейные магазины на обывательскихъ подводахъ, изъяснялъ, какъ тяжела эта повинность для крестьянъ, и сказалъ, что надѣюсь, что Башкирцы, какъ добрые люди, безъ всякаго приказанія окажутъ имъ помощь, доставивъ на станціи необходимое количество сѣна, поправятъ дороги, устроятъ переправы чрезъ рѣчки и зажоры, и наконецъ поставятъ необходимое число лошадей съ хомутами и веревками, чтобы припречь ихъ къ крестьянскимъ возамъ при перевозкѣ провіанта чрезъ Уральскія горы. Башкирцы охотно обѣщали все исполнить, кромѣ поставки сѣна, увѣряя, что и для продовольствія своего скота они его не имѣютъ и кормятъ прутьями; что всякой заготовляетъ сѣно близь селенія, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся въ 200 верстахъ отъ дороги.

Оправданія Башкирцевъ, хотя и заслуживали уваженіе, но я не могъ ихъ принять и согласиться съ ними. Требуя непремѣнной поставки сѣна и обѣщая платить по 10 коп. за пудъ, я спрашивалъ ихъ, имѣлъ ли я случай по службѣ сдѣлать имъ полезное? Всѣ закричали мнѣ въ отвѣтъ, что я ихъ отецъ, и что почти всѣ они были произведены въ чины при мнѣ и указы о томъ получены за моею подписью. Тогда я сказалъ имъ: взялъ ли я съ кого что нибудь и могъ ли взять? Они отвѣчали, что нѣтъ, а могъ бы это сдѣлать. Слѣдовательно теперь, сказалъ я, могу я требовать тѣ подарки, которые не принималъ отъ васъ при пожалованіи васъ въ чины, при раздѣленіи вашихъ командъ, при нарядѣ васъ на службу и когда принималъ ваши прозьбы. Я прошу отдать это сѣномъ тѣмъ крестьянамъ, которые безъ того поморятъ своихъ лошадей и разорятся. Они захохотали, и, потрепавъ меня по плечу, кричали: все будетъ, на головахъ ихъ перенесемъ, и всѣ они будутъ сыты даромъ. Я возразилъ имъ, что крестьяне за провозъ получаютъ плату, а потому и сами должны платить за сѣно, но не болѣе какъ по 10 к. за пудъ, другія же пособія слѣдуетъ имъ дѣлать даромъ. Почти на каждой станціи я долженъ

былъ повторять подобныя убѣжденіи и вездѣ успѣвалъ въ томъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько линейныхъ крѣпостей, я поѣхалъ другою дорогою чрезъ Уральскія горы и вездѣ находилъ, что приказанія мои исполняются какъ должно. На каждой станціи было по два Башкирскихъ чиновника съ достаточнымъ числомъ людей для исправленія дороги, по два чиновника при запасныхъ лошадяхъ и столько же при большихъ ометахъ сѣна, которое безпрестанно подвозили. Вездѣ поставлены были вѣсы и вмѣсто гирь положены каменья, приведенныя въ надлежащій вѣсъ. Я встрѣтилъ въ горахъ нѣсколько обозовъ и слышалъ благодарность крестьянъ за оказанныя имъ пособія, которыхъ они не ожидали.

Въ половинѣ марта я возвратился на короткое время въ Уфу. Принятый ласково генералъ-губернаторомъ, узнавъ все, что мнѣ нужно было, я отправился по третьей дорогѣ, идущей въ степи, которая была отъ того лучше; но близь хребта Уральскихъ горъ пересѣкало ее множество быстрыхъ рѣчекъ, и весна, тутъ наступающая ранѣе, заставляла всякаго останавливаться ожидать лѣтняго пути.

Я приказалъ остановить всѣ обозы 25-го марта, тамъ гдѣ случится и отпустить всѣхъ подводчиковъ домой, кромѣ крестьянъ, нанявшихся за большую плату, чтобы могли они поспѣть къ яровой пашнѣ, и поправить лошадей своихъ, изнуренныхъ дорогою. Распоряженіе одобрено было Вязмитиновымъ; нѣкоторая часть хлѣба довезена была Башкирцами на саняхъ, брошенныхъ крестьянами, другую приняли полки, чтобы перевезти весною на подъемныхъ лошадяхъ. Я вездѣ бралъ офицеровъ изъ полковъ для пріемки хлѣба, оставленнаго обозами. Изъ всего количества хлѣба только нѣсколько десятковъ четвертей не достало отъ раструски. Не пропало ни одного куля; болѣе двухъ третей довезено до самыхъ магазиновъ, и ни одинъ крестьянинъ не завесновалъ въ пути.

Вязмитиновъ чрезвычайно былъ мною доволенъ, превозносилъ меня при всѣхъ, и обѣщалъ сдѣлать для меня все, что я ни потребую.

Мнѣ случилось напомнить ему это обѣщаніе; онъ сдержалъ слово, но съ большимъ неудовольствіемъ. Просьба моя состояла въ томъ, чтобы онъ не преслѣдовалъ моего пріятеля, котораго ненавидѣлъ изъ ревности.

Вскорѣ мы получили извѣстіе о кончинѣ императрицы, и Вязмитинову повелѣно было немедленно ѣхать въ Малороссію принять начальство надъ тремя ея губерніями и соединить ихъ въ одну. Очень довольный новымъ назначеніемъ и показывая указъ, Вязмитиновъ объявилъ мнѣ, что онъ беретъ меня съ собою, обѣщая дать мнѣ хорошее мѣсто. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что давно желалъ оставить край, гдѣ такъ много перенесъ оскорбленій, и гдѣ большая часть людей мнѣ не нравилась.

Я долженъ былъ проситься въ отпускъ. Вязмятиновъ послалъ мое прошеніе съ нарочнымъ и просилъ всѣхъ, кого могъ, скорѣе исходатайствовать мнѣ увольненіе, и какъ мы разчитывали, что нашъ нарочный привезетъ мой указъ и должны мы его встрѣтить въ Казани, то онъ далъ мнѣ отпускъ на восемь дней, и я поѣхалъ съ нимъ. Мы дѣйствительно встрѣтили нашего нарочнаго въ Казани, но вмѣсто указа о моемъ отпускѣ, онъ привезъ извѣстіе, что безъ доклада императору меня нельзя отпустить; впрочемъ это будетъ сдѣлано безъ замедленія. Опасаясь дурныхъ послѣдствій за самовольную от-

лучку, я отправился обратно въ Уфу, проѣхавъ по напрасну 1000 верстъ.

Простившись съ Вязмитиновымъ, я отдалъ ему всѣ приготовленныя мною по его приказанію бумаги, необходимыя ему при вступленіи въ новую должность, и далъ слово, получивъ указъ о моемъ отпускѣ, немедленно пріѣхать къ нему; онъ же обѣщалъ мнѣ стараться помѣстить меня на хорошее мѣсто и сдѣлать меня извѣстнымъ государю.

Тяжело мнѣ было возвратиться въ Уфу, многіе стали посмѣиваться надо мною; наконецъ чрезъ мѣсяцъ я получилъ указъ и тотчасъ отправился прямо въ Малоросію.

Пріѣхавъ въ Москву, узналъ я, что Вязмитиновъ назначенъ комендантомъ въ Петербургъ, и долженъ былъ туда ѣхать. По случаю новаго назначенія Вязмитинова, я не могъ служить подъ его начальствомъ; всѣ знатныя лица, которыхъ могъ бы я просить о своемъ опредѣленіи въ службу, уѣхали тогда, или отправлялись на коронацію въ Москву. Я остановился въ домѣ знакомаго мнѣ сенатора, человѣка совершенно празднаго и рѣшился ожидать случая.

Государственный казначей графъ Васильевъ, знакомый мнѣ прежде, и котораго я отъискалъ наканунѣ его отъѣзда въ Москву, узнавъ, что я желаю оставить Уфу, предложилъ мнѣ мѣсто совѣтника въ экспедиціи государственныхъ доходовъ; я принялъ предложеніе, и онъ обѣщалъ устроить это дѣло по возвращеніи изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ того Вязмитинову повелѣно было управлять коммиссаріатскимъ департаментомъ, который совершенно былъ преобразованъ и переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ. Дѣла департамента были въ самомъ дурномъ положеніи; вещей для обмундированія арміи не доставало, а которыя и были, не подходили къ образцамъ, вновь утвержденнымъ. Обмундировывая наскоро нѣсколько полковъ, находящихся въ столицахъ, надо было платить за все необыкновенно дорого, и департаментъ издержалъ сумму, превосходившую въ нѣсколько разъ ту, которыя была ему ассигнована. Кредита не было никакаго, ходъ дѣла и люди, совершенно неизвѣстные, словомъ совершенный хаосъ, который надо было привести въ порядокъ и вести скоро дѣло такое, которое, еслибы и устроено было, представляло немаловажныя затрудненія.

Сначала Вязмитиновъ былъ доволенъ довѣренностію и милостивымъ къ нему письмомъ императора, но когда увидѣлъ это множество дѣлъ, не зналъ, какимъ образомъ все это исполнить. Не имѣя помощника, получая ежедневно множество приказаній, требующихъ немедленнаго исполненія, онъ предложилъ мнѣ вступить подъ его начальство и обѣщалъ мѣсто военнаго совѣтника экспедиціи. Я еще на это не рѣшался, но переѣхалъ къ нему, сталъ заниматься дѣлами, и въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ былъ вмѣстѣ его другомъ, совѣтникомъ и секретаремъ.

Устроивая коммиссаріатскія коммиссіи, надо было составлять штаты и писать инструкціи для каждой должности; это дѣло Вязмитиновъ поручилъ мнѣ. Я долженъ прочитать всѣ повелѣнія и коммиссаріатскіе уставы, чтобы ближе познакомиться со всѣми частями, составляющими департаментъ: работа скучная и трудная, но она послужила мнѣ въ пользу. Я узналъ эту часть, и составилъ себѣ репутацію дѣловаго человѣка. Между тѣмъ отпускъ мой кончился, и мнѣ сказали, что если я просрочу, то рискую, что вышлютъ меня изъ Петербурга подъ карауломъ. Но что было дѣлать! Прошенія въ отставку не принимали, потому что не приказано

было никого увольнять безъ доклада его величеству, а государь уѣхалъ въ Ревель. Государственный же казначей, предложившій мнѣ мѣсто, не возвращался еще изъ Москвы.

Вязмитиновъ тогда рѣшился просить генералъ-прокурора объ увольненіи меня изъ статской службы съ тѣмъ, чтобы донесъ онъ государю, что я ему необходимъ для исправленія дѣлъ, на него возложенныхъ, которыя ему трудно вести безъ надежнаго помощника. Эта просьба много послужила къ моей славѣ, а между тѣмъ съ своей стороны онъ сдѣлалъ представленіе государю объ опредѣленіи многихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и меня военнымъ совѣтникомъ въ коммиссаріатскую экспедицію.

Долго не выходило мое назначеніе Междутѣмъ генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ, бывшій за два года предъ тѣмъ въ одномъ со мною чинѣ, а теперь сдѣлавшійся сильнымъ человѣкомъ при дворѣ, предложилъ мнѣ мѣсто въ провіантской экспедиціи. Не имѣя охоты служить подъ начальствомъ человѣка, къ которому трудно мнѣ было имѣть чувство повиновенія, я отказался, говоря, что зоветъ меня къ себѣ прежній мой начальникъ, у котораго я теперь и занимаюсь дѣлами. Графъ Васильевъ, возвратившись изъ Москвы, также звалъ меня, говоря, что мѣсто совѣтника еще не занято.

Представленіе Вязмитинова возвращено было безъ утвержденія, потому что государь находилъ, что управляющій департаментомъ не имѣетъ права опредѣлять въ коммиссаріатъ офицеровъ изъ полковъ. Тогда сдѣланы были два представленія, одно о производствѣ на вакансіи чиновъ коммиссаріатскаго штата, а другое о назначеніи меня военнымъ совѣтникомъ въ коммиссаріатскую экспедицію, а секретаря Вязмитинова казначеемъ.

Слишкомъ мѣсяцъ мы не имѣли никакаго отвѣта; генералъ-провіантмейстеръ, по прежнему знакомству, ласково со мною обходился, и нѣсколько разъ повторялъ свое предложеніе, утверждая, что меня не опредѣлятъ въ коммиссаріатъ, потому что представленіе сдѣлано чрезъ президента военной коллегіи ([27]), котораго государь не жалуетъ. Я сказалъ это Вязмитинову, подстрекнулъ его самолюбіе, которое въ немъ сильнѣе было осторожности; онъ осмѣлился написать къ генералъ-адъютанту, просилъ доложить государю о его представленіи и вновь ходатайствовалъ о производствѣ чиновниковъ коммиссаріатскаго штата и о принятіи меня и бывшаго его секретаря въ службу.

На другой день вышелъ приказъ о производствѣ всѣхъ чиновниковъ; о насъ же ничего не было сказано. Вязмитиновъ писалъ къ генералъ-адъютанту, и просилъ доложить государю, что я ему нуженъ; но ему отвѣчали, что нѣсколько разъ было о томъ доложено, но государь изволилъ отозваться, что ему не угодно переводить изъ статской службы въ военную. Вязмитиновъ показалъ мнѣ много вниманія, и говорилъ, чтобы я назначилъ самъ, куда онъ долженъ ѣхать, и кого просить о моемъ помѣщеніи. Въ тотъ же день онъ послалъ письмо къ государю, въ которомъ, изъяснивъ, что разстроенное его здоровье и глазная болѣзнь дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ исправленію должности, и онъ, опасаясь сдѣлать упущенія, и невинно обратить на себя гнѣвъ его величества, проситъ увольненія отъ службы.

([27]) Н. И. Салтыкова.

ня обѣщаніе государственнаго
іея и хорошіе его обо мнѣ от-
я поѣхалъ къ нему, и сказалъ,
удалось мнѣ служить у бывшаго
начальника, и я готовъ принять
которое онъ мнѣ предлагалъ.
Васильевъ, принявъ меня хо-
говорилъ, что у него нѣтъ ва-
, и что онъ обѣщалъ уже двумъ
ѣсто совѣтника, и потому, если
дожидаться третьей вакансіи,
ь очень радъ имѣть меня подъ
ь начальствомъ. Я очень былъ
ленъ этимъ отзывомъ и по совѣ-
ржавина написалъ къ генералъ-
нтмейстеру, находившемуся тог-
государемъ въ Гатчинѣ, что я
вступить въ службу въ про-
кую экспедицію.
другой день Вязмитиновъ полу-
милостивое письмо отъ государя;
тавкѣ ему отказано, и объявлено
іе его величества, чтобы онъ
я въ службѣ, а я переведенъ безъ
менованія въ военный чинъ
ымъ совѣтникомъ провіантской
иціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я полу-
приказаніе пріѣхать въ Гатчину.
вшись къ Обольянинову, я очень
обласканъ; онъ предлагалъ мнѣ
начальника Казанскаго депо, и
илъ мнѣ покупку хлѣба и по-
оттуда въ Петербургъ. Это по-
іе, доказывавшее большую его
довѣренность, было мнѣ пріі-
но, боясь опять жить въ про-
и желая сдѣлаться извѣстнымъ
рю и главнѣйшимъ сановникамъ,
онилъ это предложеніе и объяс
Обольянинову, что считаю себя
обнымъ къ этому дѣлу, но же-
могу быть полезнымъ въ служ-
стоя при немъ, и онъ согласился
предложеніе о допущеніи меня
ѣданіе экспедиціи.

III. Служба въ Петербургѣ

въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

1797 года Сентября 21 дня я вступилъ въ должность совершенно для меня новую. Не имѣя понятія объ обширныхъ занятіяхъ провіантскаго департамента, который имѣлъ дѣло со всѣми государственными чинами, губернскими начальниками и земскими полиціями, я обязанъ былъ знать всѣ подробности каждаго мѣста на всемъ пространствѣ государства. Я не зналъ къ кому обратиться и просить изъяснить мнѣ дѣло. Я въ первый разъ пріѣхалъ въ экспедицію рано по утру. Присутствующихъ еще никого не было; разговорился съ секретарями и узналъ, что по повелѣнію государя департаментъ раздѣленъ на семь депо или отдѣленій, но штатъ еще не былъ утвержденъ, и не опредѣлены еще были ни должность, ни степень подчиненія и отчетности каждаго. Въ экспедиціи не было не только что описанія каждаго мѣста, гдѣ расположены были войска и откуда доставляемъ былъ провіантъ, но даже и Россійскаго атласа.

Когда присутствующіе съѣхались, то они стали мнѣ говорить о неудовольствіяхъ своихъ на Обольянинова, потому что не печется онъ о ихъ счастіи, что спѣсиво обходится и бранныя присылаетъ предложенія. Просмотрѣвъ бумаги, я убѣдился, что дѣйствительно нѣкоторыя предложенія написаны такъ грубо, что непристойно хранить подобные документы въ архивѣ; ему отвѣчаютъ также; дѣла совсѣмъ недвижимы. Журналы за спорами не подписывались нѣсколько мѣсяцовъ. Протоколистъ увѣрялъ, что прежде мѣсяца не возможно и приготовить

журналъ къ подписи и когда я спросилъ, какъ же посылаются исходящія, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается не ожидая скрѣпленія журнала. Секретари писали резолюціи, ссорили присутствующихъ, которые между собою бранились и болѣе ничего не дѣлали.

Когда занятія распредѣлены были между присутствующими, и ко мнѣ поступили С. Петербургское и Казанское депо, я приказалъ вносить всѣ входящія въ докладной регистръ и подавать его ко мнѣ для отмѣтки резолюцій. Товарищи мои увѣряли меня, что это не прилично моему званію, но я на основаніи закона продолжалъ это дѣлать. Зная, что журналы въ свое время не подписываются и не могутъ быть изготовлены, потому что кромѣ моего отдѣленія резолюціи, написанныя секретарями въ докладныхъ регистрахъ, не сдаются по нѣскольку дней протоколисту, я приказалъ по всѣмъ статьямъ, по которымъ надо было написать исходящую, составлять особую журнальную записку и подавать ее всѣмъ къ подписи. Присутствующіе не соглашались съ начала на это распоряженіе, говоря, что подписывать записку излишній трудъ, но какъ я не соглашался посылать исходящихъ до тѣхъ поръ, пока резолюція не будетъ подписана, то и рѣшились они исполнить мое требованіе, которое въ послѣдствіи имъ очень понравилось.

Чрезъ нѣсколько дней, познакомясь съ дѣломъ, я писалъ Обольянинову, что, желая быть полезнымъ въ должности, на которую опредѣленъ по его представленію и споспѣшествовать его славѣ и намѣреніямъ, стремящимся къ добру, я осмѣлился составить записку о настоящемъ положеніи провіантскаго департамента, и изложить мѣры, которыя нахожу возможными для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Въ этой запискѣ я объяснилъ необходимость имѣть ясное понятіе о состояніи всего государства, составить вѣрную карту съ описаніемъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, утвердить штатъ департамента и написать инструкціи съ изъясненіемъ обязанностей и правъ каждаго мѣста и лица. Обольяниновъ поручилъ мнѣ написать положеніе объ устройствѣ департамента, прислалъ карту соединенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, взятую имъ изъ кабинета государя, позволилъ купить атласъ Россійской имперіи и приступить къ сочиненію предположенной мною карты о судоходныхъ рѣкахъ.

Приступивъ немедленно къ этому дѣлу, я составилъ инструкціи для экспедицій, коммиссій, провіантскихъ депо и коммиссіонеровъ, какъ постоянныхъ, такъ и находящихся при отдѣльныхъ командирахъ войскъ, опредѣлилъ ихъ взаимныя права и обязанности, и изложилъ отчетность въ дѣлахъ и суммахъ. Въ письмѣ къ Обольянинову я изъяснилъ, что готовъ ѣхать всюду, чтобы узнать лучше всѣ подробности дѣла и сообразить требованія провіантскаго департамента съ мѣстными обстоятельствами каждаго края. Я получилъ самый ласковый отвѣтъ отъ Обольянинова; онъ благодарилъ меня за представленіе, но писалъ, что послать меня не можетъ, потому что я ему нуженъ въ экспедиціи. Все это видно изъ черновыхъ копій съ моихъ представленій, и изъ подлинныхъ писемъ Петра Хрисанѳовича.

Вскорѣ послѣ того государь возвратился въ Петербургъ. Мнѣ приказано было надѣть военный мундиръ, представиться на разводѣ и благодарить за принятіе въ военный штатъ. Послѣ того, по опредѣленію коллегіи, я пере-

нованъ былъ военнымъ совѣтни-
ъ.

ъ день пріѣзда государя въ Петер-
гъ послѣдовалъ указъ о составленіи
наго комитета, подъ предсѣдатель-
мъ великаго князя Александра
ловича. Всѣ начальники военныхъ
артаментовъ и нѣсколько заслужен-
ъ генераловъ назначены были чле-
и комитета. Обязанность его была
авить штаты, изъискать средства
ржать армію какъ можно дешев-
и расположить войска на непре-
ныя квартиры, сообразно мѣст-
ъ обстоятельствамъ и потребно-
ъ государства.

Оболяниновъ, который долженъ
ъ въ этомъ случаѣ быть государ-
ннымъ человѣкомъ и заслужить
вренность государя, по какимъ-то
дворнымъ проискамъ былъ въ не-
сти, и въ первый день засѣданія
тета, не явившись въ назначен-
часъ, получилъ выговоръ, о кото-
ь отдано было въ приказѣ и напе-
ано въ газетахъ.

сякой, бывшій при дворѣ само-
кавнаго государя, знаетъ, сколько
бное событіе унижаетъ человѣка,
имающаго значительную долж-
ъ, какія ведетъ за собою послѣд-
я, а наипаче тогда, когда гнѣвъ
игнетъ человѣка, не давно еще изъ
гожности возвышеннаго и возбу-
паго зависть и негодованіе всѣхъ
дворныхъ.

митетъ сталъ требовать отъ Оболь-
нова разныхъ свѣдѣній, дѣйстви-
но необходимыхъ для разсужденія
мъ, гдѣ лучше и удобнѣе содер-
ь армію. Свѣдѣнія эти получить
о не откуда, потому что экспеди-
никогда ни къ чему не приготов-
ась.

равитель канцеляріи Оболянино-
ожидая неминуемаго его паденія
и своей погибели, сказался больнымъ
и подалъ прошеніе въ отставку. Довѣренность къ нему Петра Хрисанѳовича и мысль, что онъ всё знаетъ, заставила его употреблять ласки и разныя предложенія, которыя могли удержать его въ службѣ; но ничто не подѣйствовало: съ перваго дня онъ отказался отъ дѣлъ и ни за что не принимался.

Ежедневно бывая у Оболянинова и докладывая ему дѣла какъ экспедиціи, такъ и вносимыя имъ въ комитетъ, я успѣлъ заслужить полную его довѣренность. Желая знать всѣ обстоятельства того времени, я, безъ затрудненія, этого достигнулъ, благодаря откровенности Петра Хрисанѳовича, бывшаго близкимъ у государя и знакомымъ со всѣмъ, что окружаетъ дворъ. Я зналъ, что всё зависитъ отъ каприза, и слѣдовательно нѣтъ ничего вѣрнаго. Но сія самая ненадежность, подвергающая людей ежеминутной перемѣнѣ, даетъ возможность каждому войти на стезю знатности.....

Оцѣняя качества и способности своего начальника, я находилъ, что онъ имѣетъ сердце, склонное къ добру, много природнаго ума, слишкомъ много смѣлости, но не доставало въ немъ просвѣщенія и знанія, даже до того, что, практически зная употребленіе многихъ вещей, не могъ припомнить имена ихъ, и перековеркивалъ многія непонятнымъ образомъ. Въ отношеніи къ дѣлу, порученному ему, онъ зналъ и судилъ о немъ, какъ коммиссіонеръ, а не какъ начальникъ, и совершенно не видѣлъ пути, по которому долженъ идти человѣкъ государственный.

Я заболѣлъ и принужденъ былъ принимать такія лекарства, которыя не позволяли мнѣ выѣзжать въ зимнее время. Оболяниновъ изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ и совѣтовался о дѣлахъ, которыми я продолжалъ заниматься;

онъ мнѣ разсказывалъ обо всемъ, что̀ происходило въ засѣданіяхъ комитета. Я старался внушить ему, какъ надо ему дѣйствовать, чтобы возвысить важность его должности и поставить себя на степень государственнаго человѣка; но видѣлъ, что онъ не имѣлъ успѣха, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ того времени. При томъ опасаясь, чтобы онъ не подумалъ, что я желаю быть его наставникомъ, я рѣшился письменно изъяснить ему то, что̀ трудно было сказать на словахъ, предъупредивъ о намѣреніи моемъ составить записку о положеніи дѣлъ провіантскаго департамента, которая бы могла служить для объясненій по всѣмъ требованіямъ комитета. Онъ на это согласился и благодарилъ меня.

Чрезъ нѣсколько дней я препроводилъ къ нему эту записку. Въ видѣ предисловія, я изложилъ, что Россія, изобилующая хлѣбомъ и металлами по судоходнымъ рѣкамъ, текущимъ изъ центра государства къ границамъ, имѣетъ способы доставлять въ каждое мѣсто свои богатства; описалъ теченіе всѣхъ судоходныхъ рѣкъ и связь ихъ между собою; изчислилъ время, необходимое для перевозки тяжестей; изложилъ раздѣленіе департамента на семь депо или отдѣленій, сколько каждое изъ нихъ продовольствуетъ войскъ и въ какомъ числѣ людей или лошадей, откуда и куда доставляется хлѣбъ и какія правила слѣдуетъ издать для провіантскихъ коммиссій, депо и коммиссіонеровъ; наконецъ въ подробности изложилъ обязанность генералъ-провіантмейстера, указавъ на что именно надо обратить вниманіе, какую пользу онъ можетъ оказать всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства и какія долженъ имѣть права.

Я заслужилъ совершенную довѣренность и дружбу своего начальника, который повѣрялъ мнѣ всѣ связи и обстоятельства государственныхъ дѣлъ. Я почти съ нимъ былъ неразлученъ, и прослылъ у всѣхъ знатныхъ лицъ за дѣловаго человѣка. Обольяниновъ, имѣя много здраваго ума и догадливости, говоря о дѣлахъ, изъяснялъ часто мнѣніе, которое не ожидали отъ него слышать; все это приписывали мнѣ что̀ придало мнѣ славы болѣе, чѣмъ я заслуживалъ. Все дѣльное, имъ самимъ придуманное, относили ко мнѣ, всѣ же мои ошибки приписывали ему. Замѣтивъ это, я употреблялъ всѣ способы для уничтоженія подобнаго мнѣнія публики; пересталъ при постороннихъ людяхъ говорить съ нимъ о дѣлахъ, сталъ играть въ карты, часто говорилъ о дѣлахъ экспедиціи не такъ, какъ думалъ, и выслушивалъ при другихъ наставленія его, которыя внушены ему были мною словесно и письменно; словомъ, употреблялъ все, чтобы возвысить въ мнѣніи другихъ своего начальника, вліяніемъ котораго хотѣлъ самъ возвыситься. Но ничто не дѣйствовало: всѣ понимали мое поведеніе и не давали вѣры моимъ словамъ.

Согласно предположенію моему, по которому провіантской департаментъ ежегодно обязанъ былъ давать отчетъ въ издержанныхъ суммахъ, съ показаніемъ на какіе именно предметы что употреблено и что̀ осталось къ будущему году, Обольяниновъ приказалъ мнѣ составить формы, которыя и разосланы были во всѣ провіантскія коммиссіи и депо. Большое было затрудненіе привесть это все въ порядокъ; департаментъ, со времени существованія его, не дававшій отчета, составленный изъ людей не привыкнувшихъ къ тому, едва могъ это исполнить, и то съ большими неисправностями. Составляя изъ отчетовъ коммиссій, депо

миссiонеровъ генеральный отчетъ, лся впасть въ ошибку, долженъ рыться въ старыхъ бумагахъ и ногимъ статьямъ ожидать объяя; словомъ, на силу окончилъ эго въ Августѣ 1798 года.

ольяниновъ, находившiйся тогда дворѣ въ Гатчинѣ, представилъ дарю краткую выписку отчета. Въ ыведено было, что изъ ассигноой въ 1797 году суммы сбёредо 1,700,000 рублей. Государь дарилъ Обольянинова расхваего въ приказѣ. пожаловалъ ему iантовые знаки ордена св. Алека Невскаго, а мнѣ и тремъ другимъ былъ орденъ св. Анны 2-й стемногiе же провiантскiе чиновпроизведены въ слѣдующiе чины. событiе, возродя зависть первенощихъ властей, отъ которыхъ гоь сталъ требовать отчета, вооурусѣхъ: на содержанiе провiантдепартамента въ 1799 году асвано было двумя миллiонами мепротивъ сдѣланнаго изчисленiя и ребленo было все, что только моютобы привести дѣла въ замѣшатво. Безпрерывное передвиженiе ъ увеличивало издержки, а неременный отпускъ суммъ изъ ныхъ палатъ подрывалъ кредитъ ртамента,

возвращенiи государя изъ Гат, Обольяниновъ былъ не въ ми; стали объ немъ распространять ые слухи, явились доносы, начаслѣдствiя, и по одному дѣлу деаментъ былъ обвиненъ совершенно раведливо, и наложено было взые на экспедицiю.

это время, совершенно неожио, я коротко познакомился съ геъ-прокуроромъ княземъ Л., бывь при дворѣ въ большой милости. казалось мнѣ тогда лестнымъ и могло быть полезно, но какъ случай къ этому знакомству основанъ былъ на порокѣ, то и радъ я былъ, между нами будь сказано, прекратить его.

Жена Вязмитинова гораздо моложе и глупѣе его, и не воспитанная въ хорошихъ правилахъ, сознаıалась мнѣ, что ей нравится одинъ полубояринъ, глупый, какъ и она, но жившiй роскошно и дававшiй праздники. Сначала изъ шутки слушалъ я эти объясненiя и училъ ее, какимъ образомъ пользоваться прiятностями жизни, не возмущая домашняго покоя; но вскорѣ, не знаю какъ, я сдѣлался повѣреннымъ въ ея любовныхъ интригахъ, которыя могли дурно кончиться. Мужъ сталъ ревновать ее, она не успѣла быть осторожною. Сильную и явную страсть ея къ любовнику замѣтили въ обществѣ, и видя ихъ общее ко мнѣ довѣрiе, стали говорить, что я устроиваю имъ свиданiя. Любовникъ употреблялъ всѣ средства, чтобы чаще съ нею видѣться, давалъ концерты и приглашалъ лучшихъ артистовъ, чтобы угодить мужу, охотнику до музыки. Удачный составъ этихъ концертовъ и множество хорошенькихъ женщинъ, къ нему ѣздившихъ, привлекли все лучшее общество и въ томъ числѣ и генералъ-прокурора. Онъ плѣнился красотою Вязмитиновой, и люди, готовые угодить сильному боярину, стали для свиданiя его съ нею давать праздники и сдѣлались его друзьями. На эти праздники по желанiю Л-а и согласно обычаю, принятому при дворѣ, приглашали только немногихъ; я попалъ въ число избранныхъ.

Почти ежедневно бывая съ нимъ въ обществѣ, я къ несчастiю могъ видѣть, какъ человѣкъ, обязанный заниматься государственными дѣлами, отъ котораго и по званiю и по особенной къ нему довѣренности государя зависитъ благополучiе и несчастiе многихъ, уби-

ваетъ время въ платонической любви къ молодой женщинѣ, не имѣющей и понятія о его обязанностяхъ. Ребяческія ея требованія онъ исполнялъ безпрекословно, часто не занимался дѣлами, или оканчивалъ ихъ кое-какъ, спѣша по приказанію ея пріѣхать къ ней, или куда было назначено, чтобы взглянуть на начатую ею картину или новый узоръ, и просиживалъ иногда до двухъ часовъ по полуночи.

Положеніе мое было несносное. Надобно было имѣть большую осторожность, и не знаю, что̀ удерживало меня оставить этотъ домъ. Обольяниновъ, бывшій тогда въ большомъ гоненіи (дѣла его поручены были разсмотрѣнію генералъ-прокурора) сталъ уважать меня еще болѣе, хотя выговаривалъ мнѣ, что отъ вечеровъ и ужиновъ разстроиваю свое здоровье; но я могъ замѣтить, что скучное общество, въ которомъ я находился, придавало мнѣ въ его глазахъ цѣну, и не смотря на то, что со всею откровенностію я разсказывалъ ему и многимъ другимъ, что генералъ-прокуроръ никогда не говоритъ о дѣлахъ, и какъ кажется, объ нихъ и не думаетъ,—никто не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ.

Чрезъ нѣсколько времени открылась вакансія губернатора въ Петербургѣ, который получалъ 5000 руб. жалованья и домъ казенный для житья. Герой, въ прежнюю командиршу мою влюбленный, объявляетъ мнѣ, что хочетъ опредѣлить меня на это мѣсто и требуетъ рѣшительнаго отвѣта. Подумавъ нѣсколько и сообразивъ обстоятельства того времени, я видѣлъ, что предлагаемое мѣсто дѣйствительно самое для меня лестное, и могло мнѣ открыть путь возвыситься по службѣ, но какъ оно должно возбудить общую зависть, какъ я могъ чрезъ то показаться въ обществѣ негодяемъ, получающимъ чины чрезъ любовную связь генералъ-прокурора, то и рѣшился я отказаться отъ предложенія. Я отвѣчалъ, что не хочу перемѣнять мѣста безъ согласія своего начальника, чтобы онъ не подумалъ, что я его оставляю въ непріятное для него время. Требованіе мое на другой же день было исполнено. Обольяниновъ объявляетъ мнѣ, что меня хотятъ назначить Петербургскимъ губернаторомъ, говоря, что это для меня выгодно, и онъ готовъ тому содѣйствовать. Я откровенно изъяснилъ ему, что если бы генералъ-прокуроръ, зная меня по службѣ и находя способнымъ, опредѣлилъ въ высшую должность, я бы былъ доволенъ; но какъ онъ хочетъ возвысить меня за то, что я бываю въ его обществѣ, то мнѣ кажется неприличнымъ воспользоваться этою милостію, тѣмъ болѣе, что оставилъ бы своего начальника во время для него непріятное, и когда я ему нуженъ по дѣламъ. Обольяниновъ былъ очень доволенъ моимъ объясненіемъ, обнималъ, цаловалъ меня, и съ того времени сталъ оказывать мнѣ свою дружбу.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣла его при дворѣ поправились; гоненія нѣсколько утихли, но въ слѣдствіе прежнихъ козней не отпущены были провіантскому департаменту большія суммы на содержаніе его необходимыя, а отъ безпрерывнаго передвиженія войскъ расходы превосходили смѣту. Надо было опасаться недостатка въ запасахъ, и, пропустивъ время заготовленія хлѣба, причинить вредъ, который могъ имѣть важныя послѣдствія для государственныхъ дѣлъ, и потому я рѣшился вновь пустить въ ходъ составленную мною записку о положеніи департамента. Оставивъ тоже введеніе, я изложилъ порядокъ, принятый для производства дѣлъ съ изданія высочайше утвержденнаго штата, обстоятельства каждой коммиссіи

и депо, и исчислилъ, какія суммы по мѣстности края необходимы для безостановочнаго дѣйствія каждаго мѣста, подвѣдомственнаго департаменту. При этомъ изчисленіи я показалъ о количествѣ неотпущенныхъ по ассигновкѣ суммъ и о дурныхъ послѣдствіяхъ, если хлѣбъ не будетъ во время купленъ и лѣтомъ доставленъ на мѣсто. Я пустилъ по рукамъ эту записку, и она дошла до свѣдѣнія государя. Между тѣмъ Обольяниновъ успѣлъ лично все объяснить. Вслѣдствіе того перемѣнились дѣла департамента; деньги были отпущены, и даже болѣе чѣмъ слѣдовало, и начальникъ мой сталъ сильнѣе прежняго. Государь, увидя его невинность и зная о несправедливомъ на него гоненіи, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ ему богатую табакерку съ портретомъ. Я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и мнѣ было приказано пріѣхать въ Гатчину благодарить государя на разводѣ.

На представленіи я имѣлъ счастіе слышать лестные отзывы государя, и между прочимъ изволилъ онъ сказать, что онъ радъ со мною лично познакомиться и повторилъ это за обѣдомъ Обольянинову. Мы опять были въ милости и славѣ, но завистниковъ нажили много.

По возвращеніи его величества изъ Гатчины, Обольяниновъ, подъ большимъ секретомъ, сказалъ мнѣ о намѣреніи государя опредѣлить его генералъ-прокуроромъ. Мнѣ очень пріятно это было узнать, потому что, желая идти впередъ по службѣ, я могъ надѣяться на повышеніе, когда начальникъ мой будетъ такъ высоко поставленъ. Я сталъ заниматься разными прожектами устройства государственныхъ дѣлъ и передавалъ ихъ Обольянинову, который, измѣнивъ нѣсколько слогъ и выдавая за свое сочиненіе, отдавалъ ихъ Кутайсову для доклада государю.

Много времени прошло въ неизвѣстности; перемѣнчивый нравъ государя заставлялъ насъ задумываться. Кутайсовъ между тѣмъ усиливался и очень расположенъ былъ къ моему начальнику. Обольяниновъ, узнавая отъ него о намѣреніяхъ государя, говорилъ о томъ со мною, и мы придумывали, въ случаѣ назначенія его, что̀ можетъ быть сдѣлано, что̀ не возможно, и какъ дѣйствовать согласно волѣ государя, и какъ отклонять мысли его отъ предпріятій безполезныхъ, не оскорбляя самолюбіе властителя. Въ это время я убѣдился, что Обольяниновъ честенъ, смѣлъ, уменъ и готовъ быть полезнымъ, не смотря на то, что можетъ тѣмъ причинить себѣ вредъ.

Осенью, когда государь былъ въ Гатчинѣ и мой начальникъ при немъ находился, стали говорить въ городѣ, что онъ подалъ прожектъ объ устройствѣ народныхъ магазиновъ. Съ этимъ прожектомъ государь повелъ Обольянинова въ первый департаментъ сената, вызванный въ то время для засѣданій въ Гатчину и пожаловалъ его сенаторомъ. Всѣ находили прожектъ не удобнымъ и отяготительнымъ для народа, и вездѣ бранили моего начальника. Государственный казначей ([28]), не любившій Обольянинова, сказалъ въ обществѣ, что я сочиняю законы. Многіе, раздѣляя это мнѣніе, стали мнѣ говорить, что я отягощаю народъ, и безъ того уже бѣдный. Не имѣя никакого понятія о прожектѣ, я сколько ни увѣрялъ, что не имѣю ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ, никто мнѣ не хотѣлъ вѣрить. Поздравляя Обольянинова съ званіемъ сенатора, я написалъ

([28]) (Графъ) А. И. Васильевъ. *П. Б.*

ему, что прожектъ его производитъ неудовольствіе въ публикѣ, и просилъ дать мнѣ знать о содержаніи онаго. Обольяниновъ на другой же день доставилъ мнѣ копію съ прожекта, описывалъ случившіяся съ нимъ происшествія, увѣдомлялъ, что прожектъ написанъ имъ по волѣ государя, и требовалъ, чтобы я изложилъ свое мнѣніе. Прочитавъ со вниманіемъ прожектъ, я нашелъ, что дѣйствительно многое въ немъ было не удобно къ исполненію и отяготительно для народа безъ всякой надобности и пользы. Я послалъ къ нему записку, въ которой объяснилъ тѣ статьи прожекта, которыя необходимо было перемѣнить и изложилъ свое мнѣніе, какимъ образомъ можно было это устроить. Моя критика не понравилась. При свиданіи нашемъ въ Гатчинѣ, онъ сказалъ женѣ своей, что я хорошій фруктъ, но не поспѣлъ; объясняться болѣе не хотѣлъ; а я, слѣдуя правиламъ благопристойности, не начиналъ о томъ и разговора. Хотя онъ продолжалъ быть со мною откровеннымъ, поручилъ мнѣ написать прожектъ о устройствѣ коммерческой части, но я могъ замѣтить, что по мѣрѣ увеличенія его власти онъ отъ меня удалялся.

Вскорѣ получены были въ экспедиціи отчеты за 1798 годъ. Я составилъ изъ нихъ генеральный отчетъ и отправилъ къ Обольянинову, который приказалъ мнѣ пріѣхать въ Гатчину. Онъ хвалилъ меня за помѣщеніе всего отчета на одномъ листѣ, и очень былъ доволенъ, что изъ ассигнованной суммы уменьшено издержекъ слишкомъ на 1,200,000. Онъ совѣтывался со мною на счетъ наградъ, и мы составили списокъ о представляемыхъ къ орденамъ и чинамъ. Обо мнѣ не было рѣчи, и я молчалъ, полагая, что долженъ быть представленъ съ прочими, заслужившими награжденіе за усердіе къ службѣ. Кончилось тѣмъ, что отчетъ поданъ государю, который былъ имъ доволенъ, пожаловалъ моему начальнику Малтійскій крестъ, осыпанный богато бриліантами и домъ въ городѣ. Всѣ представленные получили награды, а я остался ни при чемъ. Признаюсь, досадно мнѣ было но я это скрывалъ, отъ гордости, боясь показаться обиженнымъ.

По возвращеніи Обольянинова въ Петербургъ, желая скрыть отъ него и отъ всѣхъ другихъ свое неудовольствіе, я продолжалъ быть въ домѣ его, и онъ по прежнему былъ со мною ласковъ и откровененъ. Но какъ онъ на вѣрное ожидалъ назначенія въ генералъ-прокуроры, то стараясь привыкать къ новымъ дѣламъ, сталъ ежедневно ѣздить въ сенатъ, а провіантскую экспедицію оставилъ моему попеченію, подписывалъ всѣ наши журналы и опредѣленія, но почти совсѣмъ ими незанимался. Наконецъ онъ былъ опредѣленъ генералъ-прокуроромъ съ оставленіемъ въ должности генералъ-провіантмейстера. Съ тѣхъ поръ имѣя много занятій, онъ перестялъ заниматься провіантскими дѣлами, и я управлялъ одинъ департаментомъ.

Съ каждымъ днемъ становясь сильнѣе, онъ вскорѣ уподобился великому визирю. Всѣ лично имѣвшіе докладъ у государя получили приказаніе присылать свои представленія чрезъ генералъ-прокурора и были принуждены объясняться по всѣмъ дѣламъ съ Обольяниновымъ, соображаться съ его мнѣніемъ или лучше сказать съ его приказаніемъ, которое казалось всѣмъ волею царя. Множество дѣлъ, быстрота, которую государь требовалъ въ ихъ исполненіи, непривычка заниматься важными дѣлами, а болѣе все

/рное воспитаніе и грубость его
жденія вооружили противъ него
ъ имѣвшихъ дѣло съ нимъ.
:корѣ послѣ назначенія его гене-
-прокуроромъ, по рѣшенію сена-
тобраны были земли у многихъ
ѣщиковъ въ Саратовской и другихъ
рніяхъ, которыя поступили въ каз-
Оболяниновъ, желая поощрить сво-
подчиненныхъ, исходатайствовалъ
им сенатскимъ и нѣкоторымъ
іантскимъ чиновникамъ пожало-
е отъ тысячи до пяти тысячь де-
нъ Это было во время лѣтнихъ
щевъ, когда государь не жилъ
Петербургѣ. Генералъ-прокуроръ
ь при немъ, но, по заведенному по-
:у, пріѣзжалъ еженедѣльно на два
въ городъ для присутствованія въ
емъ собраніи сената, и для окон-
я дѣлъ, требовавшихъ личнаго его
сутствія. Онъ привезъ съ собою
зы о пожалованіи землями, о чемъ
городѣ были уже слухи и нашелъ
восмъ домѣ множество съѣхавших-
лагодарить, и тѣхъ, которые по дѣ-
ь должны его видѣть. Онъ думалъ,
ь говорили мнѣ его домашніе, най-
еня въ досадѣ, и ожидалъ моихъ уп-
въ, а я нисколько не показалъ не-
вольствія и при короткихъ его зна
іхъ, въ разговорѣ объ этомъ по-
алованіи хвалилъ его справедли-
ь. И когда Обольянинова, въ при-
:твіи его мнѣ сказала, что милость
дaря еще не кончилась, и я съ
гими генералами провіантскаго
та будемъ также награждены, я
ѣчалъ, что, не оказавъ никакого от-
ія, не за что и ожидать мнѣ мило-
и стыдно было бы принять ее.
скорѣ послѣ того Обольяниновъ,
ѣхавъ въ городъ, при многихъ сталъ
выговаривать, что дѣла провіант-
экспедиціи идутъ медленно, и что
при первомъ случаѣ поступитъ начальнически, не смотря на пріязнь ко мнѣ, и присовокупилъ: „дружба дружбою, а служба службою". Я возразилъ, что дѣла идутъ какъ было прежде и далъ ему почувствовать, что когда онъ присутствовалъ, все я же дѣлалъ. Разговоръ на томъ остановился, но когда многіе вышли изъ комнаты, я спросилъ о причинѣ подобнаго выговора. Много онъ мнѣ называлъ дѣлъ, которыя не возможно было рѣшить за неполученіемъ справокъ, и когда я это ему объяснилъ, онъ, не смотря на то, говорилъ, что я слабъ съ подчиненными, не умѣю заставить себѣ повиноваться, и не въ состояніи никогда быть начальникомъ. Я отвѣчалъ ему рѣзко и въ заключеніе сказалъ, что онъ, кажется возвысился такъ высоко, что не имѣетъ надобности созидать свою репутацію на развалинахъ моей. Съ этого времени я убѣдился, что не годится мнѣ быть близкимъ въ его домѣ, и я сталъ удаляться; но дружеская ласка добродушной его жены заставляла меня быть у него чаще, чѣмъ я хотѣлъ.

Это стеченіе обстоятельствъ поставляло меня въ большое затрудненіе. Мнѣ казалось, что хорошее мнѣніе, которое я заслужилъ, унижало моего начальника, породило въ немъ зависть и желаніе выказать, что я ему не такъ необходимъ, какъ полагали другіе. Я примѣчалъ, что по мѣрѣ умноженія его власти, увеличивается въ немъ самолюбіе и гордость; и, боясь быть жертвою человѣка, изъ добраго и честнаго преобразившагося въ обыкновеннаго боярина, я не зналъ, что дѣлать. Это убѣжденіе основано было и на томъ, что при самомъ вступленіи его въ должность генералъ-прокурора, онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что государь хотѣлъ назначить меня генералъ-аудиторомъ; но Обольяниновъ на это не

согласился, и объявилъ, что если меня уволятъ изъ провіантскаго департамента, то онъ не можетъ имъ болѣе управлять, слѣдовательно, въ глазахъ государя я былъ ему необходимъ. Въ послѣдствіи неосмотрительные его доклады по дѣламъ сената и постоянное благоволеніе за порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ вѣроятно унижали его и заставляли говорить, что я былъ хорошъ только тогда, когда онъ мною руководилъ.

Я занемогъ въ это время рожью на лицѣ. Обольяниновъ, пріѣхавъ изъ Гатчины, чрезвычайно занятый дѣлами, навѣстилъ меня однако съ женою своею и многими значительными людьми, искавшими его милости. Двѣ комнаты, которыя я занималъ, были наполнены разноцвѣтными лентами.

Въ это время получены были отчеты за 1799-й годъ. Больной и развлекаемый гостями, я исполнялъ однако свое дѣло. Изъ составленнаго мною генеральнаго отчета, который я послалъ къ Обольянинову, оказалась передержка 1,700,000-хъ противъ ассигновки суммъ, и капиталъ на столько же уменьшился. Но изъ объясненія о причинахъ передержки видно было, что если бы войска, находившіяся въ походѣ, были на непремѣнныхъ квартирахъ, и провіантской департаментъ не принужденъ былъ производить расходы не исчисленные въ смѣтѣ, то не вышелъ бы изъ ассигнованной суммы, не смотря на то, что повсемѣстно возвысились цѣны на хлѣбъ и сѣно.

Хотя и старался я оправдать передержку суммъ, но какъ капиталъ департамента былъ тронутъ, то и не ожидалъ ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что начальникъ ко мнѣ былъ не расположенъ; но совершенно неожиданно получилъ въ награду пять тысячъ десятинъ земли и пожалованъ почетнымъ командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Мой начальникъ написалъ мнѣ поздравленіе въ пышныхъ выраженіяхъ, и пріѣхавъ въ городъ, при свиданіи, сказалъ, что очень мною доволенъ. Жена его разсказала знакомымъ моимъ и мнѣ подтвердила, что государь, разсматривая отчетъ, изволилъ отозваться, что по обстоятельствамъ прошедшаго года онъ не надѣялся, что такъ мало будетъ передержано противъ ассигновки, благодарилъ Обольянинова и приказалъ представить къ наградѣ тѣхъ, кого онъ считаетъ достойными, прибавя, чтобы не забылъ меня. Въ слѣдствіи этого я и пять генераловъ провіантской экспедиціи были представлены, и государь назначилъ намъ ордена, но начальникъ нашъ доложилъ, что мы всѣ не богаты, и что мнѣ не на что купить карету, на что государь сказалъ: „что же имъ дать?" и обѣщалъ исполнить по назначенію Обольянинова. Тогда онъ выпросилъ намъ въ Саратовѣ земли, и приказано было написать указъ о пожалованіи намъ по пяти тысячъ десятинъ.

Обольянинову извѣстны были всѣ подробности моихъ домашнихъ обстоятельствъ. Онъ зналъ, что я былъ долженъ около 15,000 руб., которые, если не превосходили, то ужъ вѣрно были равны цѣнѣ принадлежащаго мнѣ имѣнія. Я никогда не жилъ въ роскоши и терпя всегда нужду, сдѣлалъ этотъ долгъ на службѣ; потому что однимъ жалованьемъ жить было не возможно, незаконныхъ же доходовъ никогда не имѣлъ, не имѣю и не буду имѣть. Прежде, когда казался я ему нуженъ, онъ дѣлалъ мнѣ разныя предложенія для поправленія моихъ обстоятельствъ, но я всегда отказывался. Однажды, принимая во мнѣ большое участіе и узнавъ, что я сильно безпокоюсь о своихъ долгахъ, которые могли нарушить

ій матушки, онъ далъ мнѣ свидѣ-ство на свое имѣніе и предлагалъ жить его въ банкѣ и расплатиться редиторами. Я не принялъ этого дложенія, и потому теперь, когда сталъ первымъ наперсникомъ го-ря, чрезвычайно щедраго и выпра-алъ всѣмъ царскія милости, я могъ яться, что онъ выведетъ меня изъ отительнаго моего положенія. Од-ды въ разговорѣ я сказалъ ему, почелъ бы себя счастливымъ, если могъ продажею пожалованной мнѣ и расплатиться съ моими заимо-цами, и освободить отъ залога имѣ- въ которомъ живетъ матушка. холодно отвѣчалъ: „вѣрно выру-ь денегъ болѣе, чѣмъ долженъ". И чно я бы выручилъ болѣе, если бы училъ землю, какую онъ могъ мнѣ начить по указу государя; но вмѣ-гого онъ приказалъ всѣ земли, вновь едшія казнѣ въ Саратовѣ, раздѣ- на участки и прислать описаніе въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы жребій илъ, кому достанется какой учас-. Онъ этимъ распоряженіемъ по-илъ меня на ряду со всѣми чинов-ами, которые себя не забывали, и мѣя наслѣдственнаго имѣнія, жили роскоши, и которыхъ поведеніе кде онъ часто охуждалъ въ разго-ахъ со мною. Такъ-то перемѣняют-юди по мѣрѣ перемѣны съ ними оятельствъ. Я однакоже не обви-ь своего начальника за то, что онъ тарался устроить мое состояніе. казалось, что онъ имѣетъ большіе меня виды. Я слышалъ отъ мно-ь, что онъ желаетъ опредѣлить ме-секретаремъ государя на мѣсто . ([29]) котораго должность была са-важная изъ секретарскихъ мѣстъ, о онъ намѣренъ устроить такимъ образомъ это дѣло, чтобы ни просить ни рекомендовать меня, а заставить взять меня въ секретари какъ бы противъ моего желанія, уговоривъ меня принять это назначеніе, и угодить тѣмъ государю. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что мнѣ надо перемѣнить мѣсто своей службы; я всегда отвѣчалъ, что я готовъ на все, лишь бы не служить безъ пользы и прилично моему званію.

Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разказываютъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года государь скоропостижно скончался. Событіе это и безъ меня извѣстно. Я разскажу только что случилось со мною. Поутру, до разсвѣта, я слышу, сильно звонятъ у моихъ дверей. Пріѣхалъ мой знакомый и входя въ спальню, сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе одѣвался, и объявилъ, что государь скончался. Только что я сталъ одѣваться, приходитъ провіантской унтеръ-офицеръ съ рапортомъ, и боязливо отзывая меня въ сторону говоритъ, что войска собираются и съ чѣмъ-то другъ друга поздравляютъ. Потомъ вскорѣ пріѣхалъ экзекуторъ и объявилъ приказаніе вице-президента тотчасъ явиться въ военную коллегію.

) Нелединскаго? *П. Б.*

Одѣвшись какъ можно скорѣе, я поѣхалъ къ Обольянинову. Но кругомъ его дома я нашелъ множество солдатъ съ ружьями, и офицеръ запретилъ мнѣ войти. Я отправился въ коллегію, и нашелъ множество военныхъ, ожидавшихъ пріѣзда вицепрезидента. Наканунѣ я видѣлся со многими у генералъ-прокурора, и они, полагая, что я его пріятель, учтивы были со мною до невозможности; но тутъ не смотрятъ на меня и стараются быть отъ меня подальше. Зная чистоту своего поведенія, я нисколько не смутился, и видя въ нихъ эту крутую перемѣну въ обращеніи, вмѣсто оскорбленія или досады, смѣшны и жалки мнѣ были эти люди, во всякомъ случаѣ одинаково подлые. Хотя изъ любопытства я и желалъ вступить въ разговоръ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ; но зная, что они мнѣ ничего не скажутъ, а подумаютъ, что я на нихъ похожъ, я удержался. Наконецъ приходитъ военный совѣтникъ Б*** ([30]), бывшій правителемъ канцеляріи Обольянинова, и говоритъ мнѣ шопотомъ, что въ часъ пополуночи арестовали генералъ-прокурора, войска разставлены были въ домѣ и кругомъ его, чтобы никого не впускать, а Обольянинова повели пѣшкомъ въ ордонансъ-гаузъ, откуда онъ уже отпущенъ и теперь находится въ своемъ домѣ подъ карауломъ.

Вице-президентъ ([31]), войдя въ присутствіе военной коллегіи, прочелъ манифестъ о кончинѣ государя Павла Петровича и о вступленіи на престолъ Александра Павловича, и по приводѣ насъ къ присягѣ, приказалъ всѣмъ начальникамъ департаментовъ идти въ свои экспедиціи и привесть къ присягѣ всѣхъ подчиненныхъ имъ. Подозвавъ присутствовавшаго въ провіантской экспедиціи генералъ-лейтенанта Ханыкова, вице-президентъ поручилъ ему принять въ управленіе провіантской департаментъ.

Я попросилъ позволенія новаго моего начальника и поѣхалъ къ Обольянинову. Не доѣзжая до дома, увидѣлъ я кругомъ его войска, и потому, выйдя изъ саней, пошелъ пѣшкомъ. Чрезъ дворъ и по маленькой лѣстницѣ я вошелъ въ домъ, и засталъ въ столовой офицера, который къ счастію зналъ меня. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ, и позволилъ мнѣ идти къ вчерашнему моему начальнику. Я нашелъ его въ постелѣ, съ совершенно-спокойнымъ лицемъ. Жена, сестра и другія женщины, живущія въ домѣ, сидѣли возлѣ. Онъ очень мнѣ обрадовался и разсказалъ о произшествіяхъ, съ нимъ случившихся. Въ часъ пополуночи, когда онъ еще не заснулъ, пришелъ къ нему плацъ-маіоръ съ командою, объявилъ, что онъ арестованъ, но не сказалъ, по чьему повелѣнію, позволилъ ему одѣваться въ столовой, окруживъ его солдатами съ ружьями и съ примкнутыми штыками.

Зная перемѣнчивый нравъ покойнаго государя, Обольяниновъ думалъ, что это все происходитъ по его повелѣнію, несмотря на то, что только вечеромъ въ девять часовъ отъ него уѣхалъ, и государь былъ очень къ нему милостивъ. Думая о томъ, чѣмъ онъ могъ провиниться и вспоминая все то, что онъ говорилъ и дѣлалъ, онъ не понималъ причины такой сильной строгости.

Когда онъ одѣлся и плацъ-маіоръ приказалъ ему идти за нимъ, Обольяниновъ отдалъ ему свою шпагу, объявивъ, что, занимаясь государ-

([30]) Василій Кириловичъ Безродный. *П. Б.*

([31]) Генералъ отъ инфантеріи Ламбъ. *П. Б.*

нными дѣлами, у него есть бума-
заключающія въ себѣ тайну, за-
› при немъ свой кабинетъ и ключи
ъ съ собою. Его привели въ ордо-
ъ-гаузъ, гдѣ онъ легъ на канапе,
:нулъ. Я считалъ это важнымъ
зательствомъ чистоты его сердца,
югіе за то его осуждали, говоря,
› можно уснуть спокойно подъ
томъ, когда въ ту же ночь онъ
іпалъ, воображая себя полномоч-
ъ довѣреннымъ царя. Когда раз-
ю, ему объявили о кончинѣ госу-
, и дозволили возвратиться до-
гдѣ оставленъ былъ одинъ офи-
› для надзора.

›слѣ обѣда я поѣхалъ домой
ть, нѣтъ ли какого приказанія
дѣламъ, которыми я завѣдывалъ.
›звратился къ Обольянинову, ча-
›резъ два, нахожу его блѣднымъ,
›лтѣвшимъ, а жену его въ дру-
комнатѣ, въ пресильной истерикѣ.
спросилъ меня, можетъ ли на-
ься, что я не откажу сдѣлать
большое одолженіе? И когда я
›чалъ, что готовъ на все, онъ
:илъ меня съѣздить во дворецъ,
:кать тамъ одного изъ Зубовыхъ,
росить ихъ ходатайства, чтобы
дили его въ тюрьму, если онъ
›ватъ или это необходимо, но из-
:ли бы домъ отъ караула, потому
жена его, лишь увидитъ офицера
›ему приставленнаго, падаетъ въ
рокъ и съ нею дѣлаются сильные
рическіе припадки. Недавно еще
›вы были въ гоненіи, жили подъ
:мотромъ въ своихъ деревняхъ,
было запрещено видѣться другъ
ругомъ и пожалованныя имъ им-
трицею имѣнія были конфиско-
ı; имъ оставили только родовыя,
мененныя долгами. Обольяниновъ
тщеславія и желая показать свою
и обязать людей, бывшихъ въ
большой силѣ, успѣлъ отсовѣтывать
государю пожаловать эти имѣнія гер-
цогу Александру Виртембергскому,
отдалъ ихъ въ управленіе человѣку
извѣстному, привелъ эти разстроен-
ныя имѣнія въ порядокъ, приказалъ
окончить дѣла по спорамъ о земляхъ,
которыя могли стоить Зубовымъ боль-
шихъ хлопотъ и издержекъ, исхода-
тайствовалъ имъ прощеніе, и возвра-
тивъ имѣнія, сдѣлалъ ихъ богаче
прежняго. Но они забыли цѣну благо-
творенія, основаннаго единственно на
одномъ тщеславіи.

Пріѣхавъ во дворецъ, я увидѣлъ
князя Зубова у подъѣзда. Я нагналъ
его на лѣстницѣ, и когда онъ уви-
дѣлъ меня и спросилъ, что мнѣ нуж-
но, и каковъ Петръ Хрисанѳовичъ, я
передалъ ему просьбу Обольянинова.
Онъ отвѣчалъ, что государь не имѣ-
етъ къ нему довѣренности, и потому
онъ не можетъ быть генералъ-проку-
роромъ, что караулъ приставленъ не
къ нему, а къ дѣламъ, находящимся
у него. Я сказалъ тогда, что за дѣла
должны отвѣчать чиновники, и они
находятся не у него, потому что вся-
кое представленіе, утвержденное го-
сударемъ, передано въ сенатъ; въ тай-
ной экспедиціи есть сенаторъ, завѣ-
дывающій этими дѣлами, генералъ-
прокурорскія у экспедиторовъ, а у
Обольянинова въ кабинетѣ могутъ
быть только одни прожекты для докла-
да. Но если даже и предположить, что
у него въ кабинетѣ есть важныя дѣ-
ла, которыя надо сохранить, то пред-
осторожность пустая, приставивъ къ
нимъ офицера, котораго Обольяниновъ
можетъ увести въ дальнія отъ каби-
нета комнаты, и въ это время можно
истребить все, что необходимо. А по-
тому если некому поручить должность
и принять дѣла, бывшія въ производ-
ствѣ генералъ-прокурора, то лучше

все запечатать по этому назначенію и самого Обольянинова заставить быть хранителемъ печати. Зубовъ обѣщалъ мнѣ тотчасъ доложить государю, и вечеромъ пріѣхать къ Петру Хрисанфовичу.

Не успѣлъ я отдать отчетъ въ моемъ порученіи, какъ прибылъ посланный государя, который выговаривалъ офицеру за то, что онъ входилъ во внутренніе комнаты, и приказалъ ему быть въ передней. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ главно-управляющій кабинетными дѣлами. Онъ посмотрѣлъ всѣ бумаги въ кабинетѣ и видя, что дѣйствительно хранить нечего, отослалъ караульнаго офицера. Князь Зубовъ также пріѣзжалъ, но Обольяниновъ не приказалъ его принимать. На другой день, когда позволено было ему пріѣхать во дворецъ, всѣ Зубовы выходили къ нему, и хотѣли съ нимъ объясниться, но онъ отклонилъ это.

Послѣ извѣстнаго срока государя было большое собраніе у Обольянинова, такъ что ему приходилось сказать, чтобы онъ никого къ себѣ не принималъ, и чтобы [illegible] больше въ домѣ его. Это сказано было на счетъ его жены, которая и дѣйствительно позволяла себѣ говорить много лишняго. Военный генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, бывшій съ Обольяниновымъ въ открытой враждѣ, сталъ письменно требовать отъ него объясненія. Петръ Хрисанфовичъ отвѣчалъ дѣйствительно самъ и изложилъ всю истину, которая всегда была для него похвальна. Вскорѣ онъ потребовалъ, чтобы я къ нему не ѣздилъ потому что это можетъ быть вредно для меня, а для него опасно. Онъ разсказывалъ мнѣ, что записываютъ, когда и долго ли я у него бываю, и требовалъ, чтобы я прекратилъ свои посѣщенія, сказавъ: „Извини, братъ, думаютъ, что ты меня учишь."

Я пробылъ вечеръ и слѣдующій день дома и въ экспедиціи. Признаюсь, тяжело мнѣ было. Зналъ, что графъ Паленъ, бывшій тогда въ большой силѣ, подозрѣвалъ меня близкимъ къ Обольянинову, котораго онъ ненавидѣлъ, и который обращалъ на себя большое вниманіе по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что онъ легко можетъ сдѣлать со мною все, что захочетъ, и рѣшился не показываться въ обществѣ. [illegible], которыя я прежде имѣлъ къ прежнему своему начальнику, подкрѣпились съ большою силою въ сердцѣ, когда я увидѣлъ его сильное паденіе. Къ этому присоединилась мысль что, покинувъ Обольянинова, я могу показаться трусомъ или человѣкомъ неблагодарнымъ. Я на третій день пріѣхалъ къ нему вечеромъ, и узналъ, что онъ получилъ отставку, и очень довольный, уѣзжаетъ въ деревню. Я провелъ съ нимъ все это время: мы разстались друзьями, съ тѣхъ поръ ведемъ между собою переписку, и желаемъ увидѣться, но Богъ знаетъ, когда это случится. Когда я прощался съ нимъ и благодарилъ за всѣ сдѣланныя мнѣ одолженія, онъ сказалъ, что чувствуетъ себя обязаннымъ, и не знаетъ, кто изъ насъ кого болѣе одолжалъ. Одно мнѣ только показалось смѣшно: передъ самымъ отъѣздомъ, разбирая книги и бумаги, бывшія въ его кабинетѣ, ему попалось описаніе мною составленное о состояніи провіантскаго департамента. Онъ положилъ его къ тѣмъ бумагамъ, которыя бралъ съ собою, и сказалъ: я это здѣсь не оставлю, пусть назначенный на мое мѣсто потрудится самъ собрать всѣ содержащіяся тутъ свѣдѣнія. Еслибы онъ не былъ въ гоненіи, я бы не вытерпѣлъ дать ему хо-

ій урокъ, но тутъ промолчалъ, умавъ только, до чего человѣкъ етъ забыться, когда обстоятель- возведутъ и низведутъ его го- о далѣе черты, предназначенной судьбою.

ослѣ отъѣзда Петра Хрисанфо- а я почти никуда не ѣздилъ, бо- прежняго занимался дѣлами, ста- ся все привести въ такой поря- ь, чтобы новый генералъ-прові- мейстеръ не могъ выговаривать ъ за неисправность, исправилъ со- вленное мною прежде описаніе о ояніи департамента, дополнилъ его ыми свѣдѣніями, словомъ, пригото- илъ множество дѣлъ, чтобы встрѣ- какъ должно новаго начальника. го не выходило это назначеніе, и къ, что будетъ опредѣленъ гене- ь-провіантмейстеромъ человѣкъ, о мнѣ знакомый, и хотя гордый, умный и безкорыстный, заставлялъ я съ большимъ удовольствіемъ за- аться этими приготовленіями.

рошелъ мѣсяцъ, и всѣ забыли о жней моей силѣ у начальника. тупила Святая Недѣля, а съ нею еобходимость ѣхать съ визитами. имѣлъ удовольствіе видѣть, что я хорошо принимаютъ, былъ и у овыхъ, которые были со мною ь учтивы, но сдѣлалъ этотъ ви- ь изъ одного приличія: я не желалъ съ ними сблизиться, не имѣя къ ъ уваженія, и по истинѣ не при- ъ бы повышенія, которымъ бы ь быть имъ обязанъ.

бстоятельства послѣднихъ четы- ъ лѣтъ, которыя были мнѣ до- ьно извѣстны, заслуживаютъ того, бы сохранить ихъ надолго въ па- и...... Послы за границу чрезъ ьдфебелей проважнвались какъ бы поручики гарнизонныхъ полковъ. ранцузская революція потрясала троны. Покойная императрица, искусно пользуясь смятеніями, присоединила нѣсколько губерній отъ Польши, и объявила войну противъ Персіи. Войска наши перешли черезъ Кавказскія горы и приблизились къ Анатоліи; это сдѣлано было, какъ говорятъ, для того, чтобы поступить съ Турціею, какъ поступлено было съ Польшею, и возстановить всеобщій миръ въ Европѣ. Государь оставилъ завоеванныя мѣста Персіи, отозвалъ войска, объявивъ, что не хочетъ никакой войны, не желаетъ никакого пріобрѣтенія, а намѣренъ беречь своихъ людей, не мѣшаться въ чужія дѣла, и имѣть попеченіе о томъ, чтобы внутреннее устройство государства доведено было до степени желаемаго имъ совершенства.

Чрезъ годъ по вступленіи его на престолъ великая княжна Александра Павловна помолвлена была за эрцъ-герцога Іосифа, брата Австрійскаго императора. Государь сталъ мѣшаться въ дѣла сосѣда, бывшаго тогда въ войнѣ съ Французскою республикою. Онъ послалъ въ Австрію вспомогательный корпусъ, и по представленію полномочнаго посла Римскаго императора, вызвалъ изъ деревни знаменитаго фельдмаршала Суворова, и назначилъ его главнокомандующимъ. Вскорѣ потомъ на основаніи трактата, заключеннаго съ Англіею, посланы были противъ Франціи еще два вспомогательныхъ корпуса, одинъ въ Швейцарію, а другой въ Голландію. Войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова, прославили Россію, въ одно лѣто вытѣснили Французовъ изъ Италіи, перешли Альпійскія горы, выиграли много сраженій, и подошли къ границамъ самой Франціи; другіе два корпуса дѣйствовали неуспѣшно и при первыхъ встрѣ-

чахъ съ непріятелемъ, проиграли сраженіе и потеряли много людей. Государь возъимѣлъ подозрѣніе, что союзники, желая загребать жаръ чужими руками, дурно вспомоществовали общимъ предпріятіямъ. Это сдѣлало совершенный разрывъ, всѣ войска безъ всякихъ предварительныхъ сношеній отозваны были въ Россію. Возвращеніе ихъ было затруднительно, но общее почтеніе къ храбрости и честности Русскихъ отверзало имъ повсюду путь, и недоброжелательные намъ бывшіе союзники доставляли войскамъ продовольствіе.

Небольшое число нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ Французами, должны были быть вымѣнены на плѣнныхъ, находившихся у Австрійцевъ и Англичанъ, но какъ внезапный разрывъ съ союзниками не позволялъ требовать этого обмѣна, то всѣ плѣнные выключены были изъ службы, что возбудило общее негодованіе, и много добрыхъ искръ загасило въ сердцахъ.

Я забылъ упомянуть о главномъ поводѣ объявленія войны. Союзники, не имѣя въ Средиземномъ морѣ достаточныхъ морскихъ силъ, предложили императору Павлу I-му принять подъ покровительство Россіи островъ Мальту, предательски занятый Французами. По совершеніи церемоніи онъ принялъ отъ бродящихъ безъ пристанища кавалеровъ званіе великаго магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, назначилъ въ Мальту гарнизонъ и коменданта и приказалъ внести городъ въ календарь, наравнѣ съ губернскими городами. Англичане въ это время заняли островъ и, продолжая переговоры до прекращенія союза, присоединили его потомъ къ своимъ владѣніямъ.

Франція въ это время была въ затруднительномъ положеніи; лучшія войска ея почти въ плѣну, въ Египтѣ, у Турокъ и Англичанъ; она была въ войнѣ со всею Европою. Первый консулъ Бонапартъ, желая вступить въ союзъ съ Россіею, написалъ письмо къ государю, въ которомъ, называя его неограниченнымъ монархомъ, увѣдомлялъ, что 5000 нашихъ, зная, что они исключены изъ службы, не принимаютъ никакихъ выгодныхъ предложеній Французскаго правительства и остаются вѣрными своему государю, и что Франція готова отпустить ихъ безъ вымѣна, желая тѣмъ показать свое желаніе быть союзницею Россіи. Это письмо было прислано съ маіоромъ, бывшимъ въ плѣну, который разсказывалъ, что наши плѣнные одѣты по новой формѣ, установленной государемъ, что изъ нихъ составлены баталіоны, которыми командуютъ Русскіе офицеры и генералы и обучаютъ ихъ согласно вновь изданному уставу. Государь такъ плѣнился и такъ чувствительно принялъ это извѣстіе, что, говорятъ, плакалъ и болѣе сутокъ не могъ ничего ѣсть; съ этого времени началась дружеская переписка съ Бонапартомъ, и наши плѣнные выступили въ Россію.

На основаніи союза, заключеннаго съ Французами, конфискованы были всѣ Англинскія суда въ нашихъ портахъ; конторы ихъ въ Петербургѣ и другихъ приморскихъ городахъ подвергнуты были осмотру, и сочтены были ихъ капиталы. Думали этими мѣрами получить большія выгоды, но обманулись. Нарушили только довѣріе, которое должно быть свято почитаемо просвѣщенными народами, а дѣло показало, что конторы существовали однимъ кредитомъ, и что нашего капитала въ чужихъ краяхъ бо-

чѣмъ Англичане въ Россіи имѣ- его. Этотъ поступокъ послужилъ ı къ явному разрыву съ Англі- ѣъ слѣдствіе того заключенъ былъ ›нительный сѣверный союзъ съ анами и Шведами, получающи- лѣбъ изъ Россіи. Начались при- ıленія къ защитѣ береговъ Бал- аго моря, построены были бата- маяки, и разстановлены всюду :а; все это стоило большихъ из- экъ казнѣ и изнурило только й.

тобы Англичанамъ причинить гвительное зло, которое бы могло раззорить совершенно, приказано 40 Донскимъ полкамъ со всею ›ю ихъ артиллеріею совершить ительное предпріятіе. Они долж- были отъ Оренбургской линіи, › Киргизскую степь, проникнуть ухарію и Хиву, освободить тамъ :хъ плѣнныхъ, слѣдовать чрезъ : въ Индію и разорить Англій- поселенія. Бонапартъ въ это вре- лженъ былъ послать часть Фран- :ихъ войскъ изъ Египта чрезъ о для соединенія съ Донскими ами. Англичане, послѣ совер- аго пораженія Типо Саиба, имѣ- ло войска въ Индіи; при помощи :ихъ и Французовъ, возстали бы едовольные, и можно было на- ся лишить Англичанъ этой от- і ихъ пустоши, составляющей хъ богатство и силу, и если бы а перенесли вліяніе климата и олѣли трудный путь, то возвра- ь бы съ большимъ богатствомъ. › эти предположенія не осущест- ь по случаю кончины государя. йскій флотъ перешелъ чрезъ ъ, сильно при томъ пострадалъ, ричинилъ большой вредъ Дат- ъ. Донскіе казаки уже были на бургской линіи, пройдя болѣе тысячи верстъ. Въ это время имъ ве- лѣно было идти назадъ, и Англійскій флотъ пошелъ обратно къ своимъ бе- регамъ.

Много я распространился въ опи- саніи происшествій, до меня не касаю- щихся; пора приняться за себя.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины го- сударя назначенъ былъ въ генералъ- провіантмейстеры Свѣчинъ ([28]), кото- раго я совершенно не зналъ, и ко- торый имѣлъ большія непріятности съ Обольяниновымъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи не могло мнѣ быть пріятно. Я ожидалъ до того времени служить подъ начальствомъ человѣка давно мнѣ знакомаго, и приготовилъ для него всѣ свѣдѣнія по провіантской части. Узнавъ о назначеніи Свѣчина, вмѣсто того, котораго ожидалъ, я рѣ- шился не представлять ему мою ра- боту, чтобы мое усердіе о пользѣ служ- бы не показалось желаніемъ подслу- живаться

Я приготовилъ заранѣе всѣ свѣдѣ- нія, которыя провіантская экспедиція должна была представить новому на- чальнику и пересмотрѣлъ все то, что можно было потребовать изъ канце- ляріи генералъ-провіантмейстера. Уз- навъ поутру о назначеніи Свѣчина, я успѣлъ въ тотъ день снова все пере- смотрѣть и повѣрить и со всѣми этими свѣдѣніями и донесеніями, послѣ того полученными, нѣсколько разъ заѣз- жалъ къ завѣдывавшему экспедиціею старшему члену генералу Ханыкову, но не заставалъ его. На другой день, пріѣхавъ къ нему поутру, мнѣ сказа- ли, что онъ еще спитъ. Я отправился въ экспедицію, пересмотрѣлъ вновь полученные рапорты и предписанія

([28]) Николай Сергѣевичъ, мужъ извѣстной от- ступницы отъ православнаго закона, Софьи Пет- ровны Свѣчиной, урожд. Соймоновой. *П. Б.*

военной коллегіи и опять поѣхалъ къ Ханыкову передать ему всѣ бумаги и просилъ представить всѣхъ членовъ экспедиціи и въ томъ числѣ и меня новому начальнику. Ханыковъ, очень недовольный назначеніемъ Свѣчина, не торопился одѣваться, и принудилъ меня съ досадою ему напомнить многія мои услуги, которыя дѣйствительно онъ долженъ былъ считать за одолженіе, и за которыя я требовалъ только того, чтобы избавилъ онъ меня отъ непріятности получить выговоръ или быть дурно принятымъ начальникомъ за то, что по обязанности своей къ нему не явился. Ѣхать же одному безъ бумагъ, которыя надо было ему представить, мнѣ казалось не пристойнымъ. На силу дождавшись окончанія туалета, мы пріѣхали къ Свѣчину, и застали его на крыльцѣ, когда онъ хотѣлъ садиться въ карету. Онъ сказалъ Ханыкову, что, давно его ожидая, онъ уже думалъ ѣхать къ нему, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія прежде представленія государю, потомъ онъ мнѣ поклонился и просилъ извиненія, что принимаетъ меня на крыльцѣ; я принялъ это тогда за учтивый выговоръ, но послѣ узналъ, что это было такъ сказано.

Въ первые дни вступленія своего въ должность, Свѣчинъ обращался съ вопросами къ старшему члену Ханыкову, который ничего не зналъ, кромѣ придворныхъ связей и способовъ наживаться службою, и потому онъ вскорѣ привыкнулъ разсуждать со мною о дѣлахъ, и показалъ мнѣ желаніе со мною сблизиться. Видя, что онъ имѣетъ доброе сердце, и по воспитанію своему получилъ многія полезныя свѣдѣнія, хотя и не дальняго ума, я находилъ, что онъ можетъ быть полезнымъ начальникомъ обширной провіантской части. Узнавъ, что онъ хочетъ устроить главные магазины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены были депо и доказывая ему невозможность этого дѣла, я ему отдалъ всѣ свѣдѣнія, изготовленныя мною прежде, и карту судоходныхъ рѣкъ и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ существовали магазины, и гдѣ необходимо было оные устроить.

Познакомясь съ нимъ короче и часто разсуждая съ нимъ, я видѣлъ, что онъ добръ, но по простотѣ своей не можетъ быть твердъ въ своихъ мнѣніяхъ. Хорошее воспитаніе давало ему вѣсъ въ глазахъ людей неосновательныхъ, и потому я видѣлъ его въ одно время и полезнымъ и ненадежнымъ. До меня дошли слухи, что хотятъ прежняго моего начальника обвинить, чтобы оправдать въ публикѣ сдѣланное ему оскорбленіе. Свѣчинъ мнѣ подтвердилъ эти слухи и сказалъ, что государь спрашивалъ о всѣхъ его подчиненныхъ, и въ томъ числѣ обо мнѣ, и онъ отзывался, что всѣ дѣла экспедиціи производятся мною, и что онъ находитъ мое поведеніе согласнымъ съ обязанностію благороднаго человѣка; и, потому обязанный ему за этотъ отзывъ, и видя, что чрезъ него я могу защитить прежняго моего начальника, я всячески старался быть ему полезнымъ. Я былъ у него ежедневно и изъяснялъ, какимъ образомъ привести дѣло въ должную исправность; въ свободное время я не ѣздилъ въ общество, а сидѣлъ дома и составлялъ для новаго начальника записки.

Въ это время вздумали послать инспекторовъ по провіантской части, и меня назначили освидѣтельствовать Рижское и Кіевское депо. Я готовился уже ѣхать, но въ самой день отъѣзда прислалъ мнѣ Свѣчинъ два секретныхъ предписанія, въ которыхъ, описывая дороговизну хлѣба, огромныя издержки по продовольствію войскъ

губерніяхъ, пресоединенныхъ отъ
ши, свѣдѣнія о неурожаѣ въ томъ
и трудностяхъ перевозки, далѣе
няя, что Польша всегда счита-
землею хлѣбородною и могла про-
ьствовать цѣлыя арміи, онъ по-
ъ мнѣ вникнуть во всѣ подроб-
этого дѣла, обнаружить зло-
ебленія военныхъ и губернскихъ
ьниковъ и провіантскихъ ком-
онеровъ, просилъ меня увѣдом-
его письменно о средствахъ, ко-
могутъ искоренить это зло; за-
илъ тѣмъ, что отъ усердія моего
усства будетъ зависить польза,
ую ожидаютъ и государь и оте-
о.
цобная довѣренность лестна была
честолюбію и открывала мнѣ
жность показать себя и сдѣлаться
вительно полезнымъ; но я въ то-
емя предвидѣлъ опасность гоне-
ъ множества людей, противу кото-
долженъ былъ дѣйствовать. Изъ-
ъ Свѣчину всѣ мои опасенія и
съ него слово, что будетъ защи-
меня отъ нападеній, я рѣшился
пать какъ должно—по совѣсти.
поѣхалъ по берегу Балтійскаго
до самой Прусской границы. Я
лъ тутъ злоупотребленія, не за-
ивающія большаго вниманія, ви-
бѣдность крестьянъ, управляе-
алчными помѣщиками, богатст-
рговли, доставляющей мало поль-
сударству, потому что выгоды
овъ были велики; безполезныя из-
ки казны для защиты береговъ
ожидаемой высадки Англичанъ,
чество войска, несоразмѣрное ни
обходимостію, ни съ возможностію
жать его, которое терпѣло во всемъ
татокъ и размѣщено было до того
, что негдѣ было укрыть людей
цитить ихъ отъ суровости клима-
мѣстѣ съ тѣмъ оно стѣсняло обы-
вателей, распространяло въ недоста-
точной землѣ голодъ и мѣшало имъ
обработывать неблагодарный грунтъ
ихъ земли. Я донесъ о своихъ замѣ-
чаніяхъ начальнику и представилъ
изчисленіе, сколько содержали здѣсь
войскъ при покойной императрицѣ, ког-
да Курляндія и Литва только что были
присоединены къ Россіи, и когда по-
мѣщики этихъ мѣстъ и всей вообще
Польши, имѣя въ совершенномъ пови-
новеніи народъ, волновали его противъ
насъ, не желая изъ аристократическа-
го правленія подчиниться самодержав-
ному. Я доказывалъ, что Россія, во
время раздѣленія Польши, домогаясь
для живаго по рѣкѣ Нѣману урочища,
завладѣть Мемелемъ и готовясь объ-
явить войну Пруссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ
по случаю несостоявшейся свадьбы
короля Шведскаго съ Россійскою вели-
кою княжною, ожидая войны со Шве-
ціею (которая всегда имѣла великое
вліяніе на Лифляндцевъ и Эстляндт-
цевъ) содержала въ томъ краю въ по-
ловину менѣе войска, чѣмъ въ тепе-
решнее спокойное время.

Проѣзжая Литву, надсѣдалося сердце
отъ жалости и досады. Богатая земля
населена людьми, томящимися въ раб-
ствѣ, и глупые паны, водимые жи-
довскими плутнями, управляютъ съ не-
обузданною властію крестьянами дове-
денными до совершенной нищеты. Обы-
чай отдавать имѣніе въ аренду уничто-
жилъ всякое человѣколюбіе и промыш-
ленность. Нѣтъ никакихъ заведеній,
которыя приносили бы пользу и рас-
пространяли изобиліе. Много наѣзжалъ
я такихъ селеній, гдѣ нельзя было
достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ
въ городахъ царствовали безпутная
роскошь и сластолюбивая праздность.
Жиды всему злу корнемъ, и все ис-
правляется чрезъ нихъ. Грабежъ без-
совѣстный и безстрашный. Провіант-

скіе коммиссіонеры, совокупясь интересами съ чиновниками губернскими, бравъ въ часть или обманывая военныхъ, воруютъ безпутно-смѣло. Жиды маклерствуютъ и у всѣхъ въ части. Однимъ словомъ, совершенное распутстнію.

Запрещеніе вывозить изъ Россіи хлѣбъ обратили Прусаки для обогащенія себя; рѣка Нѣманъ, съ Пруссіею граничущая, передавала Россійской хлѣбъ Пруссіи, которая продавала его Англичанамъ, Датчанамъ и Шведамъ до 15 руб. за четверть по курсу на наши деньги. Хлѣбъ въ томъ краю отъ многаго собранія войскъ, отъ непомѣрнаго куренія вина и отъ предательства жидовъ цѣною возвышался, и сіе возвышеніе, облегчая способы къ большимъ грабежамъ казны, было одобряемо всѣми большими нашими боярами, по раздѣленіи Польши имѣнія получившими въ Литвѣ, коимъ чрезъ то доходы возвышались. Деньги, серебряною монетою тамо ходящія, привозимы обозами изъ Москвы и Риги въ Вильну, отколѣ чрезъ жидовъ и многихъ пановъ, задолжавшихъ Мемельскимъ, Данцигскимъ и Кенигсбергскимъ купцамъ, передавались въ Пруссію. Словомъ, видѣлъ я, что Литва остается Прусскою провинціею, отданною Россіи на аренду. Все сіе во всей подробности, основываясь на доказательствахъ, описалъ я моему начальнику.

Изыскивая средства къ уменьшенію расходовъ въ Литвѣ и поставленію хотя нѣсколько преграды выходить Россійской монетѣ въ Пруссію, вздумалъ я испытать, нельзя ли доставлять ей хлѣбъ изъ Малороссіи, дабы деньги, на то употребляемыя изъ казны, разсыпались подалѣе отъ границъ; платежъ же за провозъ входилъ бы мелкими частями въ карманы обывателей того голоднаго края. Давно уже мнѣ извѣстно было о каналѣ, иждивеніемъ польскаго маршала Огинскаго выкопанномъ, который соединяетъ рѣки Шару въ Нѣманъ и Припеть въ Днѣпръ текущія. Съ кѣмъ ни разговаривалъ о семъ въ Литвѣ, кого ни спрашивалъ, никто ничего не знаетъ; а нѣкоторые смѣялись заблужденію моему, говоря, что то вещь не возможная, и сумашедшій Огинской, издержавъ на копаніе канала много денегъ, не пользовался имъ. Хотя отзывы сихъ людей приводили меня нѣсколько въ сомнѣніе, но однакожъ не отвратили отъ намѣренія. Свидѣтельствуя магазины, доѣхалъ я до мѣстечка Слонима, на берегу рѣки Шары находящагося, до коего безпрепятственно плаваютъ отъ Нѣмана, съ довольнымъ грузомъ, суда. Тутъ, взявъ двухъ человѣкъ нижнихъ провіантскихъ служителей, исходатайствуя отъ земскаго исправника обывателямъ приказъ, чтобы давали мнѣ работниковъ, я отправился вверхъ по Шарѣ, чрезъ мѣста дѣйствительно не обитаемыя, а потому никому неизвѣстныя. Въ пять дней совершилъ я путь и удостовѣрился собственнымъ опытомъ о возможности сей коммуникаціи. Изъ Пинска я отправилъ лодку въ Кіевъ, а самъ поѣхалъ въ Брестъ Литовской и послѣ на Волынь. Въ Кіевѣ купленный хлѣбъ со всѣми издержками при доставленіи обошелся менѣе трехъ рублей за четверть, будучи доставленъ въ тѣ мѣста Литвы, гдѣ ниже десяти рублей никогда покупаемъ не былъ. Все сіе также со всею откровенностію донесъ я начальнику съ пріобщеніемъ моего мнѣнія о способахъ къ сбереженію казны. Будучи на Волыни, разстояніемъ отъ Петербурга за 1800 верстъ, получилъ я съ нарочнымъ ордеръ. Начальникъ мой, описывая

ѣпость моего возвращенія, назна-
ь мнѣ срокъ чрезъ двѣнадцать
. Исполняя въ точности предписан-
успѣлъ я заѣхать въ Кіевъ, по-
ѣть рѣдкости сего древняго Рус-
) города, и сдѣлать распоряженіе
купкѣ хлѣба въ Литву, какъ вы-
казалъ, доставленнаго.

стерпя безпокойство продолжи-
ой дороги, явился я къ началь-
точно въ назначенный день. Онъ
ился, встрѣтясь со мною, объяв-
что совсѣмъ не ждалъ меня такъ
; положилъ же срокъ для того,
ı старался я поспѣшить. Приз-
ь, досадно мнѣ было, тѣмъ паче,
узналъ причину, для коей приз-
былъ. Она состояла въ томъ, что
аршаго члена, прежде должность
ьника исправлявшаго, потѣшить
скомъ въ Москву, а меня на вре-
лучки ген. провіантмейстера оста-
управляющимъ экспедиціею. По-
лъ я командиру, сказавъ столько
ды, сколько благопристойность и
южность дозволяла, принужденъ
проглотить пилюлю, уже не въ
е мнѣ чрезъ франта подноси-
Начальникъ мой, хотя увѣрялъ
будто причиною сего со мною
пка есть слѣдствіе довѣренности;
все таки ему твердилъ: когда я
не довѣренности имѣю, за чѣмъ
тъ меня старѣе?

и чрезъ два по пріѣздѣ моемъ въ
бургъ явился я у вице-прези-
въ большой довѣренности у го-
я находящагося. Послѣ ласкова-
іема позвалъ онъ меня въ особую
ату. Тамо, затворя двери, началъ
словіе объявленіемъ, будто го
ь имѣетъ выгодное обо мнѣ мнѣ-
и чтобы для укорененія онаго,
алъ я ему скромность и точное
неніе того, о чемъ просить бу-
детъ. За все благодаря и все обѣщая,
узналъ я, будто государь имѣетъ на-
мѣреніе обуздать прихоти военныхъ
начальниковъ и пресѣчь злоупотреб-
ленія провіантскихъ и губернскихъ
чиновниковъ; а потому желаетъ най-
ти благовидное средство возложить
продовольствіе войскъ на дворянство
и купечество; на семъ основаніи при-
казываетъ мнѣ написать примѣчанія
мои, соображаясь обстоятельствамъ
мнѣ извѣстнымъ.

Возражая на сіе предложеніе, пред-
ставилъ я, что главное число войскъ
содержимыхъ во всегдашней готовно-
сти къ походу, находится и по обстоя-
тельствамъ государственнымъ нахо-
диться должно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ
мало, а индѣ и совсѣмъ нѣтъ ни дво-
рянъ ни купечества. Хлѣбъ же для
продовольствія ихъ доставляется изъ
отдаленности чрезъ продолженіе не
малаго времени; слѣдовательно, возло-
жа сіе на частныхъ людей, не отяго-
тить бы ихъ чрезъ мѣру и не риско-
вать бы иногда невозможностію со-
держать и умножить войско тамъ, гдѣ
оно понадобится. Таковой отзывъ при-
нялъ онъ съ уваженіемъ, и очень уч-
тиво мнѣ поклонясь, сказалъ, чтобы
написалъ я все, что я думаю за по-
лезное, подтверждая притомъ быть
скромну, и что тогда только будетъ мнѣ
благодаренъ, когда сіе останется въ
тайнѣ.

По вновь сдѣланному о непремѣн-
ныхъ квартирахъ росписанію сдѣлавъ
вѣдомости съ показаніемъ числа лю-
дей и лошадей и годовой имъ пропор-
ціи провіанта и фуража, противу
каждой дивизіи написалъ я о обстоя-
тельствахъ помѣстныхъ и способахъ
нынѣ употребляемыхъ, и какіе пола-
гаю я лучшими для общей пользы го-
сударя, войска и обывателей. Гдѣ

можно было слѣдовать изъясненному мнѣ предположенію государя, тамъ я ему старался слѣдовать.

При сочиненіи сей вѣдомости канцелярія экспедиціи не знала причины. Противу каждой дивизіи оставленный бѣлый листъ употребилъ я на примѣчанія, написавъ ихъ своею рукою. Вицепрезидентъ, прослушавъ и просмотря всю вѣдомость, расположеніемъ оной и моимъ мнѣніемъ показался быть доволенъ. Очень учтиво поблагодаря, сказалъ мнѣ, что какъ вѣдомость ему подана, такъ и онъ отдастъ ее государю.

По случаю отбытія государя для коронованія въ Москву, поѣхали туда же всѣ, что называютъ знатными господами, а въ числѣ ихъ и ген. провіантмейстеръ. Я, оставшись старшимъ въ экспедиціи, сдѣлался управляющимъ дѣлами всего департамента и больше затрудняемъ естьли бы былъ онаго начальникъ, потому что не имѣю ни силы ни способовъ, сему званію принадлежащихъ. Будучи обязанъ о всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ доносить генералъ-провіантмейстеру и на многое ожидать его резолюціи, остерегаясь, чтобы приказаніями своими не сдѣлать противорѣчій, могущихъ послѣдовать отъ него, сдѣлался въ необходимости употреблять излишній трудъ и имѣть много попеченія. На сіе слагаясь, отдался я склонности своей сидѣть дома. Утренняго времени довольно, чтобы исправить всѣ дѣла по должности, а вечеромъ, вспоминая прошедшее, продолжаю писать о происшествіяхъ со мною бывшихъ.

Бурливое время, когда бывшій начальникъ мой П. Х. Об... представлялъ перваго чиновника и великаго властелина при государѣ наисамовластнѣйшемъ, сдѣлало меня извѣстнымъ подъ именемъ его ближняго пріятеля, каковымъ ни для пользы своей ни для удовольствія я не былъ. Къ стыду своему былъ работникъ грубаго человѣка, интриговавшаго по состоянію того времени мастерски. Поступки мои, если могутъ быть извинительны, то потому только, что по истинѣ желалъ я способствовать распространенію добра, и сколь можно было уменьшенію зла, не выгадывая ни въ чемъ собственной корысти.

Правленіе теперь отъ прежняго во всемъ отмѣнно. Государь кротокъ, снисходителенъ; уваженіе къ чиновникамъ, знаменитыя должности отправляющимъ, дѣлаетъ ихъ знатными боярами; изъ нихъ большая часть имѣли причины къ неудовольствіямъ на Об.... Грубость обхожденія и кичливая его надменность, а нѣкоторымъ и явное гоненіе, не удивительно, что располагаетъ ихъ къ злобѣ и мщенію.

Въ первые дни сдѣлавшейся перемѣны почти повсемѣстно при всякихъ разговорахъ, встрѣчалось имя Об.... Язвительныя насмѣшки мѣшаемы были съ жалобами; устоять противу ихъ мнѣ было не возможно. Оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ казалось подло. И такъ избралъ я лучшимъ удалиться отъ такихъ обществъ, гдѣ бы на пробу стать могъ, и очень радъ, что будучи посыланъ инспекторомъ, былъ два мѣсяца въ отсутствіи, да и теперь благопристойной имѣю случай рѣдко быть въ компаніяхъ многолюдныхъ.

Нынѣ сильнѣйшій представляется опытъ: нападаютъ на дѣла его по провіантской части. Знаю, сколь желаютъ найти вину достойную наказанія; говорятъ, будто для того, чтобы унизить прощеніемъ, а можетъ быть и раззорить взысканіемъ. Вижу много прорѣхъ, въ которыя коварство удобно заползти и многія ему пакости надѣлать можетъ! Не столько по чувствамъ

ь по разсужденію употребляю всѣ силы защищать его, конопачу ы сплетеніями, на канцелярскомъ дѣ основанными, и боюсь, чтобы му не попасть въ яму, а что ше не втащить бы простодушнаго решняго начальника, не чувству-ыго, что собою его обороняю.

ıковая смѣсь чувствъ и разсуж-й кружитъ мою плѣшивую голову, имѣтно уменьшая волосъ, умно-ъ морщины, округъ глазъ распоющіяся.

э симъ причинамъ знаю, что я не ь людямъ, въ знатности теперь имъ; но думаю, что за то уважа они меня. Добрая о мнѣ слава по-ила меня въ число людей, нуж-ь для службы Начальникъ мой э кажется быть доволенъ, превоз-тъ меня похвалами и слышу, будто ается исходатайствовать мнѣ от-е. Но я онаго не желаю, для того получа награжденіе, станутъ мно-завидуя, злословить, и отнимутъ еня возможность защищеніемъ княго начальника показать по-нство въ превратностяхъ свѣта.

олжность, мною теперь исправляе-дѣйствительно велика и удобна авить совершенное познаніе о со-ніи государства, и многія дать ѣнія о политическихъ его основа-ъ. Когда исполнится желаніе мое ı послану инспекторомъ въ Сибирь, авказъ и въ Крымъ, и когда кончатся дѣла, касающіяся до прежняго на-ника, то все стараніе употреблять избавиться сего мѣста, толико не асмаго ни съ образомъ мыслей мо-ни съ расположеніемъ воровать. Я очу богатства, совсѣмъ не желаю; овательно, можетъ ли быть сносно ой день видѣть воровъ, чувствовать вство, и знать навѣрно, что никакаго нѣтъ способа не только искоренить, ниже умѣрить онаго?

Чувствуя въ себѣ непреодолимую склонность прославиться добрыми дѣлами, готовъ я употреблять на то не только трудъ всего моего времени, но не пощадить и самой жизни. Признаю Божескимъ промысломъ, что всегда обстоятельства поставляли мнѣ препятствія возвышаться прежде, нежели научусь быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлаться долженъ Волненіе страстей, чрезъ мѣру чувствами завладѣющее, укрощается недостатками и притѣсненіями, а гордость, претимая непозволенными ей путями, находитъ себѣ отраду. И такъ томлюсь, стражду и притворяюсь философствовать тогда, когда ни малаго нѣтъ спокойствія въ сердцѣ. Если отнять у меня химерическія воображенія, я совсѣмъ нещастенъ. Мнѣ часто представляется, будто слава ожидаетъ меня на краю совершенной погибели и нещастія, что уничтоженіемъ всего, что въ свѣтѣ благополучіемъ называютъ, возродится она и возгремитъ о мнѣ. Сумасшествіе въ семъ случаѣ до такой степени простирается, что желая достичь сего назначенія судьбы, какъ будто вижу состояніе нищеты и поруганія, и трепещу на него смотря.... Слезы катятся изъ глазъ, прошу милосердія Божія, да ниспошлетъ мнѣ силы къ перенесенію тяжести нещастія, къ показанію собою добраго примѣра, могущаго распространить добрыя въ людскихъ сердцахъ склонности и къ прославленію меня на пользу потомковъ, мнѣ одноимянныхъ. При таковыхъ чувствахъ овладѣваетъ мною сильное желаніе имѣть дѣтей, но какъ вспомню, что для сего надобно имѣть жену, къ которой, судя по чувствамъ, сдѣлаюсь столько привязанъ, что перемѣнитъ она все мое расположеніе и сдѣлаетъ обыкновеннымъ въ свѣтѣ

человѣкомъ, карману угождающимъ, то какъ паръ исчезнетъ желаніе. Пусть братнины дѣти пользуются моими заслугами. ..

По возвращеніи генералъ провіантмейстера изъ Москвы, обстоятельства мои во многомъ перемѣнились.

Во время отсутствія его, изъ полученныхъ отъ коммиссій провіантскихъ и депо за минувшій 1800 г. отчетовъ, сочиня въ экспедиціи генеральный отчетъ, сдѣлавъ о томъ опредѣленіе, отнесся я къ нему съ прошеніемъ дозволенія представить оный въ военную коллегію. Вѣроятно, что не оставилъ я въ молчаніи всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли оправдывать расходъ въ минувшемъ году, въ превосходствѣ противу отпущенной на то суммы сдѣланный Симъ отчетомъ и рѣшеніемъ многихъ уже дѣлъ, кажется мнѣ, должны кончиться всѣ подъиски къ прежнему командиру моему. Но генералъ-провіантмейстеръ не сдѣлался тѣмъ доволенъ. Не отвѣтствуя на отношеніе; ему отъ экспедиціи сдѣланное, партикулярнымъ письмомъ увѣдомилъ меня, будто находитъ многое несогласнымъ съ тѣми записками, кои прежде для свѣдѣнія ему я далъ, а потому хочетъ прежде подачи въ коллегію разсмотрѣть сочиненный въ экспедиціи отчетъ обще со мною.

По просьбѣ его сочинилъ я новый штатъ провіантскаго департамента, гдѣ, примѣняясь настоящимъ обстоятельствамъ и раздѣленію вмѣсто прежнихъ семи на восемь депо или частей съ описаніемъ должности каждаго чиновника, въ Москву къ нему доставилъ съ требованіемъ незамедлительнаго отвѣта, дабы по новому росписанію можно было сочинить требовательную на будущій годъ вѣдомость; но онъ не отвѣтствовалъ мнѣ на то ни словомъ.

Во время отлучки моей для свидѣтельства Рижскаго и Кіевскаго депо, сдѣлано было опредѣленіе въ экспедиціи и предписано всѣмъ коммиссіямъ, чтобы для покупки посылаемымъ коммисіонерамъ довѣрять число денегъ соразмѣрно собственному ихъ имѣнію. Въ небытность уже начальника получены рапорты, что богатыхъ коммиссіонеровъ нѣтъ, и потому довѣренность дѣлать не кому. А дабы не остановить производство заготовленій, испрашивали отъ экспедиціи приказанія. Число ежегоднаго расхода, до пятнадцати милліоновъ рублей простирающееся, само собою показываетъ невозможность исполнить таковое постановленіе. Боясь дѣлать оскорбленіе начальнику, не подумавши оное сдѣлавшему, оставилъ я до возвращенія его. Изъясненія мои, что въ подлой коммиссіонерской должности нельзя полагать человѣка, собственнаго капитала на полмилліона рублей имѣющаго, довольно убѣдительными ему сдѣлались; въ слѣдствіе чего и подписалъ онъ со мною новое опредѣленіе: что когда богатыхъ нѣтъ, то довѣряли бы коммисіи испытаннымъ въ вѣрности ихъ вѣдомства коммиссіонерамъ. Съ самыхъ первыхъ дней по возвращеніи начальника примѣтилъ уже я, что завистливо онъ на меня смотритъ. Будучи въ присутствіи, при многихъ, началъ, будто совѣтуясь со мною, сказывать, какой намѣренъ онъ сдѣлать провіантскому департаменту штатъ, и представить на утвержденіе государю чрезъ военную коллегію. Я, одобряя его мнѣніе, признаюсь, не стерпѣлъ, далъ ему примѣтить, что говоритъ онъ то, что̀ я написалъ, по его просьбѣ. Послѣ сего, приласкавшись, сказывая намѣреніе государя учредить запасы, сообразно нынѣшнему расположенію войскъ и надобностей государствен-

, кое что для сихъ обстоятельствъ
ное мнѣ открывъ, просилъ напи-
› томъ мое мнѣніе. На другой
ь сіе исполня, ему представилъ;
о благодарности съ довольною
нностію онъ мнѣ сказалъ, что
очно такъ думалъ. Всякой день
сь, явственно я вижу, что кто ни-
заряжаетъ его. Начало свиданія
ı открываетъ мнѣ непріятность,
зъ часъ мы согласимся и разста-
друзьями. Наконецъ сталъ я тре-
› окончанія остановившимся дѣ-
Нѣсколько дней сряду объяв-
онъ новое сумнѣніе о отчетѣ и
ı оставался со стыдомъ. Чрезъ
едѣли съ великой лѣнью подпи-
его для представленія въ воен-
оллегію.
ıалъ онъ размѣщеніе чиновни-
провіантскаго департамента со-
нно прихотливѣйшимъ образомъ
добрыхъ качествъ и безъ знанія.
дѣленныя начальниками ком-
й вѣроятно надѣлаютъ много
тъ, а можетъ быть и бѣдъ. При-
зующаго въ экспедиціи гене-
маіора графа Т—ова помѣстилъ
управляющимъ С. Петербург-
дѣпо. Сей человѣкъ, довольно не-
но въ публикѣ примѣченный,
нѣ разговаривая съ нимъ, утверж-
будто глупо не пользоваться вре-
ъ возможности обогатиться. А
диръ ему разсказывалъ, что ба-
ı жены его ей, а она ему тол-
, что прежніе генералъ-провіант-
ры покрайней мѣрѣ сто тысячъ
й въ годъ воровали, и что ду-
онъ будетъ, когда пропуститъ
лучай. Я, войдя въ разговоръ,
имъ противорѣчить, но гр. Т. мнѣ
ъ: „вотъ ты чистъ, а знаешь ли
ро тебя говорятъ: вѣдь-де онъ не
ъ, онъ знаетъ какъ поступить".
о такое мнѣ омерзѣніе сдѣлало,

и такой страхъ въ сердцѣ поселило, что я затѣялъ, во что бы ни стало, оставить сіе поганое мѣсто, кромѣ непріятности ничего мнѣ не принесшее, и чрезъ которое могу я потемнить доброе имя, о которомъ такъ прилежно хлопочу.

Генералъ-провіантмейстеръ во время отлучки моей взялъ изъ казны 10,000 рублей, въ замѣнъ коихъ положилъ вексель. Зналъ я, что стыдился онъ меня. При отъѣздѣ его въ Москву предложилъ экспедиціи отпустить съ нимъ 50,000 рублей на случай надобности для снабденія коммиссіонеровъ, проходящіе гвардейскіе полки довольствующихъ. Отпуская сіи деньги, въ счетъ оныхъ я отпустилъ его вексель. Изъ нихъ употребилъ онъ 22,000 рублей, а за тѣмъ 28,000 руб. остаются въ рукахъ его. И вотъ уже три недѣли какъ онъ молчитъ, а мнѣ напомнить ему не пристойно и опасно, зная силу его у государя!

На сихъ дняхъ разговаривая съ нимъ, сколь самое существо провіантскихъ дѣлъ подло и несносно человѣку, интересоваться не желающему, и изъясняя, сколь обидно мнѣ слышать сомнѣніе о себѣ, просилъ я исходатайствовать мнѣ отставку, и если можно съ половиннымъ жалованьемъ. Онъ много мнѣ лестнаго глупымъ образомъ наговорилъ: что трудно ему меня лишиться, кто жъ будетъ управлять дѣлами экспедиціи, что пятеро меня не замѣнятъ. Словомъ, все мнѣ показываетъ рабственность моего состоянія, — но что дѣлать? Должно покоряться своей участи.

Чрезъ нѣсколько дней собрался онъ изъ сочиненнаго отчета краткую вѣдомость представить государю. Много разъ совѣтуясь со мною, согласился подать точную копію съ доставленной къ нему отъ экспедиціи, гдѣ на

одномъ листѣ ясно видны всѣ приходы и расходы, и количество провіанта и фуража, къ нынѣ текущему году оставшагося, и какой суммы денегъ оный стоитъ. Слѣдовательно, присовокупляя къ тому число наличныхъ и отъ казенныхъ палатъ недосланныхъ денегъ, открывается, что распоряженія предмѣстника были не худы, и департаментъ, въ началѣ сего года имъ принятый въ управленіе, достался ему въ порядкѣ.

Такимъ образомъ исполняя всю свою обязанность, введя новаго начальника въ познаніе всего, что̀ для пользы службы понять онъ могъ, конча весь отчетъ за дѣла прежняго начальника, доказавъ, что порядокъ при немъ заведенный перемѣнять не нужно, почелъ я за необходимое предупредить предстоящія хлопоты отъ разстройства, неминуемо быть долженствующаго, котораго отвратить я не въ состояніи. И потому въ тотъ часъ, какъ подписалъ онъ отчетъ и готовился ѣхать съ онымъ къ государю, подалъ я ему просьбу о отставкѣ. Прочитавъ и повторя прежнія слова, но тономъ гораздо прежняго умѣреннѣе, онъ отправился во дворецъ, а я домой.

На другой день по утру пріѣхалъ я къ нему, долго стоялъ въ кабинетѣ, смотря, какъ утопаетъ онъ въ мелочныхъ счетахъ и на аспидной доскѣ пишетъ цыфры, выводя число домашнихъ его издержекъ, послѣ коихъ распечатывалъ онъ пакеты, читалъ рапорты въ нихъ къ нему завернутые, и приказывалъ своему секретарю писать его резолюціи. Наконецъ отправя всѣхъ, оставшись одинъ со мною, объявилъ, что докладывалъ государю о моей просьбѣ, разсказывалъ многія подробности бывшихъ съ нимъ разговоровъ. Между прочимъ государь ему говорилъ, что много значилъ я во время случая СПб. и потому нельзя полагать, чтобы разстроенныя обстоятельства заставили меня идти въ отставку. Коли хочетъ, то дастъ мнѣ пансіонъ, но если я ему нуженъ, то сказалъ бы мнѣ, чтобы остался въ службѣ.

Разумѣется, что сіи вѣсти несносно мнѣ тяжелы были. Боясь помѣшать удивительной откровенности его, старался я скрывать чувствуемое мною. Наконецъ, поблагодаря за добрые его обо мнѣ отзывы, просилъ дозволенія поѣхать домой, потому что нахожу себя не въ состояніи упражняться въ дѣлахъ.

Въ жару чувствъ написалъ я къ нему письмо, гдѣ, повторяя прежде поданную объ отставкѣ прозьбу, изъяснялъ, что чувствую себя по совѣсти правымъ; желаю, чтобы приказано было испытать все мое поведеніе, не только во время продолженія службы, но и во время всей моей жизни и если найдется, что какимъ бы-то образомъ ни было я корыстовался или во зло употреблялъ довѣренность званію моему присвоенную и пріязни людей значившихъ по дѣламъ, то хочу себѣ примѣрнаго наказанія. Затѣмъ, прося доложить о семъ государю, сказалъ, что, терпя отъ недостатковъ нужду, отягощая неминуемыми издержками свое семейство, бывъ много разъ въ возможности перемѣнить бѣдность на избыточество, думалъ я сими жертвами быть извѣстну въ числѣ безкорыстныхъ и государю вѣрныхъ людей, но когда не успѣлъ въ томъ, ничего кромѣ отставки не желаю.

На другой послѣ сего день получилъ я отъ начальника письмо, гдѣ въ пышномъ, нескладномъ штилѣ изъясняетъ желаніе отвратить меня отъ моего намѣренія. Посланный мой отвѣтъ былъ подобенъ прежнимъ прозьбамъ.

Всѣ сіи письма служатъ доказательствомъ здѣсь писанному.

За симъ на другой день возвращается изъ отпуска вице-президентъ военной коллегіи Ламбъ. Лишь услышалъ отъ кого то, что прошусь я въ отставку, прислалъ ко мнѣ (больнымъ уже двѣ недѣли рапортующимся) сказать, что желаетъ повидаться со мною прежде нежели поѣдетъ онъ къ государю. Будучи принужденъ одѣться, поѣхалъ я къ нему. Чиновникъ, отъ него ко мнѣ присыланной, мнѣ объявилъ, что хочетъ онъ непремѣнно удержать меня въ службѣ.

Началъ онъ разговоръ требованіемъ сказать точную причину, для коей хочу оставить службу. Со всею откровенностію отвѣтствовалъ я, что, терпя во всемъ недостатокъ, отягощая свое семейство присылкою мнѣ денегъ больше нежели состояніе наше дозволяетъ, накопилъ я на себя долговъ столько, что превосходятъ они цѣну имѣнія, мнѣ принадлежащаго. И такъ хочу служить своему семейству и тѣ деньги, кои здѣсь проживаю, обратить на уплату долговъ, нажитыхъ во время службы. Онъ, возражая, что это не причина, что я изъ числа такихъ людей, кои на щедрость государя надѣяться могутъ, требовалъ, чтобы остался я служить, говоря при томъ, будто я нуженъ вспомоществовать начальнику моему совѣтами. Отвѣчалъ, что нужды я въ себѣ не вижу, что совѣты не всегда спрашиваются и не всегда хорошо пріемлются, и что на моемъ мѣстѣ всякой быть можетъ, и тоже что я дѣлать можетъ. Онъ горячась доказывалъ мнѣ, что я дѣйствительно нуженъ для пользы государя и отечества; а я спорилъ, что нужнѣе того я для себя и для своей семьи увѣряя, что ни для чего не останусь въ провіантскомъ штатѣ, гдѣ потерялъ и добрую о себѣ славу, за которою такъ прилежно во всю мою жизнь гонялся. А онъ кричалъ, будто слава о мнѣ идетъ хорошая. – Разстались мы съ тѣмъ, что онъ будетъ препятствовать увольненію меня, и если не будетъ въ состояніи оставить въ службѣ, такъ какъ онъ располагаетъ, то будетъ способствовать, чтобы данъ мнѣ былъ пансіонъ, и тогда самъ онъ тоже предпріиметъ. Словомъ, чѣмъ-то все это дурачество кончится, а идетъ для честолюбія моего полезно, но для прямой пользы вредно! Слышу очень выгодные о мнѣ отзывы, авось перемѣнятъ ложное о мнѣ мнѣніе, авось за все мое терпѣніе дадутъ мнѣ доброе имя безкорыстнаго, и выведутъ изъ поганой провіантской службы, ворами преисполненной.

Цѣлый мѣсяцъ и пять дней оставался я неизвѣстнымъ о своей участи; сказавшись больнымъ, не выходилъ изъ своей квартиры, объявляя всѣмъ меня навѣщавшимъ, что лучше въ тюрьмѣ сидѣть буду, нежели въ провіантской экспедиціи. Въ продолженіе сего времени чрезъ генералъ-адъютанта приказано было меня спросить, хочу ли я быть въ отставкѣ и тогда, если мнѣ государь пансіона не пожалуетъ. Я отвѣтствовалъ,—что всячески прошу отставки.

Изъ сочиненнаго за минувшій годъ отчета вѣдомость и копію съ опредѣленія (гдѣ прописывались причины издержекъ, превзошедшихъ сумму на расходъ отпущенную) послалъ я при письмѣ къ прежнему начальнику моему Обольянинову. Онъ по несмысленности ли, по трусости ли, только сдѣлалъ было мнѣ большую пакость, препроводя вѣдомость при письмѣ къ вицепрезиденту Ламбу, изъясняя, что какъ уже онъ теперь во всемъ сочтенъ, то проситъ дать ему о томъ свидѣтель-

ство. Сей, будучи ему недоброхотенъ, показалъ государю и далъ толкъ для меня и для него невыгодный. Начались о томъ разсужденія, въ слѣдствіе коихъ спрошенъ я былъ, для чего поступилъ столь откровенно въ дѣлахъ до должности относящихся, съ человѣкомъ въ службѣ не находящимся. Я отвѣтствовалъ, что сдѣлалъ то изъ осторожности, дабы г-нъ Обольяниновъ, получавшій повелѣнія покойнаго государя, и въ слѣдствіе оныхъ распоряженія дѣлавшій, могъ заблаговременно объясниться съ генералъ-провіантмейстеромъ, если бы нашелъ, что обстоятельства прошедшаго времени, мною изъясняемыя, темно или превратно показаны. А потому считалъ я себя обязаннымъ снестись съ нимъ о томъ. Когда же бы онъ случился въ Петербургѣ, то призвалъ бы я его въ экспедицію, и показавъ всѣ документы, потребовалъ бы его мнѣнія, дабы оградить себя отъ укоризнъ и жалобъ, могущихъ быть отъ него приносимыми на отчетъ, дѣлаемый за время его начальства.

Господа чиновники, думавшіе проглотить меня, сдѣлались симъ отвѣтомъ убѣжденными. Началось толкованіе, что поступилъ я смѣло, но дѣльно. Генералъ-провіантмейстеръ прислалъ своего правителя канцеляріи спросить меня, за чѣмъ же я не спросился его о томъ, чтобы снестись съ Обольяниновымъ. Я отвѣтствовалъ, что спрашиваться времени не было, да и не нужно; потому что, оставаясь старшимъ въ экспедиціи, когда признано уже, что имѣлъ я право приступать къ сочиненію отчета и опредѣленія о томъ: то какъ же можно ограничивать меня въ правѣ сноситься съ кѣмъ нужно по дѣламъ? И сей удовольствовался симъ отвѣтомъ. Слышу, начались толкованія, что я поступилъ излишне смѣло, но благородно, а Обольяниновъ дурно и Богъ знаетъ какъ понесли его вездѣ бранить. А до того располагались отдать меня подъ военный судъ, какъ человѣка, секреты государственные продающаго.

Отставленъ я 9-го Декабря 1801 года съ половиннымъ жалованьемъ. Остаюсь въ Петербургѣ дожидаться пріѣзда зятя моего.

Примѣчаніе. Во всей полнотѣ чувствуя Божескій о себѣ Промыслъ, долженствую, давая свѣдѣніе о жизни моей, объявить первую причину, послужившую основаніемъ спасенія моего отъ злѣйшаго въ мірѣ порока — корыстолюбія.

Наставленіе моего родителя ([32]), въ послѣднія минуты говоренное, разумѣется сильно поразило мое ребяческое сердце; ибо въ тѣ страшные часы, лишась всякой человѣческой помощи, присягалъ я оное исполнить. Но сіе исчезло изъ памяти, какъ вещь, долго въ употребленіи не бывшая.

Чрезъ 13 лѣтъ, будучи 27 лѣтъ отъ роду, былъ я опредѣленъ совѣтникомъ Уфимскаго губернскаго правленія въ совершенной довѣренности горделиваго и многомощнаго генералъ-губернатора Игельстрома, при губернаторѣ глупомъ и ничего не разумѣющемъ. И сдѣлался я властелиномъ сего главнаго мѣста, всею губерніею управляющаго. Въ губерніи много находится богатыхъ людей, желѣзные и мѣдные заводы имѣющихъ. Въ тогдашнее время они много зависѣли отъ власти полицейской и имѣли въ благорасположеніи управляющихъ нужду, ибо много дѣлывали злоупотребленій.

Заводы богатѣйшихъ Лугининыхъ управляемы были г. Ахматовымъ, весьма умнымъ и богатымъ человѣкомъ.

([32]) См. выше стр. 6

вечерней бесѣдѣ разсказывали ıто Ахматовъ пріѣхалъ въ вечеру везъ много подарковъ я между мъ мнѣ собольи мѣха на шубу. ность къ щегольству давно рожда- воображеніи моемъ желаніе о хо- ı шубѣ, которую купить не на- ся я въ состоніи. Сія вѣсть тѣ- моя чувства; уже размышлялъ я роѣ шубы и веселился, воображая въ ней на катаньи съ моею лю- й. По истинѣ увѣряю, что въ мысль не входило о моемъ почтенномъ елѣ.

за нѣсколько часовъ до свѣта раз- о меня сновидѣніе. Я вижу ро- ı моего въ томъ одѣяніи, въ ко- идѣлъ его въ послѣднюю минуту, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ я ъ. Я всталъ предъ нимъ. Онъ, про- въ довольномъ отъ меня разстоя- резъ комнату, погрозилъ мнѣ паль- сказавъ: „не забывай, что я тебѣ ізывалъ“.

оснувшись, чувствовалъ я, что всѣ ı мои трепетали. Не могъ я болѣе ть. Въ началѣ дня объявляютъ мнѣ іѣздѣ г. Ахматова. Онъ тотчасъ тъ, неся въ платкѣ завязанный ій мѣхъ, торчащій изъ угловъ а. Съ торопливостью спросилъ я: то? Онъ отвѣтствуетъ, что домаш- го произведеніе, что онъ въ Си- торгуетъ въ большомъ количест- юкупаетъ шкуры и у себя соби- › мѣха, и мнѣ желаетъ услужить. осилъ избавить меня отъ подар- что буду я исполнять все возмож- Онъ, огорчася, говоритъ, что въ ой бездѣлицѣ никто ему не отка- іъ. Тутъ начались скорые разго- . Онъ хотѣлъ развязать платокъ, ı показать мнѣ искусство собирать но я, взявъ изъ его рукъ, велѣлъ ети въ другую комнату и, прося садиться, объявилъ, что прошу у извиненія, имѣя важныя причины ать ему въ принятіи.

сего времени, благодьря Бога, не я въ подобномъ сему смятеніи, и терпя много нищенскаго недостатка, не пополэнулся на корысть.

IV. Служба въ Крыму.

Долго я замѣшкался писать о произшествіяхъ со мною. Начиная при досугѣ въ 1807 году, когда совсѣмъ перемѣнились мои обстоятельства, долженъ вспоминать минувшее.

Получа отставку безъ мундира съ половиннымъ жалованьемъ, дожидавъ въ Петербургѣ зятя моего, должно мнѣ было прожить нѣсколько мѣсяцевъ. Домашнія мои дѣла были тогда весьма трудны. Я былъ долженъ слишкомъ 16/т. рублей, а имѣнія — 50 душъ, которое нераздѣльно съ матушкой и замужнею сестрою, и которое по состоянію своему не можетъ быть раздѣляемо. Выдумывая средства, какъ бы выпутаться и подъ старость имѣть покой, рѣшился было я пойдти въ прикащики къ купцу Злобину. Онъ предлагалъ мнѣ, за управленіе въ теченіи четырехъ лѣтъ дѣлами его въ Астрахани, перевести на себя всѣ мои долги, и въ это время доставить мнѣ порядочное содержаніе.

Чтобы подлость званія купеческаго прикащика сколь можно украсить видами государственнаго человѣка, преклонялъ я его на предпріятіе отважное: начать торгъ съ Индіею, изъ Астрахани въ Астрабадъ, отколѣ ходятъ караваны въ Дели. Я полагалъ возможнымъ достать образцы вещей желѣзныхъ и мѣдныхъ, дѣлаемыхъ въ Англіи для Индѣйцовъ изъ нашихъ матеріаловъ, ихъ сдѣлать на Оренбургскихъ заводахъ, Англичанину Кнауфу доставшихся отъ Лугинина, куда отправляться готовился Англичанинъ Гатенбергъ, доказавшій уже искусство преобращать изъ желѣза скованныя вещи въ сталь.

Богатой мужикъ прежде большое одолженіе мнѣ сдѣлавшій, будучи чванъ, показалъ желаніе отличиться новымъ предпріятіемъ. Но тутъ надобно было съ нимъ много толковать, чтобы до понятія его дошла весьма сумнительная возможность исполнить сіе дѣло съ пользою. Однакоже онъ рѣшился и назначалъ капиталъ въ мою диспозицію. Разговоры его о семъ съ знатными господами и хвастливость, что будетъ меня имѣть прикащикомъ обратили на меня вниманіе. Съ разныхъ сторонъ доходили ко мнѣ извѣстія, что государь желаетъ знать причину, для чего оставилъ я службу. Въ совѣтѣ было разговариваемо обо мнѣ, и министры между собою разсуждали, что полезно бы было опредѣлить меня губернаторомъ. Генералъ-прокуроръ Беклешовъ предлагалъ о томъ въ сенатѣ, и заготовленъ былъ докладъ о помѣщеніи на вакансію въ Оренбургскую губернію. Услыша сіе отъ герольдмейстера, я просилъ его объявить генералъ-прокурору, что не пріиму службы, и такъ избавилъ бы себя отъ труда докладывать дважды по напрасну.

Чтобы избавиться отъ жалованной мнѣ земли, которая ничего не стоила, подалъ я государю просьбу, прося взять ее обратно, потому что селить мнѣ некого, и въ замѣну ее испрашивалъ милости — пожаловать, сколько угодно, денегъ, дабы я могъ хотя нѣсколько расплатиться съ долгами, въ Петербургѣ нажитыми, коихъ показалъ по чистой правдѣ 5600 рублей.

Препоручено сіе было генералъ-прокурору Беклешову, и по докладу его дано мнѣ 10/т. руб. И такъ я, сдѣлавшись весьма доволенъ, отсталъ отъ обязательства быть прикащикомъ у купца, и отправился въ Мартѣ мѣсяцѣ домой.

Пріѣхавъ въ Москву, застала меня распутица; тутъ, проживъ мѣсяцъ, часто видался я съ прежнимъ моимъ начальникомъ Обольяниновымъ; чрезмѣрная его ласковость и дружество ясно мнѣ показывали, что ему совѣстно передо мною. Тутъ же я видѣлся съ возвращавшимся въ Петербургъ Гав. Ром. Державинымъ ([34]), всегда мнѣ много доброжелавшимъ. Онъ хотѣлъ знать, какой бы родъ службы избрать я хотѣлъ. Охота путешествовать заставила меня предложить о желаніи быть послану по мѣстамъ мало извѣстнымъ и могущимъ быть для государства полезнѣйшими, нежели онѣ есть,—и именно начиная отъ Царицына чрезъ Астрахань и Кавказъ въ Тифлисъ, оттолѣ, возвращаясь изъ Георгіевска, проѣхать по всей линіи въ Азовъ и чрезъ Харьковъ, Кременчугъ и Херсонъ въ Крымъ. Я желалъ имѣть право требовать свѣдѣнія, которыя бы нужны были для соображенія по части хозяйственной, военной и до внутренняго управленія касающейся. Онъ требовалъ отъ меня записки, которую я вручилъ ему, и которую онъ представилъ государю, и меня о томъ увѣдомилъ.

Пріѣхавъ домой, почувствовалъ я, что чрезъ продолженіе времени укоренившіяся привычки сдѣлали меня не способнымъ быть счастливымъ и и въ томъ краѣ, среди того общества и въ томъ состояніи, въ которомъ я находился: Я предположилъ пробыть одинъ годъ въ своей семьѣ, отправиться заводить себѣ гнѣздо въ Кіевѣ, гдѣ хотѣлъ предаваться ученію и писанію; а до того времени, которое назначилъ

([34]) Онъ возвращался изъ Калуги, куда ѣздилъ производить слѣдствіе надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Это было во второй половинѣ 1802 г. См. Записки Державина, стр. 445 и далѣе. *П. Б*

чертою старости, кромѣ горницы
і нигдѣ и ни въ чемъ не упражнять-
дѣлавшись не въ силахъ, хотѣлъ
итывать сына брата моего и по-
ь съ нимъ въ Лейпцигъ или Дрез-
.
гобы очистить соки и поправить
алившееся тѣло, а также, чтобы
ести время, дѣлавшееся мнѣ скуч-
ь, отправился я въ Сарпу. Про-
я недостаточному человѣку при-
ымъ образомъ, ѣхалъ я въ умѣ-
омъ экипажѣ, то на наемныхъ,
почтовыхъ лошадяхъ, степями,
раскольничьи скиты и потомъ
ніи Нѣмецкія; разность видѣлъ
йную примѣчанія.
эедъ отъѣздомъ въ Сарпу, я полу-
отъ Гавр. Ром. Державина пись-
дѣ, шутя надъ намѣреніемъ мо-
жить философскимъ образомъ,
іагалъ, не лучше ли идти въ служ-
быть полезнымъ въ государствѣ
омъ. Въ такомъ случаѣ написалъ
къ нему письмо, которое бы онъ
показать. Я отвѣтствовалъ, что,
чи доволенъ состояніемъ моимъ,
ба мнѣ не надобна; но если бы
я меня надобнымъ службѣ, то я
ъ быть вездѣ. При чемъ изъ-
лъ, что губернаторомъ быть не
, потому что не богатъ, жалованья
неприличное содержаніе уни-
ь начальника и дѣлаетъ ему раз-
неудобства при исполненіи его
юсти.
ебываніе въ Сарпѣ были пробою,
кой степени можетъ простирать-
тѣренность моя. Я жилъ у колод-
маленькой комнатѣ, а другую
о жъ занимали мои люди, лечить-
мною поѣхавшіе. Передняя моя
обширнѣйшая степь. Горница,
тонкихъ брусковъ сдѣланная, и
дверь въ степь отворялась, худо
щала меня отъ суровости возду-
ха. Дожди, тогда часто бывшіе, не все
катились по крышѣ: многія капли яв-
лялись то на плѣшивую мою голову,
то на разныя утвари, въ пятиаршинной
комнатѣ разложенныя. Любопытство
манило часто въ колонію; чрезъ день,
когда не садился я въ теплую ванну,
ходилъ туда пѣшкомъ чрезъ простран-
ство семи верстъ и нѣсколькихъ са-
жень. Жить въ Сарептскомъ выгод-
номъ трактирѣ я не могъ, потому что
надобно бы было нанимать лошадей
ѣздить къ колодцу, а у меня денегъ по
ясному изчисленію, самымъ событіемъ
доказанному, оставалось для экстра-
ординарныхъ расходовъ только семь
рублей. Проживъ у колодца Сарепт-
каго все время по предварительному
назначенію, то есть до 1-го ч. Октяб-
ря, поѣхалъ чрезъ Саратовъ въ Сим-
бирскую губернію къ родственнику и
другу моему Николаю Александрови-
чу Чиркову. Онъ много мнѣ пѣнялъ,
для чего не написалъ ему, чтобы при-
слалъ мнѣ денегъ. Но я не хотѣлъ,
и впередъ полагаю такъ себя учре-
дить, чтобы жить 900-ми руб. пансіона.

Будучи у Чиркова, вижу я въ га-
зетахъ, что будто бы, согласно жела-
нію моему, опредѣленъ я главнымъ
надзирателемъ Крымскихъ соляныхъ
озеръ чего, конечно желать не могъ.

Надобно знать, что въ теченіи того
времени, какъ находился я въ Сарепт-
тѣ, сдѣлалась великая перемѣна: въ
правленіи государственномъ установ-
лены министерства; Гаврила Романо-
вичь Державинъ, участвовавшій въ
основаніяхъ сего новаго порядка, наз-
наченъ былъ министромъ юстиціи ([35])
и сдѣлался въ большой довѣренности и
силѣ. Будучи сенаторомъ, спорилъ онъ
съ сенатомъ, утверждая, что для поль-

([35]) 8 Септ. 1802 года. *П. Б.*

зы государственной и блага народнаго надлежитъ Крымскую соль не отдавать на откупъ, и сію часть, елико можно, принаровить на пользу промышленности народной. Откупщиками наущаемые бояре съ нимъ не соглашались. Онъ довелъ сіе до свѣдѣнія государя и удостовѣря о истинѣ своего понятія укрѣпился его согласіемъ. Все сіе зная прежде, могъ я понимать причину моего опредѣленія къ должности.

Пріѣхавъ домой, нашелъ я большую кучу бумагъ, бывшихъ съ эстафетою посыланными въ Сарепту, и по отъѣздѣ моемъ оттолѣ возвращенными въ Петербургъ и потомъ съ нарочнымъ ко мнѣ въ деревню присланными, гдѣ присоединено еще партикулярное отъ Державина письмо, коимъ дружески онъ мнѣ совѣтуетъ и проситъ не отказаться исполнить препорученное дѣло и скорѣе ѣхать въ Крымъ. На проѣздъ и заведеніе пожаловано мнѣ отъ государя три тысячи рублей (отправлены въ Перекопъ), на счетъ коихъ взялъ Гаврило Романовичъ письмо отъ Злобина къ его прикащикамъ, чтобы давали мнѣ сколько потребую. Взявъ 600 руб. на счетъ доходовъ домашнихъ, поѣхалъ я къ должности.

По примѣрному штату, еще не конфирмованному и для начальнаго только вступленія для руководства данному, назначено мое мѣсто 4-го или 5-го класса. По проэкту, со штатомъ совокупленному, назначенъ мнѣ въ помощь коллежскій совѣтникъ Сафоновъ, которому въ томъ же указѣ, гдѣ дано мнѣ 3000 руб., дано 6000 руб. Съ нимъ вмѣстѣ долженъ я по разсмотрѣніи обстоятельствъ составить штатъ, сочинить правила и представить на утвержденіе. Сіе дѣло, по учрежденію министерства вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ принадлежащее, поручено до времени его устроенія министру юстиціи. Я опредѣленъ въ должность меня унижающую, не хотя служить въ военномъ штатѣ генералъ-маіоромъ. Публиковано, что согласился принять совѣтничью должность на жалованье 1875 руб. и при такомъ дѣлѣ, гдѣ все прежде меня бывшіе много воровали. Что это значило въ глазахъ публики? Не сущій ли подкопъ подъ добрую мою славу, для которой переносилъ я всегда все, что переносить человѣчество можетъ?

Продолженіе пути изъ Оренбургской губерніи въ Крымъ употреблено было на размышленіе и соображеніе всего, что есть и быть можетъ. Одному въ кибиткѣ лежащему ничто не мѣшало предаваться неудовольствіямъ, досадѣ и всему отъ нихъ пораждающемуся.

Безпокойства физическія и моральныя сдѣлали, что я занемогъ и пріѣхалъ въ Перекопъ 18 Декабря 1802 года больной. Не заставъ своего помощника (онъ поѣхалъ осматривать внутри Крыма соленыя озера), я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ дерзкомъ и глупомъ штилѣ совѣтуетъ мнѣ быть согласнымъ съ представленіемъ, отъ него уже посланнымъ. Разсматривая его бумаги, нахожу, что, получа отъ Державина письмо, увѣдомляющее, что посыланный ко мнѣ въ Сарепту эстафетъ возвращенъ ему обратно, что по неизвѣстности, гдѣ я нахожусь, скоро ли получа вторично посланныя бумаги, могу пріѣхать въ Крымъ, принялъ бы онъ (Сафоновъ) всѣ мѣры къ образованію сего дѣла, за которое отвѣчать будетъ долженъ. На сіе опираясь, Сафоновъ сдѣлалъ штатъ безъ показанія, для чего и куда опредѣляются чиновники и служители; написалъ вмѣсто правилъ прожекты, нелѣпыми бреднями и доносами преисполненные. Словомъ, ясно

человѣкъ и не понимаетъ, что
оганизировать какую нибудь
думаетъ о себѣ несравненно
іжели онъ есть.
ясь, если конфирмуется такой
неимовѣрные прожекты, пра
названные, и я буду дол-
онымъ дѣйствовать (ибо Са-
велѣно, научая меня, возвра-
го сдѣлаюсь въ большихъ за-
яхъ, рѣшился я на всѣ статьи
іго отъ него представленія на-
ое мнѣніе, изъясняя, какъ по-
ѣ вещи, и отправилъ съ эста-
ь Державину, написавъ, что,
удобности дѣйствовать по ви-
онова, прошу, не льзя ли ме-
ідить отъ сей коммиссіи, при-
угаго болѣе меня знающаго

:авленный Сафоновымъ штатъ
іа присланы ко мнѣ съ пове-
чтобы я вмѣстѣ съ нимъ осви-
вовалъ соль, къ сдачѣ откуп-
предъявляемую, которую Са-
азвалъ негодною на пищу че-
ую, и сочиня также вмѣстѣ
правила, представилъ на ут-
е.
іяя приказанное при свидѣ-
постороннихъ чиновниковъ,
іъ я дѣло, какъ можно, на
істи, постепенно подписывая
вещи порознь. Сафоновъ на-
імъ увидѣлъ, что совершенно
іъ въ ложномъ доносѣ, и не-
іые его правила и штатъ вы-
аружу. И такъ, разруша его
обогатиться взятками съ от-
, заставилъ я самаго торо-
корѣе уѣхать въ Петербургъ.
іый мною штатъ и правила,
кія подробности не вводящія,
исалъ безъ противорѣчія, но
гайно отъ меня рапортъ, что,
іе въ силахъ противустоять,

рѣшился согласиться; но думаетъ, что то не сообразно состоянію дѣла и пользамъ казны.

По разсмотрѣніи сихъ бумагъ, нашли лучшимъ возвратить мнѣ мои представленія, и опредѣляя все представляемое мною число людей, ассигновавъ всю сумму денегъ 200 т. руб., препоручить, чтобы дѣйствовалъ я въ теченіи одного года хозяйственнымъ образомъ, испытывалъ бы удобства и возможности, и наконецъ по опытамъ и лучшему разсмотрѣнію сего дѣла, сочинилъ бы правила и штатъ и представилъ на утвержденіе.

Довѣренность, показующая доброе о мнѣ мнѣніе, была ласкательна. Я поступилъ такъ какъ бы въ собственномъ своемъ имѣніи, и дѣйствительно открылъ возможность, что съ великимъ противу прежняго облегченіемъ народу, получать стала и будетъ получать казна вмѣсто получаемыхъ отъ откупщика 280 т., болѣе 500 т. руб. въ годъ. Маленькихъ кражъ остановить нельзя, но большимъ, подобно бывшимъ, никакъ не можно вкрасться, если не разрушатъ всѣхъ уже утвержденныхъ правилъ.

Сначала цѣлый край, привыкшій видѣть богатѣющихся правителей соляныхъ озеръ, смотрѣлъ на меня, какъ на вора, коему благодѣтели дали средство, какъ они говорили, поправить состояніе. Но потомъ сдѣлался я въ великомъ уваженіи и производилъ удивленіе. При открытіи Таврической губерніи, когда гражданскій губернаторъ объявилъ желаніе просить увольненія, все дворянство отзывалось военному генералъ-губернатору Беклешову, что безпорядки въ Тавридѣ укоренившіеся истребить развѣ я только буду въ состояніи. Онъ, мнѣ о семъ объявляя, дружественно упрашивалъ принять губернаторскую должность и

писалъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не имѣя знакомства съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, и думая, что онъ молодой человѣкъ-франтъ (при томъ же онъ въ большомъ былъ несогласіи съ Державинымъ, по протекціи коего я вошелъ въ службу), боялся я принять сію должность. Увѣдомя Державина о сдѣланной мнѣ пропозиціи, просилъ я его ходатайства, не льзя ли мнѣ прежде пріѣхать въ Петербургъ, и поосмотрясь на все, рѣшиться, принять ли губернаторскую должность или нѣтъ. Онъ былъ въ силахъ остановить опредѣленіе. Но между тѣмъ желаніе графа Кочубея увеличилось: по видимому заключать должно, и государь былъ въ такомъ же расположеніи. И такъ мѣсто губернаторское въ Крыму оставлено празднымъ. Въ сіе время Державинъ отставленъ отъ службы (56). Дѣло, мнѣ порученное, поступило къ Кочубею, а я отъ него получилъ предписаніе, что по представленію моему къ Державину о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ съ отчетомъ и представить штатъ и правила по соляной части, докладывалъ онъ государю и получилъ приказаніе объявить мнѣ соизволеніе его величества. При увольненіи Державинъ исходатайствовалъ мнѣ аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую дохода 1100 руб. въ годъ, которую я послѣ продалъ за 16 т. руб.

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ нравилась мнѣ очень теперешняя моя жена Варвара Марковна Полторацкая. Суровое воспитаніе и хорошо образованный умъ составили въ ней правила, могущія сдѣлать счастливымъ честнаго человѣка, мирно въ своемъ домѣ жить желающаго, и чрезъ жену въ люди выходить не добивающагося. По всѣмъ видамъ я былъ увѣренъ, что пойдетъ она за меня, и мать ея (57) и вся родня охотно на то согласятся. Но я никакъ не хотѣлъ послушаться своихъ чувствъ въ обстоятельствахъ непріятныхъ, когда не значу я ничего, не имѣю никакихъ видовъ по службѣ, кои въ самодержавномъ государствѣ часто въ большой цѣнѣ ходятъ, хотя очень часто ложною монетою являются. Нѣтъ у меня имѣнія и столько, чтобы исправно заплатить долги. Будучи при томъ старѣе ея 18 годами, казалось мнѣ унизительнымъ и для себя и для нея. Всякой почелъ бы меня обыкновеннымъ человѣкомъ, женитьбою долги платящимъ. При томъ же думалъ я, что не я нравлюсь, но мирной мой нравъ. Молодая дѣвушка, непріятно въ домѣ материнскомъ живущая, можетъ быть, хочетъ выдти за мужъ для того, чтобы жить по своей волѣ, а не для того, чтобы сообразоваться обстоятельствамъ и нраву мужа и стараться дѣлать его счастливымъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга много примѣтилъ я ея склонности ко мнѣ, много сочувствовалъ ей; но разсудокъ заглушалъ чувства, и я поѣхалъ, нѣ сказавъ ни ей и никому ни слова.

Послѣдующее за тѣмъ время, большею частью проводимое въ скукѣ и уединеніи, не уничтожало, но укореняло привязанность. Варвара Марковна мечталась въ умѣ, вспоминались маленькія бездѣлицы, поставлялись въ число доказательствъ любви. Словомъ, я чувствовалъ себя совсѣмъ не равно-

(56) Т. е. вышелъ въ отставку изъ должности министра юстиціи. Это было въ Октябрѣ 1803 г. *П. Б.*

(57) Агаѳоклея Александр., въ то время вдова д. ст. сов. Марки Ѳедоров. Полторацкаго (†1795), урожд. Шишкова, знаменитая своимъ скопидомствомъ. *П. Б.*

нымъ. Проѣзжая въ Крымъ, увия я въ Тамбовѣ съ однимъ моимъ телемъ, коего жена въ дружбѣ съ рою Варвары Марковны, Олениной которою бывалъ я часто вмѣстѣ. казывая объ общихъ знакомыхъ ихъ, сказала она, что Варвара ковна въ жалкомъ состояніи, что больна, грустна и принуждена ъ въ деревню, куда матъ ея, собе богатства больше всего любя, поѣхала содержать винный отъ, и употребляетъ дочь-дѣвку въ , совсѣмъ для нея неприличныя. иковые разговоры произвели чув, коего скрыть не умѣлъ. Донкикое участіе и готовность защищать нность и добродѣтель являлись на и языкѣ. Умная слушательница хъ пересказала. А между тѣмъ, ъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, Вар Марковна грустя занемогла. Док объявилъ, что надобно быть чему дъ моральному, которое разстроиваея здоровье; братья и сестры стали ваться толку. Одному изъ братьевъ, е любимому, она открыла тайну го сердца; тотъ сказалъ нѣсколь изъ многолюдной ихъ семьи, и нецъ Оленину ([38]), бывшему всегда ною особенно въ пріязни. Онъ принялъ атаковать меня безъ всяо околичностей; и точно напалъ горону, отколѣ трудно мнѣ было ищаться.

огда жилъ я въ Перекопѣ одинъ, ыло у меня ни одного человѣка, оимъ бы одно слово кромѣ соляь дѣлъ сказать было можно. Когрусть, досада и уныніе свили гнѣзь моемъ сердцѣ, получилъ я письгъ Оленина. Онъ пишетъ, что Вар Марковна меня любитъ и ничего не желаетъ кромѣ какъ быть моей женой; что она была больна, призналась ему въ своихъ чувствахъ, сказала, будто бы ей какія то слова я сказалъ, по коимъ заключаетъ, что и я ее люблю; и такъ, какъ честному человѣку сіе объявляя, требуетъ рѣшительнаго отвѣта, и если я жениться не намѣренъ, то увѣренъ, что сіе объявленіе останется между нами.

Размышляя нѣсколько времени, видѣлъ я, что прощай мои правила жить ни отъ кого и ни отъ чего въ независимости. Отвѣтствую въ полной откровенности, чтобы обдумались хорошенько, сообразили бы, что я бѣденъ, что правилъ своихъ никогда не перемѣню, и слѣдовательно не обогатиться, а промотаться могу, что я старѣе ея несоразмѣрно; и такъ она, находясь въ заблужденіи, можетъ сдѣлаться несчастною на вѣкъ. На сіе получилъ я отвѣтъ, что ни старость моя, ни бѣдность не ужасаютъ. На вопросъ, что захочетъ ли она жить всегда въ Крыму, гдѣ предлагается мнѣ мѣсто губернаторское, отвѣтствовали, что всюду со мною готова. И такъ я сдѣлался женихъ.

Все это дѣлалось въ секретѣ отъ матери, которая всегда и всѣмъ вопреки дѣлать хочетъ и имѣетъ гордость располагать склонностями и участьми дѣтей своихъ и всѣхъ ей принадлежащихъ людей. Будучи всегда весьма отъ нея уважаемымъ и любимымъ, надлежало поступить съ нею особливымъ образомъ.

Проѣзжая въ Петербургъ и думая, что невѣста моя тамо, не заботился я навѣдываться. Старинное желаніе на вѣкъ остаться холостымъ все еще боролось со склонностію къ женидьбѣ. Мнѣ кажется, даже радъ бы я былъ, если бы что нибудь небезчестное съ моей стороны помѣшало исполненію

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, женатый на іетѣ Марковнѣ Полторацкой. *П. Б.*

сего намѣренія, уже далеко доведеннаго. Наконецъ пріѣхалъ я въ Торжокъ вечеромъ. По причинѣ бывшаго холода я спалъ въ закрытой моей кибиткѣ; уже лошади вновь запряжены были, какъ я проснувшись спросилъ гдѣ мы? Мнѣ отвѣчали: въ Торжкѣ. Зная, что теща моя содержитъ на откупѣ весь уѣздъ, я спросилъ ямщика, кто здѣсь содержитъ откупъ; онъ отвѣчалъ: генеральша Полторацкая. На вопросъ, гдѣ она живетъ отвѣчалъ: въ городѣ. Вышедъ изъ кибитки, вошелъ я въ трактиръ; по нѣсколькихъ вопросахъ узнаю, что не только теща, но и невѣста моя въ томъ же городѣ. Я, посмотря на часы и видя, что уже десять часовъ, послалъ ямщика освѣдомиться, не спятъ ли въ домѣ и можно ли мнѣ пріѣхать повидаться. Лишь уѣхалъ мой посланной, почталіонъ прибѣгаетъ и подаетъ письмо отъ г. Бакунина, тутъ же живущаго. Онъ пишетъ, что въ какое бы время я ни ѣхалъ чрезъ Торжокъ, проситъ меня остановиться для свиданія съ нимъ. За тѣмъ вскорѣ онъ является, даетъ мнѣ письмо отъ Олениной, совѣтующее поѣхать къ матушкѣ ея въ деревню (*), пробыть нѣсколько времени, и сдѣлать ей предложеніе о женитьбѣ. Между тѣмъ и посланной мой ямщикъ является, сказывая, что лишь услышала о мнѣ госпожа, призывала его къ себѣ и велѣла звать меня повидаться съ нею.

Въ дорожномъ платьѣ, съ небритою бородою, вхожу въ комнату, гдѣ покрайней мѣрѣ десять женщинъ сидѣли округъ кровати, на коей лежала больною объявляющаяся моя теща. Принимаетъ меня съ распростертыми руками, распрашиваетъ, гдѣ я жилъ, что я дѣлалъ; расказываетъ, будто много о добрыхъ дѣлахъ моихъ слышала, пѣняетъ правительству, для чего мало меня награждаютъ; справедливые мои отвѣты принимаетъ хитростію и скромностію; журитъ, для чего не пользуюсь случаями, коли не красть, то приневоливать государя награждать болѣе; однимъ словомъ, осыпаетъ знаками дружества. По нѣсколькихъ разговорахъ начинаетъ шутить, какъ прежде почти всегда случалось; спрашиваетъ, долго ли тебѣ не жениться, долго ли волочиться; женись хоть на мнѣ. Я отвѣчалъ: теперь хочу жениться. Она замолчала и скоро перервала разговоръ. Изъ сего я заключилъ, что и у нея тоже было и есть на умѣ, о чемъ мы безъ ея вѣдома согласились.

Множество уѣздныхъ барынь и барышень не давали мнѣ простору поговорить съ ней серьезнѣе о женитьбѣ Уже часу въ первомъ сдѣлалось ей желаніе встать съ постели; она просила меня выдти. Варвара Марковна, какъ хозяйка, позвала въ гостинную. Мы сдѣлались одни. Ту минуту я спросилъ ее, думала ли она о всемъ хорошенько и подлинно ли рѣшилась за меня выдти за мужъ. Томное *да* было отвѣтомъ; я поцѣловалъ ее обнявъ, и сказалъ ей: сдѣлай, чтобы остался я одинъ съ матушкой. Поздній вечеръ и ея стараніе исполнили вскорѣ мое требованіе.

Позванъ будучи въ спальню, принявъ прежнее мѣсто на стулѣ близь ея кровати, лишь остался я одинъ, спросилъ: „скажите мнѣ правду, хорошо ли вы обо мнѣ думаете". Она отвѣчала: „очень хорошо, да что это значитъ?" Я, протянувши къ ней руку, сказалъ: „коли хорошо думаете, отдайте мнѣ Варвару Марковну". Тутъ въ

(*) Село *Грузины*, не подалеку отъ Торжка *Н Б*

слезы у нея покатились, и она, руки подавая, сказала: „изволь, шка, отдамъ тебѣ обѣими руками".

позвали Варвару Марковну, :или ее, получили ея согласіе, и ылался совершенный женихъ.

елику сіе происходило въ концѣ здней недѣли предъ Рождествомъ, ѣ надобно было пріѣхать въ Петргъ до воскресенія, чтобы успѣть де праздниковъ въ воскресной какъ то обыкновенно, предста:я государю и императрицамъ, то льзя было мѣшкать. Пробывъ до :о часа по полуночи, поѣхалъ я ть—съ обѣщаніемъ, что на обмъ пути окончимъ мою свадьбу церемоній.

іѣхавъ въ Петербургъ въ домъ іннаго пріятеля (дѣлающагося юднею) Оленина, имѣлъ я удотвіе видѣть радость всѣхъ до едивсей многолюдной ихъ семьи.

оръ, окружающее его и всѣхъ твующихъ лицъ увидѣлъ я пои совсѣмъ другимъ манеромъ поющихъ. Въ теченіе менѣе двухъ отсутствія моего изъ Петербурголько сдѣлалось перемѣны, что, гся, надобно бы было сто лѣтъ. зъ жизни, порядокъ въ дѣлахъ, кденіе начальниковъ съ подчиненi, все новое, все мнѣ необыкновенКо всему надобно стало примѣ:я и самому совершенно перемѣ:я. Пріѣхавъ въ субботу, нѣсколь-зъ пріѣзжалъ къ министру внуіихъ дѣлъ и не могъ его видѣть. ь по утру рано въ воскресенье, тотчасъ позванъ въ кабинетъ; зъ кучу бумагъ, получилъ приіе явиться уобергофмаршала ([40]), ый представить меня государю.

Графа Н. А. Толстаго. *П. Б.*

При прощаніи спрося, гдѣ живу, объявилъ, что по прочтеніи бумагъ позоветъ меня къ себѣ.

Слѣдуя порядку, принятому за правило, не являлся я къ министру. Наконецъ черезъ четыре дни прислана была мнѣ записка, что министръ проситъ меня въ 8 часовъ вечера. Явясь въ назначенный часъ, увидѣлъ я его, товарища его гр. Строганова, управляющаго экспедиціею Габлица и начальника отдѣленія по соляной части. Сѣли всѣ, какъ бы въ присутственной комнатѣ, за столъ, Онъ началъ вопрошать меня о моемъ дѣлѣ похоже на катихизисъ. Отвѣчавъ на нѣсколько вопросовъ, я призналъ, что испытываетъ меня, я ли или секретарь мой писалъ ему поданное; наконецъ я сказалъ, что все о чемъ его сіятельство спрашиваетъ написано самимъ мною въ поданныхъ ему толстыхъ тетрадяхъ. Тутъ, окончивъ испытаніе ребяческое, начинается разсужденіе о правилахъ. Я примѣтилъ, что министръ углубляется въ подробности и такія мелочи, коихъ ему знать не можно. Всѣ разсужденія его клонились къ опороченію того порядка, который дѣйствительно съ опытовъ я написалъ и пользу онаго математически доказалъ. Тотчасъ я заключилъ, что это не онъ говоритъ, а Габлицъ, который былъ въ Крыму вице-губернаторомъ, правилъ симъ дѣломъ, и за то, что вмѣсто 500/т. сдѣлалъ 100/т. рублей дохода, награжденъ былъ. Тѣмъ больше подозрѣніе мое увеличивалось, что онъ молчалъ. Я, утверждая свои правила, старался ввести его въ разсужденіе, и наконецъ придравшись къ слову, сталъ доказывать явственнѣе, какъ что прежде было и какъ нынѣ есть, и что порядокъ, откупщикомъ заведенный, хорошъ, перемѣнять его не должно и надобно благодарить, что не казна, а частный че-

вс ъ оный; слѣдовательно не-
сть богатившихся богатыхъ
ъ и имущихъ бѣдныхъ обра-
на него, а не на правителей.
лени ихъ отъ государя; и что
люд уже отвыкли отъ безпо-
во дъ казны существовав-

добно нать, когда Крымомъ вла-
ханъ, хозяйство его было управ-
о таки ъ образомъ: Татары вы-
кивали соль даромъ, и не пла-
и ничего за землю, ими владѣе-
о; соль тогда не вѣсили, а счита-
возами; Малороссіяне, за нею прі-
жавшіе, платили за взятую изъ буг-
въ по десяти, а изъ озера самими
ли выволоченную по шести рублей
фуру; имъ не препятствуемо было
оложить столько, сколько вести во-
кетъ пара воловъ. Когда Крымъ при-
соединенъ къ Россіи, принято въ ос-
нованіе, будто фура вмѣщаетъ въ
себѣ 73 пуда, и потому велѣно про-
давая соль по 14½ р., брать съ фу-
ры по 10 рублей. Извѣстно, что есть такіе волы, что везутъ около 200 п., и есть такіе, что болѣе 50 пуд. везти не могутъ. Сей порядокъ, увеличивая прибыль богатыхъ, отягощалъ бѣдныхъ, и произвелъ, что зажиточные, добрыхъ воловъ имѣющіе, ѣздя къ озерамъ, привозили соль въ Перекопъ и тутъ, пройдя чрезъ ворота, заплатя деньги по пяти копѣекъ за пудъ, продавали бѣднымъ по 15 и болѣе. Сіи злоупотребленія породили другія и расплодили такое число, что сотни тысячъ рублей воровали чиновники, симъ дѣломъ управлявшіе. Мнѣ извѣстно, что г. Габлицъ не бралъ, но не умѣлъ оборечь казну отъ расхищенія. Онъ, пресѣкая маленькія плутни, умножилъ доходъ въ двое, а не дошелъ до корня зла, исторгнувъ который, можно его удесятерить.

Вѣроятно, что доказа
обратили министра. честн
ность исполняющаго, на м
также и графа Строгонова:
у коего мое дѣло въ п
на меня озлобился.

День ото дня дѣлаясь з
министромъ, отличаемъ я б
деніемъ его. Вскорѣ онъ м
гаетъ должность губернат
тѣмъ, что къ обыкновенно
наторскому жалованью буд
чать 2400 рублей за управ
ляною экспедиціею. Я согл
вскорѣ былъ опредѣленъ.

Проходитъ много времени п
ближается постъ, когда вѣнч
можно. Меня не отпускаютъ,
не окончено разсмотрѣніе п
ленныхъ мною бумагъ и не о
но, чему какъ быть. Габлицъ
сочинненіемъ отъ него зависящ
клада государю. Нѣсколько ра
поминалъ я, что по собственны
нимъ обязательствамъ пора мнѣ
въ деревню къ тещѣ, и для дѣ
службѣ надобно поспѣшить въ К
Видѣлъ я желаніе министра у
творить моему требованію и в
безсиліе его заставить дѣлать ск

Однажды, долго пробывъ у не
кабинетѣ и уже прошло время о
новеннаго обѣда, оставилъ онъ
у себя. Пришедъ въ домашнія ко
ты предъ каминомъ въ кабинетѣ
ны его (41), спросилъ онъ меня: к
намѣренъ я жить въ Крыму? Я отв
ствовалъ: какъ могу и по мѣрѣ, ка
содержаніе государь опредѣлитъ, р
суждая, что пышность не умножае
уваженія къ начальнику, и много т
му подобнаго. Наконецъ онъ м
сказалъ, что „не далѣе какъ сегодн
разговаривалъ я о васъ съ госуда

(41) Маріи Васильевны, ур. Васильчиковой. В П

)нъ признаетъ, что ваша служ-
знѣе бы ему была здѣсь". И
е совѣтуя заводиться домомъ,
лъ, чтобы, осмотря всѣ части,
ь я въ извѣстность о всемъ, что
Крыму, и потомъ готовъ былъ
иться и жить съ ними нераз-
Я очень его благодарилъ и
эволенъ.
ѣ за тѣмъ вышло производ-
ъхъ представленныхъ мною чи-
въ, и я былъ отпущенъ къ
ти, съ обнадеживаніемъ, что
и правила будутъ присланы
ь за мной.
кавъ въ деревню къ тещѣ мо-
ился я 14 февраля 1804 года.
нѣ данное, теща моя не сдер-
я былъ въ церемоніяхъ сколь
къ, столь же и смѣшныхъ; но,
на все, сохранилъ въ себѣ
твіе, сдѣлавъ тѣмъ удовольст-
щинѣ, въ своенравіи закоре-
Эна отъ часу болѣе показывала
и расположеніе; и я слышалъ
хъ, что и не воображали ее
въ такихъ пріятныхъ чувст-
ся семья восхищалась мною.
ы, всѣ дружны, я очень былъ
ь. Жена моя день ото дня ми-
ѣ становилась. Я нашелъ ее
умнѣе и въ правилахъ твер-
ели воображалъ.
отправясь въ Крымъ, старалъ-
спѣшать, хотя распутица и
обозъ много дѣлали препят-
Пріѣхавъ въ Симферополь 29
е зная обстоятельствъ губер-
юдей, дѣлами управляющихъ,
былъ я много упражняться.
объяснить тогдашнія наши
льства, надобно сказать исто-
мъ порядкомъ о губерніи и
до того состоянія, въ которомъ
инялъ. Исторія Крыма въ от-
хъ временахъ довольно из-
вѣстна всѣмъ, кто читать умѣетъ. На-
добно только примѣтить, что древніе
писатели говорили о немъ слегка; а
новѣйшіе бумагомаратели, вытаски-
вая изъ пыли лоскутья Страбона и
протчихъ, и раздувая каждое слово,
увеличивая хорошее, умалчивая ху-
дое, затмили истину. Причина сему
тотчасъ извѣстна, какъ скоро кто при-
мѣтить ее захочетъ. При покойной им-
ператрицѣ Екатеринѣ II, управляю-
щій кормиломъ государства и дающій
всякой вещи смыслъ по своему произ-
воленію, любимецъ ея князь Потем-
кинъ, названный послѣ Таврическимъ,
хотѣлъ славы. Миръ съ Турками, до-
стойнымъ вѣчныя славы графомъ Ру-
мянцевымъ заключенный въ 1774 го-
ду, доставилъ возможность присоеди-
нить Крымъ къ Россіи. Князь Потем-
кинъ воспользовался симъ. Получа въ
неограниченную власть войско, сдѣ-
лавшись генералъ-губернаторомъ со-
сѣдствующей съ Крымомъ губерніи,
интриговалъ онъ посѣять въ немъ меж-
доусобія и безпорядки. Ханъ ожесто-
ченный началъ свирѣпствовать съ под-
властными ему. Угнетаемое человѣ-
чество, до отчаянія доводимое, подни-
мало погибающую голову и помышля-
ло о правахъ естественныхъ. Ханъ,
сдѣлавшись въ опасности, просилъ по-
собія отъ Русскаго двора; разумѣется,
сіе тотчасъ исполнено. Отборныя вой-
ска, уже пріуготовленныя на грани-
цѣ, вошли въ Крымъ, содѣйствуя къ
утвержденію ханской власти, остались
въ немъ и скоро надоѣли всѣмъ жите-
лямъ. Чрезъ деньги найдены люди, мо-
гущіе толковать, что ханъ всему ви-
ною. Народное противу его волненіе
увеличивалось. Онъ, видя себя между
двухъ огней, показалъ желаніе пере-
даться подъ протекцію Турокъ, у ко-
ихъ глубокая рана, войною сдѣлан-
ная, еще была свѣжа. Собравъ, сколь-

ко могъ, военныхъ округъ себя людей, жилъ въ лагерѣ или лучше сказать кочевалъ, по обыкновенію степныхъ жителей, близь берега Чернаго моря, между Керчи и Ѳеодосіи; все что имѣлъ драгоцѣннаго и женъ своихъ отправивъ въ Анатолію, и какъ кажется, изъискивалъ возможность освободиться отъ Русскихъ войскъ силою, которой не имѣлъ. Будучи обманутъ командовавшимъ въ Крыму генераломъ барономъ Игельстромомъ, взятъ благопристойнымъ образомъ подъ караулъ, отправленъ будто для объясненія въ Петербургъ, но вмѣсто того остановился въ Воронежѣ

Интриги дѣйствовали, Крымцы просили быть подданными Россійской императрицы, и яко люди, ни отъ кого не зависящіе, приняты. Открыта губернія Таврическая. Генералъ-губернаторъ ея князь Потемкинъ получилъ названіе Таврическаго ([42]).

Поелику сіе происшествіе сдѣлалось собственнымъ дѣломъ князя Потемкина, коему конечно хотѣлось прославиться въ Россіи услугою, имперіи оказанною, и слѣдовательно нужно было всѣхъ елико можно познакомить съ Крымомъ, онъ сталъ одобрять путешественниковъ и писателей о Крымѣ. Всякаго званія, всякой націи люди, осматривая его красы, въ самое лучшее время года, описывали нагорныя мѣста, гдѣ, проѣзжая верхомъ по десяти верстъ въ день, не упоминали о тѣхъ степяхъ, чрезъ кои двѣсти верстъ вь сутки проскакивали.

Генуезцы и Греки имѣли крѣпости и колоніи въ нагорной части Они торговали съ кочевавшими по степямъ народами, вымѣнивали на товаръ хлѣбъ и невольниковъ, правомъ войны пріобрѣтаемыхъ. Сіи Европейцовъ заведенія были, какъ кажется, безъ старанія дѣлать прочное. Торгомъ обогатившіеся возвращались обратно; обогащеніе ихъ служило для обогащенія кореня ихъ въ Европѣ, подобно какъ нынѣшнихъ временъ Европейцы имѣютъ заведенія въ Индіи, съ тою только разницею, что сила и просвѣщеніе на лучшей теперь степени. Древнія въ Крыму строенія большею частію изъ ноздреватаго известковаго камня, сложенныя на глинѣ, жителями оставленныя, развалились, показывая намъ безобразныя кучи. Крѣпости имѣютъ стѣны, снаружи только на извести кладенныя, но въ срединѣ на глинѣ и землѣ. Въ сводахъ есть мелкой въ Италіи употребляемый кирпичь, всѣ же связи изъ деревянныхъ брусьевъ.

Когда основалась Греческая имперія, тогда сосѣдство съ столичнымъ городомъ начало поболѣе укоренять въ Крыму людей. Малое число строеній того времени лучше и прочнѣе.

По уничтоженіи Турками Греческой монархіи нѣсколько крѣпостей и колоній, Грекамъ и Генуезкой республикѣ принадлежавшихъ, все еще сохраняли свою независимость. Крымъ, обладаемый Татарами, отъ Золотой Орды оторвавшимися, не распространялся до нагорнаго морскаго берега. Ханъ, находя себя безсильнымъ вытѣснить или поработить Европейцевъ, просилъ помощи Турецкаго султана. Присланный съ войскомъ паша исполнилъ свое дѣло, и оставя въ крѣпостяхъ гарнизонъ, остался начальникомъ. Ханъ учинился подъ протекцію Турокъ, султанъ располагалъ землями, Европейцами владѣемыми. Колоніи, въ Крыму оставшіяся, сдѣлались подчиненными пашѣ Турецкому. Христіане

([42]) Это обратная сторона картины, начертанной гр. А. Н. Самойловымъ, см. Р. Архивъ 1867 года, стр. 1220—1225. *П. Б.*

яяемые по маленьку стали прить законъ магометанскій, перелись съ Турками Анатольскими, коихъ гарнизонъ былъ состав-

И такимъ образомъ нагорная Крыма приросла къ Анатоліи. вшіеся въ христіанскомъ законѣ я и Армяне несли всю тяжесть цкой власти.

рный трактатъ, въ 1774 году съ ами Россіею сдѣланный, освобо- Крымъ отъ власти Турецкой; крѣ и колоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и земли нагорной его части учись собственностію хана. Онъ, бу-

Россіи обязаннымъ, согласился ь Грековъ и Армянъ выслать для енія въ Россію. Неудобопонятная тика, раззоря ихъ корень, слуй пользою и украшеніемъ Крыводворила ихъ въ окрестностяхъ близь береговъ Азовскаго моря. , садоводствомъ, издѣліями и шелствомъ промышляющіе, сдѣлапринужденными быть рыболоваскотоводцами. Перемѣна климаобраза жизни много въ числѣ ихъ ьшила.

переселеніи Армянъ и Грековъ, началъ жаловать землями мурзъ, ясь привлечь ихъ съ себѣ. Многдныя селенія, большое садоводимѣющія, начали быть обитаемы мъ числомъ несмысленно-лѣни- Татаръ, не разумѣющихъ содердеревья, изъ южныхъ странъ пеенныя и съ большимъ тщаніемъ щаемыя.

колѣ оставался ханъ въ Крыму, кіе, будучи гостями, занимали гиры въ селеніяхъ Татарскихъ. ивость магометанъ увеличивала неудовольствіе противу хана, кія войска призвавшаго. По отъего, предложено подданство; объ- поступать, какъ съ своими, бережливѣе и слѣдовательно освободить отъ постоя. Дѣло сдѣлано, Крымцы присягнули на подданство, и обѣщаніе исполнено. Не смотря на глубокую осень, полкамъ приказано было строить землянки вмѣсто зимнихъ квартиръ. Для столь важной операціи не только благовременныхъ пріуготовленій, ниже распоряженій отъ начальства дѣлаемо не было, лишь показаны мѣста въ долинахъ. Солдаты начали работу, надобный для землянокъ лѣсъ стали рубить безъ разбору. Тутъ погибли высокія раины и развѣсистые тополи, Крымскіе сады украшающіе. Не пощажены огромныя дерева орѣховыя, грушевыя, яблонныя и прочія. Дерево безъ фруктовъ и безъ листьевъ не знакомо Русскому; какъ осину и березу рубили они все что находилось поближе. Офицеры, разлакомившіеся имѣть походныя мебели изъ орѣховаго дерева, много ихъ истребили.

Близь рѣчекъ устроенныя землянки, въ осенніе дни сдѣланныя, были пагубны для здоровья людей; великое число Русскихъ, къ Крымскому климату не привыкшихъ, погребено въ иловато-известковую землю. Чума, можетъ быть завезенная, но симъ еще увеличившаяся, довершила истребленіе.

Большіе рекрутскіе наборы укомплектовали полки, въ Крыму расположенные. Извѣстія отъ возвращавшихся полумертвыми офицеровъ распространили слухи о тяжести климата. Россіяне ужасались Крыма; но писатели, подстрекая любопытство увеличенными красами, манили въ него, подкрѣпляемые силою великомощнаго боярина. Могли ли они противустать общему понятію, на событіяхъ основанному?

Принято намѣреніе населять Крымъ Русскими людьми. Бояринъ, кромѣ забавъ и честолюбія ничѣмъ не зани-

мавшійся и ничто въ цѣну не полагающій ([43]), сталъ жаловать землями. Почти всѣ достались шутамъ и угодникамъ, коимъ селить было некого. Удовлетворяя ихъ выбору, отводились дачи, на которыхъ побольше было людей. Сіи помѣщики, силу въ губернскомъ правленіи имѣвшіе, чтобы умножить себѣ доходы, начали стѣснять древнихъ обитателей, произвели неудовольствіе, ропотъ и опасность. За симъ послѣдовало уменьшеніе людей: многіе были высланы за границу, многіе уволены по прозьбѣ, а нѣкоторые бѣжали въ Турецкія области. И такимъ образомъ остались въ Крыму только тѣ Татары, коимъ дѣваться было не куда, то есть негодяи или тѣ, которые, жительствуя на мѣстахъ невыгодныхъ, не подпали подъ иго милостей.

Для заведенія Русскихъ селеній, исходатайствованъ манифестъ, коимъ прощаются бѣглецы, изъ заграницы возвращающіеся, и всякаго рода и званія люди, скитающіеся подъ именемъ не помнящихъ родства. Имъ дозволялось избрать состояніе по ихъ желанію. Новые помѣщики, симъ воспользуясь, подговаривали солдатъ къ побѣгамъ. Бѣжавшіе изъ полковъ на другой день являлись къ пограничнымъ начальникамъ, объявляли себя выходцами изъ за границы или не помнящими родства. Желаніе ихъ быть записанными по ревизіи въ крестьянство помѣщика, ихъ подговорившаго, тотчасъ было удовлетворяемо. Они, будучи водворяемы въ селеніяхъ, гдѣ оставались Татары, на землѣ, помѣщику пожалованной, способствовали къ скорѣйшему первобытныхъ жителей удаленію.

([43]) Мы уже знаемъ, что это отзывъ пристрастный. *П. Б*

Со всего государства велѣно было собрать солдатскихъ женъ и отправить къ мужьямъ. Подъ присмотромъ привезенныя въ Крымъ женщины, коихъ мужья давно померли, разбираемы были солдатами, коимъ тотчасъ давалась отставка и снабденіе отъ казны, и лишь объявить желаніе поселиться на земляхъ, къ тому назначенныхъ въ Крыму. Взявъ незнакомую и въ пути, да и дома еще, избалованную жену, получа все, что крестьянину имѣть надобно, оставшись на свободѣ безъ всякаго присмотра, предавались они распутству, и большая часть изчезла.

Таковое основаніе конечно должно было принести вредные плоды. Бродяги, бездѣтно умершіе, а большая часть разбѣжавшіеся, отягощая оставшихся чрезъ умноженіе податей, вносимыхъ за убылыхъ, отяготили край на многіе годы и пресѣкли путь къ приведенію его въ лучшее состояніе; ибо никто изъ добропорядочныхъ поселянъ не захотѣлъ водвориться въ таковыя селенія. Всего же злѣе, что бродяги, промотавшіе данное имъ снабдѣніе, не жалѣя ничего, истребили лучшія деревья, продавая все что можно. Потомъ они же ввели въ обыкновеніе всякія мошенничества и скверныя дѣла.

Въ Турецкія области удаляющіеся изъ Крыма Татары жалобами и воплемъ возбудили общее негодованіе. Народная готовность къ войнѣ давала правительству надежду возвратить потерянное. Начались съ обѣихъ сторонъ пріуготовленія. Новые помѣщики и судьи, взятые изъ полковыхъ офицеровъ, большею частію солдатскіе дѣти, разогнавшіе и ожесточавшіе Татаръ, искали возможностей къ снабдѣнію принимаемыхъ и на пожалованныхъ имъ земляхъ водворяемыхъ бродягъ. Они умыслили и исходатайствовали приказаніе отобрать у Татаръ оружіе и

ихъ перегнать на степь, за Пе-
омъ простирающуюся до береговъ
Днѣпра. Сіе дало возможность,
ая оружіе, отобрать и все, что
› было взять. Татары, коихъ скотъ
емъ былъ за 100 и болѣе верстъ,
ая его погибшимъ, старались его
ерывъ продавать. Дворяне и
, за порядкомъ смотрѣть и сосчи-
ъ опредѣленные, много даромъ
гывая себѣ, покупали гуртомъ
блю лошадь и рогатый скотъ.
іна, въ 1787 году начевшаяся,
лась для Россіи счастливо. Пре-
ея распространились, прежнее
рѣтеніе сдѣлалось надежнѣе по
ослабленія Турковъ. Но Крымъ,
объявленными происшествіями
оженный, показывалъ опустоше-
ужасные слѣды безпорядковъ.
смерти князя Потемкина, Крымъ,
бы удѣлъ фаворитовъ, достался
начальство князя Зубова. Моло-
еловѣкъ, женоподобнаго нрава,
ъ никогда не управлявшій, ни-
ъ дѣлъ не знающій, опираясь на
ь, безразсудно ему данную, хо-
быть милостивъ. Чтобы сдѣлать
дѣяніе новымъ его подчиненнымъ
ужающимъ государыню служи-
ъ, исходатайствовалъ дозволе-
аловать не дачами (какъ прежде
Потемкинъ дѣлывалъ), а числомъ
інъ. Сіе дѣло, чрезъ безсовѣст-
убернатора въ дѣйство произве-
е, довершило погибель Крыма.
ьи и придворные камердинеры,
ъ-юнгферы и прочіе таковаго ро-
ди, желая получить не земли для
енія обывателей, но возможность
ть деньги, взяли имъ пожалован-
исло раздробительно въ разныхъ
ъ; словомъ, вездѣ распространи-
пустили глубже корень безпоряд-
утѣсненія первобытныхъ жи-

Кончина императрицы Екатерины II перемѣнила видъ всѣхъ дѣлъ. Губернія Таврическая уничтожена. Крымъ, обратившійся въ уѣздъ, причисленъ къ Екатеринославской губерніи, переименованной тогда Новороссійскою. Суровость правленія произвела страхъ. Сократились притѣсненія обывателямъ, и умолкли ихъ жалобы. Уничтоженныя присутственныя мѣста, оставя многое число въ чины выведенныхъ негодяевъ, составили корпусъ нищихъ въ старинныхъ намѣстническихъ мундирахъ. Ябедничество оставалось имъ средствомъ къ содержанію себя. Сѣмена зла, гнѣздящагося въ сердцахъ и умахъ ихъ, подобно морозу, скрѣпляемы были строгостію тогдашняго правленія. Надобна была теплотворная кротость, чтобы возникли онѣ, и явились на поверхности съ плодами.

Судьи и подъячіе, отъ службы уволенные, никакого имѣнія нигдѣ не имѣющіе, разбрелись по дачамъ, имъ пожалованнымъ.

Они жили съ Татарами мирно, по братски; нѣкоторые жъ, въ число получившихъ помѣстья не попавшіе, поступили въ волостные писари, а иные упражнялись въ писаніи прошеній къ мѣстнымъ начальникамъ. Между тѣмъ всѣ между собой завидовали, враждовали и спознавая тонкости минувшихъ плутней, готовились къ доносамъ.

По кончинѣ Павла I-го, бывшаго въ нынѣшнія времена подобнымъ царю Іоанну Васильевичу Грозному, явилась на престолѣ Россійскомъ благодать въ лицѣ Александра I-го. Снисхожденіе ко всему и кротость начали смягчать суровую кору, и добро и худо въ нѣдрахъ содержавшую. Любимецъ его Новосильцевъ, ни въ какихъ дѣлахъ не упражнявшійся, захотѣлъ научиться и подобно Некеру нагрузилъ свой кабинетъ чужими идеями.

Изданъ указъ, чтобы всѣ, съ полезными прожектами явиться могущіе, предстали къ сему молодому патріоту. Первые прожекты, ободреніе и награду получившіе, расплодили людей сего рода. За недостаткомъ выдумать полезное, явились доносщики, бывшее зло объявляющіе. Начались изслѣдованія, учреждались для разсмотрѣнія комитеты, умножилось число дѣлъ, и зло, въ другомъ только образѣ, размножилось Крымъ сдѣлался въ страшномъ потрясеніи; старинные безпорядки, въ извѣстность приводимые, виновниковъ ужасали. Они ожидали подобнаго страшному суду Божію, въ Евангеліи обѣщанному.

Для разсмотрѣнія на мѣстѣ о земляхъ, вопреки справедливости и порядка розданныхъ, и для разрѣшенія споровъ между старыхъ и новыхъ помѣщиковъ и простыхъ Татаръ, учреждена и отправлена въ Крымъ коммиссія. Сенаторъ Лопухинъ назначенъ предсѣдателемъ; съ нимъ отправлены и именитые и чиновные четыре члена (44). Всѣмъ дано большое жалованье и столовыя деньги.

Пышная коммиссія, поселившаяся въ уѣздномъ городѣ, понятно, какой громъ сдѣлала. Явные отзывы начальника, что присланъ защитить угнетенныхъ, манили къ нему толпами людей. Мелкіе прежніе судьишки, секретари и подъячіе, завидуя получившимъ имѣнія, и знавшіе всѣ ихъ пакости, открываютъ свое ремесло, пишутъ всѣмъ прошенія; за недостаткомъ просителей пишутъ отъ имени такихъ людей, коихъ вовсе нѣтъ и не было, съ жалобою на тѣхъ, которыхъ не любятъ, изъясняя злые поступки и дѣла, достойные строгаго наказанія. Сенаторъ, безъ прочтенія отъ всѣхъ принимающій, накопилъ необъятную кучу бумагъ: истребуя отъ всѣхъ мѣстъ всѣ дѣла, до раздачи земель, до споровъ и жалобъ касающіяся, нагрузилъ коммиссію баластомъ болѣе, нежели было въ Ноевомъ ковчегѣ.

Приступаютъ къ разсмотрѣнію общаго плана, къ раздачѣ земель относящагося; проходитъ въ семъ упражненіи цѣлый годъ, а между тѣмъ помѣщики, кои побогатѣе и поболѣе прочихъ виноватые, примѣтя склонность

(44) См. Записки И. В Лопухина М. 1860 года стр. 117 и д. Лопухинъ говоритъ: „Причиною учрежденія сей коммиссіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ вышнихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды: потому что, при отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ государю писали ко мнѣ, что его величество изволилъ поручить мнѣ сію коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.“ Указъ объ этой коммиссіи, данный государственному казначею 19 мая 1802 года, находится въ Полн. Собр. Законовъ, № 20.270. Изъ него видно, что Лопухинъ получалъ въ этой комиссіи, кромѣ жалованія по чину, ежемѣсячно 500 р. столовыхъ, да на путевыя издержки ему выдано 5000 р. Членами коммиссіи назначены: оберъ-прокуроръ временнаго межеваго департамента Ланской, д. ст. сов. Михаилъ Туманскій (родственникъ кн. Кочубея), оберъ-секретарь Крейтеръ и ст. сов. Павелъ Сумароковъ (напечатавшій въ 1803 — 1805 гг. извѣстные „Досуги Крымскаго судьи“). Тамъ же, отъ того же 19 мая, подъ № 20.276 напечатанъ подробнѣе указъ о комиссіи, данный сенату, съ приложеніемъ правилъ оной, которыя, какъ свидѣтельствуетъ Лопухинъ, изданы были и на Татарскомъ языкѣ. *П. Б.*

ıтора къ пьянству ([45]) и чванству,
утствуя ему и угождая, пріобрѣли
благорасположеніе. Онъ предста-
ъ о неудобствахъ исполнить на
миссію возложенное по правиламъ,
ачертаннымъ и исходатайствовалъ
ıоленіе пріѣхать въ Петербургъ для
ıсненія. Поѣхалъ ([46]) и черезъ годъ
везъ дополненія, коими укоренили-
ıрава помѣщиковъ, для поселенія
ей не имѣющихъ. Крымъ, лишив-
ся надежды приходить въ лучшее
ояніе, терпѣлъ болѣе прежняго.
звѣстность кому что принадлежать
етъ, остановила хозяйство. Медлен-
ъ коммиссіи и порядокъ, несносно
'отительный, причиною, что въ три
года ея существованія ни одного дѣла не рѣшено, и даже половины бумагъ не разобрано и не прочтено.

До пріѣзда моего безъ мала годъ существовавшая губернія не имѣла начальника. Всякаго рода злоупотребленія укоренялись и распространяли вѣтви. Не только воровства, грабительства, но и смертныя убійства оставались необнаруженными, ненаказанными, и дѣла предавались суду Божію. Присутствующіе гражданскаго и уголовнаго суда явно торговались съ подсудимыми. Правосудіе продавалось, какъ вещь въ торговлѣ обыкновенная.

При вступленіи въ должность, всякой день по нѣскольку десятковъ жалобъ мнѣ подавалось. О всякой безделкѣ, не стоющей цѣны написать прошеніе, люди шли ко мнѣ. Я, начавъ каждодневно присутствовать въ губернскомъ правительствѣ и каждодневно побывая во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, началъ самъ писать резолюціи по дѣламъ просительскимъ и направлялъ понемножку на порядокъ законный. Потомъ, видя, что ябедники, возбуждая народъ къ тяжбамъ, питаются отъ того, придравшись къ тому, что многіе просители признавались въ незнаніи написаннаго, а другіе совсѣмъ другой смыслъ и уменьшенныя претензіи объявляли чрезъ переводчика, я публиковалъ, чтобы всякой Татаринъ, желающій мнѣ жаловаться или доносить, писалъ бы на своемъ языкѣ, дабы не могъ отзываться незнаніемъ. Представленіе о семъ министру внутреннихъ дѣлъ удостоено апробаціею государя.

Начавъ строго поступать съ писателями прошеній и наблюдать, чтобы градскія и земскія полиціи были исправнѣе, утишилъ я сіе волненіе; многократно представляя, наконецъ достигъ, что присутствующихъ гражданскаго

Сочинитель вѣроятно думалъ сказать: въ хо
му столу и удобствамъ житейскимъ. Между
самъ Лопухинъ (Записки, стр. 119) въ
ıбѣ своей о денежномъ вспоможеніи, гово.
ıосударю: „Не только не любилъ я пи-
и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ,
ıжетъ быть слишкомъ всегда былъ противъ
предубѣжденъ.... Не проигрывалъ я, ко-
, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожа-
, какъ, напротивъ, никогда не подавалъ я
му безъ нѣкотораго безпокойства о томъ,
е мало ли даю ему. Были обстоятельства,
ıторыхъ разумъ мой считалъ должнымъ
ился удерживать мою руку, но ни одного,
но, раза не успѣлъ.» Всѣ преданія увѣря-
зъ искренности послѣднихъ словъ памят-
Москвы мартиниста. Онъ дѣйствительно
алъ неимущимъ щедро; но для своихъ по
і бралъ займы у людей достаточныхъ, не
лъ этихъ долговъ и тѣмъ разорилъ мно-
Старожилы подтверждаютъ и отзывъ Д.
ртваго о наклонности И. В. Лопухина къ
веннымъ удовольствіямъ; сличи Р. Арх.
изд. 2-е, стр 588 *П. Б.*

Лопухина, Записки, стр. 118: «За особы-
ıомѣ комиссіи, отъ государя порученіями,
пѣвъ до позднихъ чиселъ февраля выѣхать
Крыма, пріѣхалъ я ... въ Петербургъ ... въ
1803 г., выѣхалъ изъ него въ августѣ
года». *П. Б.*

и уголовнаго суда отрѣшили отъ должностей и на мѣсто ихъ опредѣлили другихъ. Всѣхъ капитанъ-исправниковъ, многихъ засѣдателей также и полицеймейстеровъ перемѣнили. Теперь сдѣлалось, что жалобщиковъ почти нѣтъ, дѣла идутъ скорѣе; обыватели довольнѣе и трудолюбивѣе становятся. Не только смертныя убійства прекратились, но и воровства мало слышно. Тотчасъ все находится, и виновные наказываются.

Сенаторъ Лопухинъ, въ концѣ 1805 года, возвращенъ въ сенатъ. Предсѣдательство въ коммиссіи препоручено мнѣ. Сокращая порядокъ въ производствѣ дѣлъ, и вмѣсто прежнихъ въ губернское правительство посылаемыхъ толстыхъ сообщеній, принявъ на себя предписывать градскимъ и земскимъ полиціямъ о призывѣ просителей и отвѣтчиковъ, или о вспросѣ, кого о чемъ спросить надобно, облегчилъ правительство, и дѣло пошло успѣшнѣе.

Въ послѣдствіи открылось, что проситель, отъ имени коего жалоба подана, и не зналъ о ней и не имѣлъ надобности просить. Отвѣтчики, на коихъ жаловались съ изъясненіемъ поступковъ безчеловѣчныхъ и непростительныхъ, вовсе не имѣли той земли. Словомъ, по прежнему порядку, въ коммиссіи заведенному, напрасно въ газетахъ публиковались люди въ обидныхъ для нихъ выраженіяхъ, и общая молва удостовѣрила о истинѣ, что ябедники, желая обидѣть, писали прошенія отъ людей, коихъ нѣтъ и, ложно описывая беззаконія и мерзости, искали только оклеветать имъ противнаго человѣка. Къ подачѣ прошенія дешево нанимали они Татаръ, ничему не подвергающихся, ибо сенаторъ и никто изъ членовъ его и секретарей не читалъ прошеній, а, только принимая, клали въ кучу.

Поелику въ правилахъ сказано, что всякой долженъ быть вопрошенъ и всякой долженъ представить права на землю, которую считаетъ своею, или въ замѣну документовъ присягнуть тяжкою для Татаръ клятвою; притомъ же дана воля всѣмъ мириться, и коммиссіи не велѣно доискиваться остатковъ казнѣ принадлежать могущихъ: то, полагая, что невозможно простому поселянину ходатайствовать по своему дѣлу, тѣмъ менѣе нанять стряпчаго, и никакъ не можно сдѣлать, чтобы всѣ истцы и отвѣтчики въ одно время явились въ коммиссію; слѣдовательно примирять нѣтъ средства, я предложилъ членамъ, что полезно бы было имъ ѣздить на мѣста споровъ, гдѣ всѣ участвующіе люди безъ отягощенія могутъ быть собраны вмѣстѣ. По измѣреніи спорныхъ участковъ и по принятіи документовъ, явно будетъ, кому что присуждено быть должно. И такъ, избѣгая производства и судебнаго рѣшенія, можно соглашать спорющихся къ примиренію, которое навсегда утверждать коммиссія должна. Симъ не только облегчается она въ дѣлахъ, но и укоренять можетъ согласіе людей, вражду миролюбно прекращающихъ.

Члены мои, большое жалованье и столовыя деньги получающіе, примѣтили близость конца коммиссіи, имъ любезной, будучи при томъ подстрекаемы отъ прежняго ихъ начальника, мѣсто сіе имъ давшаго, и который удостовѣрялъ, что коммиссія очень тяжкая, четырнадцать лѣтъ существовать долженствующая, достойна великаго вниманія и милости государской, и что члены, въ ней находящіеся, несутъ трудъ чрезмѣрный. И такъ, опираясь на мнимую его силу, начали *(члены коммиссіи)* явно противиться моимъ распоряженіямъ: никто ничего

не сталъ дѣлать; на всякомъ шагу споры, голоса; словомъ, совершенная остановка.

Долго я страдалъ, будучи въ недосугахъ по другимъ мнѣ порученнымъ дѣламъ. Нѣсколько времени спорилъ я съ членами, желая имъ доказать пользу отъ скораго окончанія коммиссіи; цѣлые дни просиживая въ присутствіи съ ними, видѣлъ невозможность успѣть. Наконецъ многія ихъ непослушанія противузаконныя, въ журналахъ записанныя, представилъ я на разсмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, и представилъ ему о порядкѣ, который мнѣ кажется способомъ прекратить споры скорѣе, и сверхъ общаго добра окончить существованіе коммиссіи, коей содержаніе не мало денегъ стоитъ.

За споры приказано было военному губернатору Дюку де-Ришелье попенять моимъ членамъ, а о порядкѣ, мною представленномъ, получилъ я именный указъ, коимъ велѣно все то дѣлать, что̀ отъ меня къ министру писано было. Унятые члены и облегченный порядокъ причиною, что съ сентября 1806 года по апрѣль 1807 рѣшено дѣлъ 105, разсмотрѣніемъ приведено къ окончанію 116, остается 173, которыя уповаю кончить въ теченіи сего года.

Народъ сдѣлался спокойнѣе и трудолюбивѣе. Примѣръ рѣшенныхъ дѣлъ показываетъ путь къ примиреніямъ. Казна донынѣ сбережена отъ обѣщанныхъ вознагражденій за отчужденныя земли. Всякой входитъ въ черту, справедливостію назначенную.

Распространясь о дѣлахъ коммиссіи, прервалъ я изъясненіе о состояніи губерніи и вообще о дѣлахъ мнѣ порученныхъ; возвращаясь, начну по порядку.

Входя въ состояніе дѣлъ губернскихъ, нашелъ я, что во время войны съ Турками, въ 1787 году начеппей-ся, переселенные изъ Бессарабіи Ногайцы, коимъ отведена обширная земля по берегу Азовскаго моря до Молочныхъ водъ, будучи управляемы плутомъ Баязетъ-беемъ (всѣхъ начальниковъ подарками, подлостями и всѣмъ чѣмъ можно улещавшимъ) разсыпаясь по всѣмъ того края степямъ, производятъ воровства, злодѣйства и причиняютъ совершенное препятствіе умноженію переселенія порядочныхъ людей на обширныя и добраго качества земли Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ. Изслѣдуя о томъ подробно, обнаружа пакости, представилъ я министру. Доведено сіе до свѣдѣнія государя и поручено военному губернатору генералу Розенбергу (47), тогда въ Петербургъ пріѣхавшему, войти въ разсмотрѣніе, удалить Баязетъ-бея и сдѣлать полезную въ Ногайскомъ народѣ перемѣну.

Розенбергъ, до подарковъ лакомый, былъ знакомъ съ Баязетъ-беемъ. Безграмотный сей генералъ мастеръ только былъ подписывать свое имя; имъ управляли секретари (равно какъ и онъ деньги, лошадей и всякаго рода подарки любящіе, съ тою только противу него отмѣною, что имѣли знанія больше, а совѣсти, можетъ быть, меньше). Гордость нѣмецкая, усиленная давностію службы и многими знаками отличія, была подстрекаема и тѣмъ, что, не свидавшись съ нимъ, вступилъ я въ должность, сталъ строго поступать со многими чиновниками, изъ коихъ нѣкоторые имъ опредѣлены были, и пользуясь временемъ его отсутствія и правами, закономъ данными, перемѣнилъ, выгналъ и вновь опредѣлилъ людей въ мѣстахъ полицейскихъ.

---

(47) См. о немъ въ Запискахъ гр. Комаровскаго, Р. Архивъ 1867, стр. 531, 553 и др. *П. Б.*

По пріѣздѣ въ Крымъ встрѣча мнѣ была ласковая [illegible]. По нѣсколькихъ свиданіяхъ, я сталъ наблюдателемъ. Онъ растрогался: пошли мирные переговоры, и наконецъ приняты взаимно условія, чтобы не слушать никакихъ разсказовъ и не спорить намъ ни въ чемъ; что мысль, въ его отношеніяхъ содержащуюся, стану я принимать происходящею отъ него; слова же буду понимать происходящими отъ секретаря. Онъ обѣщалъ не мѣшаться въ мелочи, коими усиливаться и ослабляться можетъ моя власть, для утвержденія порядка и прокураціи нужная; я содѣйствовать мнѣ будетъ силою довѣренности, которою онъ удостоенъ отъ государя; а я стану обо всемъ къ нему относиться и чтить его, какъ слѣдуетъ начальника.

Поелику сей договоръ не былъ утвержденъ поручительствомъ его секретарей, то лишь разстались мы, былъ нарушенъ. Всѣ приходящія отъ него бумаги были вопреки моимъ представленіямъ. Скоро онъ пожаловался, что опредѣлялъ я чиновниковъ и представлялъ для опредѣленія къ министру безъ его согласія, и исходатайствовалъ повелѣніе у государя, чтобы я представлялъ къ нему объ опредѣленіи и удаленіи отъ должностей чиновниковъ. Потомъ сталъ онъ, или лучше сказать, секретари его брать сторону судей гражданскаго и уголовнаго суда. Всѣ, мною одобряемые, люди подвергались бѣдамъ, всѣ мъ преданные суду являлись правы. Розенбергъ утверждалъ рѣшеніе, а я былъ долженъ исполнять, ибо противу всякаго дѣла заводить тяжбу нельзя и успѣть не можно. Между тѣмъ сенатору Лопухину при мнѣ начало быть стыднѣе, коего перестали чествовать, встрѣчать и провожать, и коему часто я говорилъ при многихъ, что [illegible] начать свое дѣло, а что безъ того нельзя быть никакому въ губерніи порядку. Все сіе его возмутило противу меня: онъ соединился съ Розенбергомъ, и начали умышлять, какъ бы отъ меня избавиться.

Одобреніе моихъ поступковъ, похвала отъ министра и полученіе 1-й степени ордена Св. Анны сокращало стараніе. Они явно показывали злобу, но въ тоже время ласкались ко мнѣ и терпѣли слова мои, безъ всякой запинки имъ по правдѣ говоренныя. Въ продолженіи сего времени получилъ я именной указъ, коимъ въ двусмысленномъ штилѣ дозволялось увольнять Татаръ для переселенія въ Турецкія области. Великое число ихъ просилось, и болѣе тысячи душъ переселилось; а въ тоже время переселились къ намъ изъ Турецкихъ областей Булгары и Греки.

Полагая, что сіе есть тайное условіе правительства, я старался содѣйствовать полезной мѣнѣ, но послѣ открывается мое заблужденіе. Сколько ни писалъ я партикулярно и по формѣ императору, всегда исправно отвѣтствующему, не получилъ отвѣта, должно или нѣтъ увольнять множество Татаръ безъ разбора и опустошать Крымъ. Розенбергъ, симъ воспользуясь, писалъ, что непомѣрная моя строгость разгоняетъ людей и совершенно опустошаетъ край, хотя самъ зналъ, что строгость моя — противу судей и противу воровъ и злодѣевъ, отъ коихъ добрые люди удаляются, а не противу обывателей честно живущихъ; что Татары мною довольны, и что переселенію ихъ причина суевѣріе: Магометъ налагаетъ проклятіе на тѣхъ, которые могутъ присоединиться къ вѣрнымъ и остаются подъ властію невѣрныхъ. Кончилось сіе тѣмъ, что не

 казано увольнять Татаръ безъ раз-, предоставлено оное военному гу-:атору, и въ самомъ томъ указѣ упки мои одобрены.

аскуча безпрестанною подъяче-) войною и видя себя не въ силахъ ерживать безпорядки и беззаконія, ілъ я къ министру, просилъ исхо-йствовать увольненіе отъ моей ности. На сіе получилъ очень осклонный отзывъ, увѣдомляющій, по повелѣнію государя писано Ро-ергу, дабы онъ былъ со мною сни-ительнѣе и дружнѣе, и чтобы по-ежнѣе смотрѣлъ за его канцеля-. Мнѣ совѣтовалъ министръ искать благорасположенія, говоря, что и прежняя служба даютъ ему во на пожертвованіе съ моей сто-ı.

ь сіе время послалъ я отчетъ за авденіе соляною экспедиціею. Дѣ-он одобрены, всѣ представляемые о чиновники награждены, и я по-ілъ благоволительный рескриптъ. скорѣ присовѣтуемо Розенбергу оситься въ отставку. Онъ послу-ся и отставленъ съ полнымъ жа-ньемъ. На мѣсто его опредѣленъ о мною почитаемый, достойный вѣкъ Дюкъ-де-Ришелье.

Апрѣля 1805 года родился у ме-ынъ Николай, а 5 Іюня 1806 г. Марія.

306 годъ былъ самый для меня кой: я, жена и всѣ въ домѣ моемъ ны, и во всемъ Крыму необыкно-ю много терпѣли люди болѣзней, ого померло.

ослѣ Аустерлицкаго сраженія воз-ившіеся Французы, водимые ум-и честолюбивою головою Бона-га, начали возмущать Турковъ. трактату 1791 года, господари давской и Валахской состояли подъ итою Русскаго императора, и сул-танъ преждевременно смѣнять ихъ былъ не долженъ. Чтобы разорвать миръ, требуемо отъ Турковъ было ихъ смѣнить, и смѣнены. Россійской министръ и союзный Англійской требовали объясненія и погрозили; Турки струсили, и тотчасъ господарей къ мѣстамъ возвратили. Но между тѣмъ паши Бендерскій и Хотинскій, полагая начальной поступокъ знакомъ неизбѣжной войны, нашли у себя служащихъ офицеровъ, бывшихъ Крымскими Татарами, и у коихъ не мало родни здѣсь остается, отправили ихъ богатою рукою въ Крымъ. По причинѣ существовавшаго еще мира, они приняты въ Дубосарскомъ карантинѣ и пропущены. Получа о томъ свѣдѣніе, велѣлъ я рачительно примѣчать за поступками сихъ гостей, и открылъ многія ихъ затѣи, получа въ свои руки письма, привезенныя ими безъ карантиннаго очищенія, въ коихъ двусмысленнымъ образомъ описываемо было благоденствіе живущихъ въ Турецкой имперіи; однимъ словомъ, ясно, что пріѣхали они возмущать Татаръ. Дождавъ пріѣзда Дюка Ришелье, объявилъ я ему о томъ и о намѣреніи взять ихъ подъ караулъ, какъ виновниковъ, обманувшихъ карантинъ, провезя письма въ мѣшкѣ съ ячменемъ, и отправить для слѣдствія въ Херсонскую губернію. Кажется мнѣ, пожалѣлъ онъ чиновниковъ карантинныхъ, могущихъ пострадать отъ дѣйствія сего дѣла; и потому совѣтовалъ мнѣ отпустить ихъ обратно, какъ они о томъ уже и просили, что я и исполнилъ.

Лихорадка отъ часу болѣе разстроивала мое здоровье. Всѣхъ вокругъ себя видѣлъ я въ страдательномъ состояніи. Итакъ, посовѣтовавшись только съ женою, написалъ своею рукою прозьбу къ государю, вложа ее въ своеручное письмо къ министру, про-

силъ увольненія отъ службы, и если заслуживаю милость, то съ жалованьемъ.

Сіе прошеніе въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года отправилъ я съ курьеромъ, посланнымъ съ отчетомъ по соляной части, который былъ весьма достоинъ милостиваго воззрѣнія, какъ по причинѣ знатной суммы, въ доходъ поступившей, такъ и по увеличенію запаса соли.

Лишь возвратился я изъ Перекопа, получаю извѣстіе, что военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье со всѣми войсками, въ Крыму и по близости онаго расположенными, выступаетъ въ походъ. Ему велѣно занять крѣпости Турецкія до берега Дуная. Неизбѣжная открывается война съ Турками. Въ Крыму одинъ только новосформированный мушкетерскій полкъ, не обученный и въ которомъ 800 человѣкъ умерло, а остальные всѣ чуть живы отъ лихорадки, да егерскаго шесть ротъ въ Керчи и Еникольѣ. 73 тысячи душъ Татаръ, на коихъ полагаться можно было не много болѣе, какъ на самихъ Турокъ; отвсюду извѣстія о злыхъ отзывахъ ихъ, и что, по объявленію чиновниковъ, бывшихъ отъ Бендерскаго и Хотинскаго паши присланныхъ, Татары ожидаютъ флотъ Турецкій и готовятся начать возмущеніе. Соображая все, я видѣлъ еще возможность держаться не столько силою оружія, сколько силою уваженія, которое ко мнѣ лично у Татаръ оставалось. Полагая, что Турки въ зимніе мѣсяцы не вышлютъ флотъ въ море, оставалось еще время къ принятію мѣръ, какія только найтиться могутъ.

Я написалъ къ министру, что просилъ я увольненія отъ службы тогда, когда военный губернаторъ и войска были въ прежнихъ мѣстахъ и слѣдовательно видѣлъ я себя ненужнымъ въ службѣ, но теперь, когда выступилъ онъ съ войскомъ за границу, когда Крымъ остался пустъ, нахожу я, что служба моя здѣсь надобна, и такъ готовъ остаться, если то угодно.

До полученія сего письма написано уже мнѣ было отъ министра, что докладывалъ онъ государю по моей прозьбѣ, что его величество желаетъ, чтобы еще продолжалъ я служеніе въ Крыму; и если болѣзнь разстроила мое здоровье, то для поправленія дозволяется мнѣ на нѣсколько времени отлучиться въ Кіевъ или Малороссію. Въ заключеніе требуетъ рѣшительнаго на сіе отвѣта. Я отвѣтствовалъ, какъ-то и правда была, что здоровье мое поправляется со времени, какъ начались морозы, и что обстоятельства не дозволяютъ отлучиться. И такъ остаюсь я неподвижно въ Крыму.

По случаю смерти муфтія, на мѣсто коего по указу покойной императрицы поступить былъ долженъ Казы-Ескеръ, я писалъ Дюку-Ришелье, и просилъ его, взявъ на себя, дать мнѣ дозволеніе: собрать именитыхъ людей разнаго сословія магометанскаго закона, предоставя имъ избрать кандидатовъ для представленія государя, кому повелѣно будетъ быть муфтіемъ. Сіе нужно было потому во первыхъ, чтобы вниманіе людей занять домашними предметами, и чтобы удалить Казы-Ескера, человѣка не способнаго, корыстолюбиваго и всѣмъ сердцемъ Туркамъ преданнаго.

Получа удовлетворительный отвѣтъ отъ Дюка-де-Ришелье, послалъ я позывы всему дворянству магометанскаго закона, духовенству и волостнымъ головамъ, съ коими вмѣстѣ велѣлъ пріѣхать и исправникамъ. Между тѣмъ старался я развѣдывать о людяхъ, спознакомился сперва по слуху, а потомъ и персонально съ братомъ по

ıго муфтія, человѣкомъ честнымъ.
а не достаточное состояніе имѣю-
›. Онъ служилъ коллежскимъ ас-
омъ и переводчикомъ по секрет-
› дѣламъ при князѣ Потемкинѣ.
я намѣтилъ сдѣлать муфтіемъ,
алованья 2000 руб. въ годъ и
енныхъ доходовъ, когда не въ
то столько же.
е съ кѣмъ изъ мурзъ поговаривая
ъ, видѣлъ я, что они готовы ис-
ить по моей волѣ; оставалось ма-
исло закоренѣлыхъ стариковъ,
вшихъ возвести Казы-Ескера, по-
только, что онъ старъ и усерденъ
уркамъ. Да духовенство, поддер-
я свои права, хотѣло его же для
что каждому бы былъ лучь на-
ı быть муфтіемъ. И такъ надобно
заблаговременно стараться о пе-
ѣ на мою сторону, чтобы не ос-
я въ дуракахъ.
› назначенному въ Декабрѣ мѣ-
сроку собралось дворянъ около
десяти человѣкъ, духовенства бо-
двухъ сотъ, и 27 волостныхъ го-
кои совершенно готовы испол-
чтò велю. Я предложилъ Казы-
ру, должность первосвященника
авлявшему, что изъ уваженія къ
родному дворянству не могу я
лить, чтобы число духовныхъ для
нія кандидатовъ допущено было
, нежели собралось числомъ дво-
При томъ же и не могу я помѣс-
столь великое множество людей,
алотированія собравшихся; и такъ
ъ бы онъ имъ избрать депута-
столько числомъ, сколько есть на
дворянъ, чтò исполнено безъ вся-
прекословія, и цѣли онъ не по-

бравшемуся дворянству, духовен-
и волостнымъ головамъ объявя
ину ихъ собранія, изъясня сколь
о избрать муфтіемъ человѣка
честнаго, умнаго и трудолюбиваго (ибо онъ, сверхъ духовныхъ дѣлъ, имѣетъ обязанности раздѣлять имѣніе наслѣдникамъ) и сдѣлавъ многія поученія, которыя охотно они отъ меня слушаютъ, велѣлъ я идти въ мечеть присягать, что приступятъ и совершатъ избраніе безпристрастно; потомъ, придя въ назначенной для того домъ, балотировать кандидатовъ и оныхъ представить ко мнѣ; къ надзору за порядкомъ опредѣлилъ губернскаго предводителя и совѣтника правленія съ небольшимъ числомъ прислужниковъ.

Цѣлой день прошелъ въ прѣніяхъ, кому сколько назначать кандидатовъ для балотированія. Пришли ко мнѣ избранные отъ дворянства, духовенства и головъ, прося разрѣшенія. Я велѣлъ дворянству назначить восемь, духовенству семь и волостнымъ головамъ, яко довѣреннымъ отъ народа, пять кандидатовъ. Позвавъ тотъ день къ себѣ обѣдать человѣкъ тридцать наиболѣе противной партіи сильныхъ людей, старался я, лаская ихъ честолюбію, направлять на путь мною желанный и дѣйствительно для службы полезной.

На другой день таже исторія. И наконецъ пришли депутаты просить именемъ всѣхъ въ собраніи бывшихъ дозволенія не балотировать, а единогласно всѣмъ подписать выборъ въ муфтіи Казы-Ескера, а на мѣсто его коллежскимъ ассессоромъ Миртазу-Челебю. Я отвѣтствовалъ, что сего принять не смѣю; ибо имъ дозволяется избирать кандидатовъ для утвержденія муфтіемъ того, кто угоденъ будетъ государю.

Дѣло кончилось по моему. Мнѣ представлены два кандидата: Казы-Ескеръ и Миртаза-Челебя. Представляя о семъ министру внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ избирательнаго листа, изъ-

яснялъ я о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ и просилъ исходатайствовать званіе муфтія Миртазѣ-Челебѣ, а Казы-Ескеру, дабы былъ спокойнѣе, пожаловать подарокъ. На сіе получилъ имянной указъ о утвержденіи Миртазы-Челеби муфтіемъ, а Казы-Ескеру пожалованъ перстень.

Во время бывшаго собранія первостатейныхъ магометанъ, полученъ манифестъ, коимъ объявляется угрожаемая война отъ Французовъ, и призываются жители пограничныхъ губерній къ усиліямъ для защищенія отечества. Чрезъ посторонніе пути я внушалъ честолюбивымъ мурзамъ о возможности получить чины и отличія, а головамъ, что простые Татары, служа какъ иррегулярное войско при арміи, могутъ набогатиться и ввести въ Крымъ сокровища Нѣмецкой земли, подобно какъ на Дону у всякаго есть вещи Польскія и Турецкія, и что всякой Татаринъ, служа въ войскѣ, можетъ за отличіе получить офицерскій чинъ и вознестись въ званіе мурзинское.

Затѣявъ многіе праздники для увеселенія пріѣзжихъ гостей, показывая балы Европейскіе, и всякой день большіе для нихъ обѣды, старался я ихъ продержать подолѣе, не говоря самъ никому ничего.

Наконецъ одинъ изъ знаменитыхъ беевъ, болѣе со мною знакомый, заводитъ разговоры о манифестѣ, и наконецъ, какъ бы опасаясь моего несогласія, предлагаетъ, что хотятъ они просить службы. Я отвѣтствовалъ, что намѣреніе очень хорошо: но надобно это сдѣлать порядкомъ и испросить дозволенія. Потомъ, разговаривая откровеннѣе и воображая, что будетъ онъ полковникомъ, какія славныя будемъ мы слышать о немъ вѣсти, съ какими знаками отличія и выгодами онъ возвратится, въ какомъ почтеніи сдѣлается у всѣхъ, какую всѣ нужду имѣть будутъ въ его покровительствѣ, и тому подобное; словомъ, сей молодой человѣкъ, сдѣлавшись внѣ себя, лишь возвратился домой, осѣдлалъ лошадь, поскакалъ къ уѣхавшему уже въ деревню старику богатѣйшему и почтеннѣйшему изъ Крымцевъ.

На другой день поутру является ко мнѣ депутація отъ мурзъ, во всю ночь совѣтовавшихся, съ предложеніемъ общаго желанія служить при арміи. Похваля ихъ усердіе, я дозволилъ сдѣлать приговоръ дворянской и чрезъ губернскаго предводителя мнѣ представить. Оный я написалъ самъ и чрезъ скрытные пути имъ препроводилъ. Все написано на Татарскомъ языкѣ; переводъ списанъ съ даннаго отъ меня. Я призываю волостныхъ головъ, сказываю имъ о представленіи дворянскомъ. Всѣ единогласно, отъ имени всего народа, объявляютъ желаніе служить. Вѣтренный народъ, какъ и всѣ въ жаркихъ климатахъ, такой огонь показывалъ, что казалось могъ бы я вооружить всѣхъ до единаго, и повести на войну, куда хочу.

На другой день приказалъ я всѣмъ собраться ко мнѣ; вступилъ въ пространное поле разсужденій, сколь полезно имъ службою войти на ровную степень съ коренными сынами новаго ихъ отечества, гдѣ правленіе кроткое, человѣколюбивое и въ разсужденіи многолюдства, обширности и силы мало требующее пожертвованій отъ обитателей. И такъ, предпринимая похвальное и выгодное для нихъ дѣло, надобно обдумать, чтобы исполнено было успѣшно и удостовѣрило бы правительство, что Татары вѣрны и люди хорошіе, и что нынѣшніе не похожи на тѣхъ безпорядочныхъ людей, которые въ прошедшую войну были из-

ы для службы въ Польшѣ, не при-
и никакой пользы, много стоили
гъ и много безпорядковъ надѣ-
. Всѣ единогласно говорили мнѣ,
когда начальство допустило многіе
рядки и злоупотребленія, брали
ги съ богатыхъ, дозволяя имъ вмѣ-
ебя нанимать бродягъ, цыганъ и
уховъ; и такъ чему же быть доб-
; что при моемъ правленіи этого
не можетъ. Окончилось тѣмъ, что
едставилъ министру внутреннихъ
приговоръ дворянской; писалъ,
сіе дѣло полезно быть можетъ,
для арміи, такъ и для спокойст-
въ Крыму: ибо дѣти именитыхъ
ъ и Татаръ, находясь въ отдале-
будутъ служить аманатами. От-
я всѣхъ на собраніе бывшихъ во-
и, рекомендовалъ я приготовлять-
походу; ибо не могъ подумать,
ы не охотно сіе было принято.

знача къ отправленію шесть пол-
, избравъ богатѣйшихъ беевъ и
ъ полковниками, препоручилъ я
собирать охотниковъ, имѣя въ
метѣ, что войны жаждующіе обы-
и опасны въ краѣ, гдѣ отъ вол-
народнаго находится сумнѣніе.
е было почти исполнено, всѣ пол-
хотниками изъ горскихъ Татаръ
ь городскихъ обывателей были
плектованы; мирные степные Та-
, уклоняясь отъ службы, обѣ-
дать снабженіе храбрецамъ. Всѣ
ые дворяне записались желаю-
служить. Ни одной мурзинской
не оставалось, изъ коей бы не
отовлялся сынъ или племянникъ
ужбу.

корѣ за симъ получается мани-
, повелѣвающій собрать милицію
ысячъ человѣкъ въ теченіи двухъ
ь. Вещь трудная, но исполнен-
самымъ дѣйствомъ, и показавшая
ясно духъ Русскаго народа и силу государства. Таврическая губернія въ числѣ многихъ не введена въ составъ милиціи, но ей дозволено добровольными пожертвованіями содѣйствовать общему ополченію. Дворянство, купечество и народъ, при всемъ недостаточествѣ и малолюдствѣ, назначили болѣе 200 тысячъ р. Дворянство представило мнѣ, прося исходатайствовать дозволеніе вооружить милицію въ Крыму и внѣ онаго. Крестьяне по волостямъ, сдѣлавъ приговоры, изъявляющіе желаніе служить отечеству, всѣ до единаго, стали изготовляться: косы преобразили въ палаши, во всѣхъ кузницахъ вездѣ ковали пики. Всѣ сушили сухари, и въ короткое время вся губернія готова была выступить въ походъ и драться съ непріятелемъ. О семъ также чрезъ нарочнаго отъ дворянъ избраннаго депутата представилъ я г. министру внутр. дѣлъ. Чрезъ два мѣсяца получается резолюція, чтобы сформировать регулярные полки изъ Татаръ, въ кои офицеры и шефы будутъ опредѣлены Русскіе по обыкновеному порядку; изъ мурзъ составить лейбъ-сотню для службы при государѣ. О внутренней милиціи выведены справкою дѣла совсѣмъ постороннія, людей огорчающія и исполненію полезнаго препятствующія. И сіе поручено Дюку-Ришелье, съ уполномоченіемъ сдѣлать такъ ли, какъ я представлялъ, или иначе, по его благоразсмотрѣнію. Сіе повелѣніе во время болѣзни Дюка получилъ маркизъ Траверсе, и передалъ его мнѣ къ исполненію, пиша, что и Дюкъ остав ляетъ сіе въ полную мою власть.

Разумѣется, что сіе было обидно для меня и унизительно, и могло бы произвести вредное для службы вліяніе, если бы личное ко мнѣ уваженіе отъ моихъ подчиненныхъ не было, какъ

кажется, болѣе нежели къ самому вышнему правительству.

О Татарскихъ полкахъ оригинальное предписаніе министра, волю государя объявляющее, и копію разсужденія, составленнаго для сего комитета прислалъ мнѣ Дюкъ-де-Ришелье при письмѣ, изъясняя, что онъ боленъ, никакихъ дѣлъ производить не можетъ и потому предоставляетъ мнѣ исполнить приказанное. А съ тою же почтою получаю отъ него другое письмо, что по высочайшей волѣ передалъ онъ всѣ препорученныя ему должности адмиралу маркизу-де-Траверсе впредь до его выздоровленія.

Видя, что титулами и чинами отличенные, хитрые Французы, друзья между собою, чувствуютъ невозможность исполнить приказанное и опасаются сказать истину, могущую огорчить министровъ, легко о дѣлѣ судившихъ, и коихъ вредное и для Крыма опасное предположеніе государь одобрилъ, нашелся я въ необходимости взять также свои мѣры. Представя маркизу-де-Траверсе присланныя отъ Дюка бумаги, отозвался я, что, когда ему поручено исправлять его должность, то не осмѣливаюсь я приступить къ сему дѣлу. Онъ требовалъ моего мнѣнія, и очень дружески мнѣ писалъ, обѣщаваясь сообразоваться оному и содѣйствовать къ утвержденію моихъ распоряженій. Я написалъ объясненіе противу разсужденій министерскихъ, ясно показавъ неудобство формировать изъ Татаръ регулярные полки подъ начальство Русскихъ офицеровъ, потому паче, что рѣдкой Татаринъ нѣсколько словъ Русскихъ знаетъ, слѣдовательно и понимать одинъ другаго не могутъ; притомъ же во время, когда войска въ Крыму мало, когда безпрестанно ожидается нашествіе Турокъ, и опасаются возмущенія отъ Татаръ; то вообразили бы, какія могутъ быть слѣдствія отъ невольнаго опредѣленія Татаръ въ службу имъ неизвѣстную, подъ начальство людей, коихъ они разумѣть не могутъ, и въ коей не будутъ участвовать мурзы, всегда надъ Татарами властвовавшіе. При отправленіи сихъ бумагъ, отправилъ я къ маркизу молодаго мурзу, сына богатѣйшаго и сильнаго въ народѣ Крымскомъ помѣщика, коего уже нѣсколько образовалъ я, часто при себѣ имѣя, и котораго по моей просьбѣ Дюкъ-де-Ришелье взялъ съ собою во время похода въ Молдавію и Бессарабію. Я просилъ при представленіи своемъ послать сего мурзу на показъ, какіе офицеры съ Татарскими полками быть могутъ.

Маркизъ вмѣсто отвѣта отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ оригиналѣ мое къ нему писаніе и препроводилъ съ своимъ курьеромъ посланнаго отъ меня мурзу. По словамъ его и по послѣдствіямъ видно, что одобрялъ онъ мое мнѣніе, въ слѣдствіе чего посланный мурза былъ представленъ государю: онъ говорилъ съ нимъ, и получено повелѣніе, когда не удобно сформировать регулярные полки, то отправилъ бы Дюкъ-де-Ришелье на службу Татаръ и тѣмъ порядкомъ, какъ я представлялъ.

Въ теченіи сего времени получается секретное увѣдомленіе, что Французское правительство требуетъ отъ Турокъ продолжать оборонительную войну противу Русскихъ войскъ, до берега Дуная дошедшихъ, всѣ жъ силы обратить на Крымъ, безъ войскъ оставленный. Въ слѣдствіе чего одиннадцать линейныхъ кораблей, мѣдью обитыхъ, съ нѣсколькими мелкими военными судами пріуготовляются и уже находятся въ каналѣ Константинопольскомъ. На Турецкомъ флотѣ

о офицеровъ Французской служ-
Посланникъ генералъ Себастіани
оряжаетъ всѣмъ, и люди всѣхъ
й, Франціи подчинившихся, нахо-
еся въ Константинополѣ, сажа-
на суда со многимъ числомъ
ювъ для высадки на берега Кры-
У насъ всего шесть кораблей, изъ
ъ три никуда не годятся. Сухо-
аго войска, готоваго къ оборонѣ
и двухъ тысячь человѣкъ.

іапской паша, получа фирманъ
анской, объявилъ горцамъ о вой-
ротиву Россіи; обнадеживанія и
бія были причиною, что вся Ку-
кая граница сдѣлалась въ огнѣ;
ствія раззорили нѣсколько селе-
плѣнили нѣсколько людей. Чер-
скіе казаки начали оборонитель-
войну.

ъ Евпаторійскаго земскаго ис-
ника получилъ я рапортъ о заго-
къ бунту. Двое Татаръ изъ Кон-
тинополя въ гости пріѣхавшихъ,
чи здѣшніе уроженцы, предлага-
то вскорѣ прибудутъ къ берегамъ
цкіе корабли съ высаднымъ вой-
ъ, коимъ должны магометане со-
твовать къ истребленію въ Кры-
оссійской власти. И когда имъ го-
ю было, что развѣ они не знаютъ,
прилежно на поступки всѣхъ
ѣчается, и что народъ любитъ
рнатора, при коемъ нельзя сего
ать, то объявили они намѣреніе,
ачалѣ заманя къ себѣ волостнаго
зу имъ сумнительнаго, арестовать
убить; потомъ ѣхать въ ближай-
къ Симферополю селеніе, гдѣ най-
они довольно единомышленныхъ
людей, съ оными пріѣхать въ го-
, раздѣлясь для всѣхъ непримѣт-
ь образомъ, и выманя меня подъ
мъ ни есть предлогомъ, отрубить
зу, и оную воткнувъ на копье, — ѣхать по всему Крыму бунтовать народъ.

Тотчасъ велѣлъ я послать повелѣніе волостному головѣ, въ вѣдомствѣ коего сіи гости жительствовали, чтобы явился ко мнѣ; они не послушались, объявляя, что будутъ стрѣлять, если кто силою брать ихъ осмѣлится. Голова, оставя караулъ изъ Татаръ, самъ ко мнѣ явился съ донесеніемъ. Я послалъ исправника съ четырьмя человѣками драгунъ штатной команды и четырьмя казаками; а между тѣмъ отправилъ впередъ засѣдателя изъ знаменитыхъ здѣшнихъ мурзъ, приказавъ объявить жителямъ, что, если они не возмутъ ихъ и не представятъ, то сочтены будутъ единомышленниками, и я намѣренъ ихъ выслать изъ Крыма въ степныя селенія, и всѣ камни, изъ коихъ избы ихъ построены, разнести; словомъ, не оставить знака деревни.

Мурза, отъ всѣхъ уважаемый, былъ принятъ учтиво, произвелъ страхъ и сдѣлалъ, что жители отъискали мать сихъ Татаръ, за другимъ мужемъ находящуюся. Ее и всѣхъ ихъ родственниковъ собравъ вмѣстѣ, послали впередъ просить помилованія у запершихся въ каменной и отъ селенія удаленной избѣ воиновъ, увѣряя, что я милостивъ, и если они признаются въ истинѣ доноса, то ничего имъ не сдѣлавъ, вышлю только за границу. Они снизошли на просьбу, и сельской начальникъ, взявъ ихъ, встрѣтилъ ѣдущую команду.

Когда сіи герои приведены ко мнѣ были, объявилъ я доносъ, не объявляя отъ кого. Они отвѣтствовали, что ничего не знаютъ и будто все то ложное. Отправя ихъ подъ стражу на военную гаубвахту, велѣлъ я посадить розно, сказавъ, что покажу имъ людей, кому они что говорили; и такъ подумали бы хорошенько и рѣшились сказать прав-

ду; между тѣмъ, приказалъ съискать людей на нихъ донесшихъ, которые объявили, что готовы ихъ уличать. При семъ случаѣ видѣлъ я привязанность ко мнѣ народа. Они говорили, что обезпамятѣли, услыша о намѣреніи „тебя убить, нашего милостиваго губернатора“.

На другой день далъ я имъ вопросные пункты, и велѣлъ, не объявляя всѣхъ, вопрошать по порядку, одного за другимъ, и каждаго порознь. Они показали, что въ прошломъ еще году выѣхали изъ Константинополя, съ намѣреніемъ волновать Крымцевъ; знакомство и дружбу наиболѣе имѣли именно съ тѣми людьми, которые доносъ на нихъ сдѣлали; что во время, когда весь народъ собирался на службу при арміи, не осмѣливались они открывать намѣренія, ибо видѣли его усерднымъ къ государю Русскому. Но когда пошла молва, что Татарскихъ полковъ не будетъ, а хотятъ какіе то на Русской манеръ, то, примѣтя въ народѣ большое неудовольствіе, рѣшились начать свое предпріятіе, ожидая вскорѣ и Турецкаго флота. Меня хотѣли убить для того, что имъ казалось, если народъ увидитъ мою голову на копьѣ, то весь поднимется бунтовать. Потомъ одинъ изъ сихъ Татаръ сказалъ переводчику, что имѣетъ еще сказать важное, но никому кромѣ одного меня не скажетъ

Приглася къ себѣ муфтія, призвалъ я сего Татарина. На вопросъ, что такое объявить мнѣ желаетъ, отвѣтствовалъ онъ, что при свидѣтеляхъ мнѣ не скажетъ. Но какъ я ему сказалъ, что нѣтъ пользы оставаться намъ наединѣ; ибо я по татарски, а онъ по русски не умѣемъ, и такъ не лучше ли будетъ объявить муфтію, который въ то время сталъ ему что-то говорить; послѣ сего онъ объявилъ, что, находясь въ Константинополѣ, былъ онъ во услуженіи у одного изъ придворныхъ, который при началѣ смутныхъ въ прошломъ году обстоятельствъ представилъ его султану въ домашнихъ комнатахъ.

Султанъ ему сказалъ: «Ступай въ Крымъ, узнай много ли тамъ войска; и узнай, хотятъ ли Татары служить мнѣ, или хотятъ быть вѣрны государю Русскому.»—„Итакъ, я сказалъ, зачѣмъ же ты не исполнилъ, что было приказано?“ Онъ отвѣтствовалъ, что онъ духовный, служитъ Богу, и отъ Него получилъ бы воздаяніе, превзойдя мѣру повелѣнія султанскаго.

По окончаніи разговоровъ и допроса при бытности муфтія, велѣлъ я отвести ихъ на гаубвахту, и объявя (о чемъ и донынѣ всѣ увѣрены), будто подобныя дѣла долженъ я вмѣстѣ съ подозрѣваемыми представлять военному губернатору, велѣлъ сковать ихъ въ желѣза, и на другой день въ препровожденіи двухъ драгуновъ и двухъ казаковъ отправилъ въ Николаевъ къ маркизу де-Траверсе

Таковыя произшествія и свѣдѣнія показывали мнѣ надобность отправить изъ Крыма мою семью—единственное мое утѣшеніе. Еще при началѣ смутныхъ обстоятельствъ, предвидя слѣдствія, сталъ я располагать къ тому и разглашать, что обстоятельства домашнія требуютъ, чтобы жена моя повидалась съ ея матерью. И такъ непремѣнно ожидая, что послѣ равноденствія вскорѣ явится Турецкій флотъ, выдумалъ я надобность ѣхать на границу губерніи, чтобы сдѣлать распоряженіе о образованіи милиціи за Перекопомъ и симъ ускорилъ отъѣздъ жены моей, которую могъ проводить 200 верстъ.

За Перекопомъ берегъ Чернаго моря, простираясь до Кинбурна слиш-

на 200 верстъ, имѣетъ во мно- мѣстахъ хорошія пристани. 80 человѣкъ казаковъ находи- для надзора. Неудаленно отъ бе- ь имѣются селенія изъ Малорос- Затѣмъ простирается степь, на- нная для общаго пастбища. По у Сиваша и въ глубину степи ьствуютъ древніе Крымскіе обы- и, Киргизами называемые. За- нѣсколько разстоянія незаселен- степи, до рѣки Молочной, отдѣля- ительство Ногайцевъ, въ прош- ойну изъ Бессарабіи переселен- , ихъ числомъ до 9000 душъ. По- ъ я увѣдомленіе, что генералъ, дующій войсками у береговъ і, согласилъ до 7000 душъ Та- Буджакскихъ, которые ему без- ны были къ переселенію на Мо- ія воды для совмѣстнаго житель- ъ Ногайцами, имъ единоплемен-

последнюю войну съ Турками, на Кинбурнской косѣ и противу , гдѣ есть удобство приставать ъ, находился цѣлый корпусъ ре- ныхъ войскъ, но и тогда Турки и покушеніе, и нѣсколько людей леній въ плѣнъ взяли.

суждая, хотя теперь не тѣ об- льства, у Турокъ нѣтъ Очако- лизкаго къ Крыму пристанища, амыхъ береговъ Дуная всѣ мѣ- няты Россійскими войсками; но Турецкой флотъ, приближась къ ымъ нашимъ, выиграетъ, что и удрено, морское сраженіе, тогда ему будетъ, дѣлая вездѣ безпо- во, воспламенять Татарскіе умы гежу. Ногайцы и вновь пересе- іе Буджакскіе Татары, соединясь ргизами, подогнавъ лошадей къ у моря, дадутъ пособіе Турецко- садному войску; оно можетъ рас- ранить бѣду во внутрь Россіи.

Къ предупрежденію сихъ происше- ствій рѣшился я формировать вну- треннюю милицію внѣ Крыма, назна- ча четыре пункта для содержанія по сотнѣ: два противу мѣста, гдѣ высад- ка быть можетъ, два при границѣ зем- ли Ногайской и по станціямъ на пу- ти отъ Перекопа къ Бериславлю, на пути отъ Перекопа къ Никополю, и на пути отъ Перекопа чрезъ Гени- ческъ до Молочныхъ водъ. Поставлен- нымъ на пути къ Бериславлю прика- зано ничьи табуны не пропускать на земли для общаго пастбища, къ Чер- ному морю простирающіяся, толкуя, что оныя назначены для зимовниковъ, слѣдовательно надобно поберечь тра- ву отъ потоптанія. Таковое повелѣніе далъ я и стражѣ по пути къ Никопо- лю; опредѣленнымъ по пути, къ Молоч- нымъ водамъ чрезъ селенія Татарскія и Киргизскія лежащему, велѣно при- мѣчать за поведеніемъ Татаръ, какъ равно и тѣмъ, кои сотнями поставлены при окончаніи ихъ дачи. А сотнямъ близь Чернаго моря препоручено дѣ- лать разъѣзды, и кольскоро усмотрятъ приближеніе флота непріятельскаго, обвѣстили бы ближайшихъ селеній жи- телей, способствовали ихъ удаленію и отгону скота, а паче лошадей, и увѣдо- мя начальство, примѣчали на дѣйствія непріятеля. Я полагалъ: если высажен- ные Турки, не встрѣчая препятствія, пойдутъ во внутрь земли для отыска- нія людей и лошадей и отдалятся на нѣкоторое разстояніе, то при первой усталости и темнотѣ ночной неболь- шое число вооруженныхъ жителей изъ бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, се- го рода военныя хитрости знающихъ, побьютъ или прогонятъ. Если же Тур- ки, вышедъ на берегъ, станутъ укрѣп- ляться, тогда, принявъ осторожность о удержаніи Татаръ, надлежать бу- детъ регулярнымъ войскамъ (отколѣ

По прїѣздѣ въ Крымъ, встрѣча наша была настоящая баталія словесная. По нѣсколькихъ стычкахъ, я сталъ побѣдителемъ. Онъ ретировался; пошли мирные переговоры, и наконецъ приняты взаимно кондиціи, чтобы не слушать никакихъ разсказовъ и не ссориться намъ ни въ чемъ; что мысль, въ его отношеніяхъ содержащуюся, стану я принимать происходящею отъ него; слова же буду понимать происходящими отъ секретаря. Онъ обѣщалъ не мѣшаться въ мелочи, коими усиливаться и ослабляться можетъ моя власть, для утвержденія порядка и правосудія нужная, и содѣйствовать мнѣ будетъ силою довѣренности, которою онъ удостоенъ отъ государя; а я стану обо всемъ къ нему относиться и чтить его, какъ слѣдуетъ начальника.

Поелику сей договоръ не былъ утвержденъ поручительствомъ его секретарей, то лишь разстались мы, былъ нарушенъ. Всѣ приходящія отъ него бумаги были вопреки моимъ представленіямъ. Скоро онъ пожаловался, что опредѣлялъ я чиновниковъ и представлялъ для опредѣленія къ министру безъ его согласія, и исходатайствовалъ повелѣніе у государя, чтобы я представлялъ къ нему объ опредѣленіи и удаленіи отъ должностей чиновниковъ. Потомъ сталъ онъ, или лучше сказать, секретари его брать сторону судей гражданскаго и уголовнаго суда. Всѣ, мною одобряемые, люди подвергались бѣдамъ, всѣ жъ преданные суду являлись правы. Розенбергъ утверждалъ рѣшеніе, а я былъ долженъ исполнять, ибо противу всякаго дѣла заводить тяжбу нельзя и успѣть не можно. Между тѣмъ сенатору Лопухину при мнѣ начало быть стыднѣе, коего перестали чествовать, встрѣчать и провожать, и коему часто я говорилъ при многихъ, что пора коммиссіи начат[...] свое дѣло, а что безъ того нельзя быт[...] никакому въ губерніи порядку. Вс[...] сіе его вооружило противу меня, он[...] соединился съ Розенбергомъ, и началъ умышлять, какъ бы отъ меня изб[...]виться.

Одобреніе моимъ поступкамъ, п[...]хвала отъ министра и полученіе 1-[...] степени ордена Св. Анны сокращал[...] стараніе. Они явно показывали злобу[...] но въ тоже время ласкались ко мнѣ[...] терпѣли слова мои, безъ всякой запи[...]ки имъ по правдѣ говоренныя. Въ пр[...]долженіи сего времени получилъ [...]именной указъ, коимъ въ двусмысле[...]номъ штилѣ дозволялось увольня[...] Татаръ для переселенія въ Турецкі[...] области. Великое число ихъ просилос[...] и болѣе тысячи душъ переселилось; [...] въ тоже время переселились къ нам[...] изъ Турецкихъ областей Булгары [...] Греки.

Полагая, что сіе есть тайное усл[...]віе правительства, я старался содѣ[...]ствовать полезной мѣнѣ, но послѣ о[...]крывается мое заблужденіе. Сколь[...]ни писалъ я партикулярно и по форм[...] императору, всегда исправно отвѣ[...]ствующему, не получилъ отвѣта, долж[...]но или нѣтъ увольнять множество Т[...]таръ безъ разбора и опустошат[...] Крымъ. Розенбергъ, симъ воспольз[...]ясь, писалъ, что непомѣрная моя стр[...]гость разгоняетъ людей и совершенн[...] опустошаетъ край, хотя самъ зналъ[...] что строгость моя — противу судей [...] противу воровъ и злодѣевъ, отъ коих[...] добрые люди удаляются, а не против[...] обывателей честно живущихъ; чт[...] Татары мною довольны, и что пересе[...]ленію ихъ причина суевѣріе: Маго[...]метъ налагаетъ проклятіе на тѣхъ[...] которые могутъ присоединиться к[...] вѣрнымъ и остаются подъ властію не[...]вѣрныхъ. Кончилось сіе тѣмъ, что [...]

зано увольнять Татаръ безъ раз- предоставлено оное военному гу- тору, и въ самомъ томъ указѣ пки мои одобрены.
:куча безпрестанною подъяче- войною и видя себя не въ силахъ живать безпорядки и беззаконія, ъ я къ министру, просилъ исхо- ствовать увольненіе отъ моей юсти. На сіе получилъ очень склонный отзывъ, увѣдомляющій,) повелѣнію государя писано Ро- ргу, дабы онъ былъ со мною сни- тельнѣе и дружнѣе, и чтобы по- жнѣе смотрѣлъ за его канцеля- Мнѣ совѣтовалъ министръ искать лагорасположенія, говоря, что и прежняя служба даютъ ему на пожертвованіе съ моей сто-

сіе время послалъ я отчетъ за ценіе соляною экспедиціею. Дѣ- и одобрены, всѣ представляемые чиновники награждены, и я по- ъ благоволительный рескриптъ. орѣ присовѣтуемо Розенбергу ситься въ отставку. Онъ послу- і и отставленъ съ полнымъ жа- ьемъ. На мѣсто его опредѣленъ мною почитаемый, достойный ѣкъ Дюкъ-де-Ришелье.
Апрѣля 1805 года родился у ме- нъ Николай, а 5 Іюня 1806 г. Марія.
6 годъ былъ самый для меня й: я, жена и всѣ въ домѣ моемъ ы, и во всемъ Крыму необыкно- много терпѣли люди болѣзней, го померло.
лѣ Аустерлицкаго сраженія воз- вшіеся Французы, водимые ум- и честолюбивою головою Бона- , начали возмущать Турковъ. рактату 1791 года, господари вской и Валахской состояли подъ гою Русскаго императора, и сул- танъ преждевременно смѣнять ихъ былъ не долженъ. Чтобы разорвать миръ, требуемо отъ Турковъ было ихъ смѣнить, и смѣнены. Россійской министръ и союзный Англійской требовали объясненія и погрозили; Турки струсили, и тотчасъ господарей къ мѣстамъ возвратили. Но между тѣмъ паши Бендерскій и Хотинскій, полагая начальной поступокъ знакомъ неизбѣжной войны, нашли у себя служащихъ офицеровъ, бывшихъ Крымскими Татарами, и у коихъ не мало родни здѣсь остается, отправили ихъ богатою рукою въ Крымъ. По причинѣ существовавшаго еще мира, они приняты въ Дубосарскомъ карантинѣ и пропущены. Получа о томъ свѣдѣніе, велѣлъ я рачительно примѣчать за поступками сихъ гостей, и открылъ многія ихъ затѣи, получа въ свои руки письма, привезенныя ими безъ карантиннаго очищенія, въ коихъ двусмысленнымъ образомъ описываемо было благоденствіе живущихъ въ Турецкой имперіи; однимъ словомъ, ясно, что пріѣхали они возмущать Татаръ. Дождавъ пріѣзда Дюка Ришелье, объявилъ я ему о томъ и о намѣреніи взять ихъ подъ караулъ, какъ виновниковъ, обманувшихъ карантинъ, провезя письма въ мѣшкѣ съ ячменемъ, и отправить для слѣдствія въ Херсонскую губернію. Кажется мнѣ, пожалѣлъ онъ чиновниковъ карантинныхъ, могущихъ пострадать отъ дѣйствія сего дѣла; и потому совѣтовалъ мнѣ отпустить ихъ обратно, какъ они о томъ уже и просили, что я и исполнилъ.

Лихорадка отъ часу болѣе разстроивала мое здоровье. Всѣхъ вокругъ себя видѣлъ я въ страдательномъ состояніи. И такъ, посовѣтовавшись только съ женою, написалъ своею рукою прозьбу къ государю, вложа ее въ своеручное письмо къ министру, про-

силъ увольненія отъ службы, и если заслуживаю милость, то съ жалованьемъ.

Сіе прошеніе въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года отправилъ я съ курьеромъ, посланнымъ съ отчетомъ по соляной части, который былъ весьма достоинъ милостиваго воззрѣнія, какъ по причинѣ знатной суммы, въ доходъ поступившей, такъ и по увеличенію запаса соли.

Лишь возвратился я изъ Перекопа, получаю извѣстіе, что военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье со всѣми войсками, въ Крыму и по близости онаго расположенными, выступаетъ въ походъ. Ему велѣно занять крѣпости Турецкія до берега Дуная. Неизбѣжная открывается война съ Турками. Въ Крыму одинъ только новосформированный мускетерскій полкъ, не обученный и въ которомъ 800 человѣкъ умерло, а остальные всѣ чуть живы отъ лихорадки, да егерскаго шесть ротъ въ Керчи и Еникольѣ. 73 тысячи душъ Татаръ, на коихъ полагаться можно было не много болѣе, какъ на самихъ Турокъ; отвсюду извѣстія о злыхъ отзывахъ ихъ, и что, по объявленію чиновниковъ, бывшихъ отъ Бендерскаго и Хотинскаго паши присланныхъ, Татары ожидаютъ флотъ Турецкій и готовятся начать возмущеніе. Соображая все, я видѣлъ еще возможность держаться не столько силою оружія, сколько силою уваженія, которое ко мнѣ лично у Татаръ оставалось. Полагая, что Турки въ зимніе мѣсяцы не вышлютъ флотъ въ море, оставалось еще время къ принятію мѣръ, какія только найтиться могутъ.

Я написалъ къ министру, что просилъ я увольненія отъ службы тогда, когда военный губернаторъ и войска были въ прежнихъ мѣстахъ и слѣдовательно видѣлъ я себя ненужнымъ въ службѣ, но теперь, когда выступилъ онъ съ войскомъ за границу, когда Крымъ остался пустъ, нахожу я, что служба моя здѣсь надобна, и такъ готовъ остаться, если то угодно.

До полученія сего письма написано уже мнѣ было отъ министра, что докладывалъ онъ государю по моей прозьбѣ, что его величество желаетъ, чтобы еще продолжалъ я служеніе въ Крыму; и если болѣзнь разстроила мое здоровье, то для поправленія дозволяется мнѣ на нѣсколько времени отлучиться въ Кіевъ или Малороссію. Въ заключеніе требуетъ рѣшительнаго на сіе отвѣта. Я отвѣтствовалъ, какъ-то и правда была, что здоровье мое поправляется со времени, какъ начались морозы, и что обстоятельства не дозволяютъ отлучиться. И такъ остаюсь я неподвижно въ Крыму.

По случаю смерти муфтія, на мѣсто коего по указу покойной императрицы поступить былъ долженъ Казы-Ескеръ, я писалъ Дюку-Ришелье, и просилъ его, взявъ на себя, дать мнѣ дозволеніе собрать именитыхъ людей разнаго сословія магометанскаго закона, предоставя имъ избрать кандидатовъ для представленія государя, кому повелѣно будетъ быть муфтіемъ. Сіе нужно было потому во первыхъ, чтобы вниманіе людей занять домашними предметами, и чтобы удалить Казы-Ескера, человѣка не способнаго, корыстолюбиваго и всѣмъ сердцемъ Туркамъ преданнаго.

Получа удовлетворительный отвѣтъ отъ Дюка-де-Ришелье, послалъ я позывы всему дворянству магометанскаго закона, духовенству и волостнымъ головамъ, съ коими вмѣстѣ велѣлъ пріѣхать и исправникамъ. Между тѣмъ старался я развѣдывать о людяхъ, спознакомился сперва по слуху, а потомъ и персонально съ братомъ по-

о муфтія, человѣкомъ честнымъ. не достаточное состояніе имѣю- Онъ служилъ коллежскимъ ас- мъ и переводчикомъ по секрет- дѣламъ при князѣ Потемкинѣ. намѣтилъ сдѣлать муфтіемъ, лованья 2000 руб. въ годъ и енныхъ доходовъ, когда не въ о столько же.

съ кѣмъ изъ мурзъ поговаривая , видѣлъ я, что они готовы ис- ть по моей волѣ; оставалось ма- сло закоренѣлыхъ стариковъ, нихъ возвести Казы-Ескера, по- олько, что онъ старъ и усерденъ рамъ. Да духовенство, поддер- свои права, хотѣло его же для то каждому бы былъ лучь на- быть муфтіемъ. И такъ надобно благовременно стараться о пе- на мою сторону, чтобы не ос- въ дуракахъ.

назначенному въ Декабрѣ мѣ- сроку собралось дворянъ около сяти человѣкъ, духовенства бо- ухъ сотъ, и 27 волостныхъ го- кои совершенно готовы испол- что велю. Я предложилъ Казы- , должность первосвященника лявшему, что изъ уваженія къ одному дворянству не могу я ить, чтобы число духовныхъ для ія кандидатовъ допущено было нежели собралось числомъ дво- При томъ же и не могу я помѣс- голь великое множество людей; лотированія собравшихся; и такъ бы онъ имъ избрать депута- столько числомъ, сколько есть на дворянъ, что исполнено безъ вся- прекословія, и цѣли онъ не по-

авшемуся дворянству, духовен- волостнымъ головамъ объявя ну ихъ собранія, изъясня сколь избрать муфтіемъ человѣка честнаго, умнаго и трудолюбиваго (ибо онъ, сверхъ духовныхъ дѣлъ, имѣетъ обязанности раздѣлять имѣніе наслѣдникамъ) и сдѣлавъ многія поученія, которыя охотно они отъ меня слушаютъ, велѣлъ я идти въ мечеть присягать, что приступятъ и совершатъ избраніе безпристрастно; потомъ, придя въ назначенной для того домъ, балотировать кандидатовъ и оныхъ представить ко мнѣ; къ надзору за порядкомъ опредѣлилъ губернскаго предводителя и совѣтника правленія съ небольшимъ числомъ прислужниковъ.

Цѣлой день прошелъ въ прѣніяхъ, кому сколько назначать кандидатовъ для балотированія. Пришли ко мнѣ избранные отъ дворянства, духовенства и головъ, прося разрѣшенія. Я велѣлъ дворянству назначить восемь, духовенству семь и волостнымъ головамъ, яко довѣреннымъ отъ народа, пять кандидатовъ. Позвавъ тотъ день къ себѣ обѣдать человѣкъ тридцать наиболѣе противной партіи сильныхъ людей, старался я, лаская ихъ честолюбію, направлять на путь мною желанный и дѣйствительно для службы полезной.

На другой день таже исторія. И наконецъ пришли депутаты просить именемъ всѣхъ въ собраніи бывшихъ дозволенія не балотировать, а единогласно всѣмъ подписать выборъ въ муфтіи Казы-Ескера, а на мѣсто его коллежскимъ ассессоромъ Миртазу-Челебю. Я отвѣтствовалъ, что сего принять не смѣю; ибо имъ дозволяется избирать кандидатовъ для утвержденія муфтіемъ того, кто угоденъ будетъ государю.

Дѣло кончилось по моему. Мнѣ представлены два кандидата: Казы-Ескеръ и Миртаза-Челебя. Представляя о семъ министру внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ избирательнаго листа, изъ-

кажется, болѣе нежели къ самому вышнему правительству.

О Татарскихъ полкахъ оригинальное предписаніе министра, волю государя объявляющее, и копію разсужденія, составленнаго для сего комитета прислалъ мнѣ Дюкъ-де-Ришелье при письмѣ, изъясняя, что онъ боленъ, никакихъ дѣлъ производить не можетъ и потому предоставляетъ мнѣ исполнить приказанное. А съ тою же почтою получаю отъ него другое письмо, что по высочайшей волѣ передалъ онъ всѣ препорученныя ему должности адмиралу маркизу-де-Траверсе впредь до его выздоровленія.

Видя, что титулами и чинами отличенные, хитрые Французы, друзья между собою, чувствуютъ невозможность исполнить приказанное и опасаются сказать истину, могущую огорчить министровъ, легко о дѣлѣ судившихъ, и коихъ вредное и для Крыма опасное предположеніе государь одобрилъ, нашелся я въ необходимости взять также свои мѣры. Представя маркизу-де-Траверсе присланныя отъ Дюка бумаги, отозвался я, что, когда ему поручено исправлять его должность, то не осмѣливаюсь я приступить къ сему дѣлу. Онъ требовалъ моего мнѣнія, и очень дружески мнѣ писалъ, обѣщаваясь сообразоваться оному и содѣйствовать къ утвержденію моихъ распоряженій. Я написалъ объясненіе противу разсужденій министерскихъ, ясно показавъ неудобство формировать изъ Татаръ регулярные полки подъ начальство Русскихъ офицеровъ, потому паче, что рѣдкой Татаринъ нѣсколько словъ Русскихъ знаетъ, слѣдовательно и понимать одинъ другаго не могутъ; притомъ же во время, когда войскà въ Крыму мало, когда безпрестанно ожидается нашествіе Турокъ, и опасаются возмущенія отъ Татаръ; то вообразили бы, какія могутъ быть слѣдствія отъ невольнаго опредѣленія Татаръ въ службу имъ неизвѣстную, подъ начальство людей, коихъ они разумѣть не могутъ, и въ коей не будутъ участвовать мурзы, всегда надъ Татарами властвовавшіе. При отправленіи сихъ бумагъ, отправилъ я къ маркизу молодаго мурзу, сына богатѣйшаго и сильнаго въ народѣ Крымскомъ помѣщика, коего уже нѣсколько образовалъ я, часто при себѣ имѣя, и котораго по моей просьбѣ Дюкъ-де-Ришелье взялъ съ собою во время похода въ Молдавію и Бессарабію. Я просилъ при представленіи своемъ послать сего мурзу на показъ, какіе офицеры съ Татарскими полками быть могутъ.

Маркизъ вмѣсто отвѣта отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ оригиналѣ мое къ нему писаніе и препроводилъ съ своимъ курьеромъ посланнаго отъ меня мурзу. По словамъ его и по послѣдствіямъ видно, что одобрялъ онъ мое мнѣніе, въ слѣдствіе чего посланный мурза былъ представленъ государю: онъ говорилъ съ нимъ, и получено повелѣніе, когда не удобно формировать регулярные полки, то отправилъ бы Дюкъ-де-Ришелье на службу Татаръ и тѣмъ порядкомъ, какъ я представлялъ.

Въ теченіи сего времени получается секретное увѣдомленіе, что Французское правительство требуетъ отъ Турокъ продолжать оборонительную войну противу Русскихъ войскъ, до берега Дуная дошедшихъ, всѣ жъ силы обратить на Крымъ, безъ войскъ оставленный. Въ слѣдствіе чего одиннадцать линейныхъ кораблей, мѣдью обитыхъ, съ нѣсколькими мелкими военными судами пріуготовляются и уже находятся въ каналѣ Константинопольскомъ. На Турецкомъ флотѣ

› офицеровъ Французской служ-
[осланникъ генералъ Себастіани
ряжаетъ всѣмъ, и люди всѣхъ
, Франціи подчинившихся, нахо-
ся въ Константинополѣ, сажа-
на суда со многимъ числомъ
овъ для высадки на берега Кры-
' насъ всего шесть кораблей, изъ
› три никуда не годятся. Сухо-
іго войска, готоваго къ оборонѣ
и двухъ тысячь человѣкъ.

апской паша, получа фирманъ
нской, объявилъ горцамъ о вой-
ротиву Россіи; обнадеживанія и
ія были причиною, что вся Ку-
ая граница сдѣлалась въ огнѣ;
ствія раззорили нѣсколько селе-
ілѣнили нѣсколько людей. Чер-
скіе казаки начали оборонитель-
войну.

› Евпаторійскаго земскаго ис-
іика получилъ я рапортъ о заго-
къ бунту. Двое Татаръ изъ Кон-
инополя въ гости пріѣхавшихъ,
и здѣшніе уроженцы, предлага-
о вскорѣ прибудутъ къ берегамъ
цкіе корабли съ высаднымъ вой-
, коимъ должны магометане со-
вовать къ истребленію въ Кры-
ссійской власти. И когда имъ го-
о было, что развѣ они не знаютъ,
прилежно на поступки всѣхъ
ѣчается, и что народъ любитъ
натора, при коемъ нельзя сего
ть, то объявили они намѣреніе,
ічалѣ заманя къ себѣ волостнаго
у имъ сумнительнаго, арестовать
убить; потомъ ѣхать въ ближай-
ъ Симферополю селеніе, гдѣ най-
они довольно единомышленныхъ
юдей, съ оными пріѣхать въ го-
раздѣлясь для всѣхъ непримѣт-
образомъ, и выманя меня подъ
ъ ни есть предлогомъ, отрубить
у, и оную воткнувъ на копье, — ѣхать по всему Крыму бунтовать народъ.

Тотчасъ велѣлъ я послать повелѣніе волостному головѣ, въ вѣдомствѣ коего сіи гости жительствовали, чтобы явился ко мнѣ; они не послушались, объявляя, что будутъ стрѣлять, если кто силою брать ихъ осмѣлится. Голова, оставя караулъ изъ Татаръ, самъ ко мнѣ явился съ донесеніемъ. Я послалъ исправника съ четырьмя человѣками драгунъ штатной команды и четырьмя казаками; а между тѣмъ отправилъ впередъ засѣдателя изъ знаменитыхъ здѣшнихъ мурзъ, приказавъ объявить жителямъ, что, если они не возмутъ ихъ и не представятъ, то сочтены будутъ единомышленниками, и я намѣренъ ихъ выслать изъ Крыма въ степныя селенія, и всѣ камни, изъ коихъ избы ихъ построены, разнести; словомъ, не оставить знака деревни.

Мурза, отъ всѣхъ уважаемый, былъ принятъ учтиво, произвелъ страхъ и сдѣлалъ, что жители отъискали мать сихъ Татаръ, за другимъ мужемъ находящуюся. Ее и всѣхъ ихъ родственниковъ собравъ вмѣстѣ, послали впередъ просить помилованія у запершихся въ каменной и отъ селенія удаленной избѣ воиновъ, увѣряя, что я милостивъ, и если они признаются въ истинѣ доноса, то ничего имъ не сдѣлавъ, вышлю только за границу. Они снизошли на просьбу, и сельской начальникъ, взявъ ихъ, встрѣтилъ ѣдущую команду.

Когда сіи герои приведены ко мнѣ были, объявилъ я доносъ, не объявляя отъ кого. Они отвѣтствовали, что ничего не знаютъ и будто все то ложное. Отправя ихъ подъ стражу на военную гаубвахту, велѣлъ я посадить розно, сказавъ, что покажу имъ людей, кому они что говорили; и такъ подумали бы хорошенько и рѣшились сказать прав-

ду; между тѣмъ, приказалъ сыскать людей на нихъ донесшихъ, которые объявили, что готовы ихъ уличать. При семъ случаѣ видѣлъ я привязанность ко мнѣ народа. Они говорили, что обезпамятѣли, услыша о намѣреніи „тебя убить, нашего милостиваго губернатора".

На другой день далъ я имъ вопросные пункты, и велѣлъ, не объявляя всѣхъ, вопрошать по порядку, одного за другимъ, и каждаго порознь. Они показали, что въ прошломъ еще году выѣхали изъ Константинополя, съ намѣреніемъ волновать Крымцевъ; знакомство и дружбу наиболѣе имѣли именно съ тѣми людьми, которые доносъ на нихъ сдѣлали; что во время, когда весь народъ собирался на службу при арміи, не осмѣливались они открывать намѣренія, ибо видѣли его усерднымъ къ государю Русскому. Но когда пошла молва, что Татарскихъ полковъ не будетъ, а хотятъ какіе то на Русской манеръ, то, примѣтя въ народѣ большое неудовольствіе, рѣшились начать свое предпріятіе, ожидая вскорѣ и Турецкаго флота. Меня хотѣли убить для того, что имъ казалось, если народъ увидитъ мою голову на копьѣ, то весь поднимется бунтовать. Потомъ одинъ изъ сихъ Татаръ сказалъ переводчику, что имѣетъ еще сказать важное, но никому кромѣ одного меня не скажетъ.

Приглася къ себѣ муфтія, призвалъ я сего Татарина. На вопросъ, что такое объявить мнѣ желаетъ, отвѣтствовалъ онъ, что при свидѣтеляхъ мнѣ не скажетъ. Но какъ я ему сказалъ, что нѣтъ пользы оставаться намъ наединѣ; ибо я по татарски, а онъ по русски не умѣемъ, и такъ не лучше ли будетъ объявить муфтію, который въ то время сталъ ему что-то говорить; послѣ сего онъ объявилъ, что, нахо-

дясь въ Константинополѣ, былъ во услуженіи у одного изъ при[...] ныхъ, который при началѣ смут[...] въ прошломъ году обстоятел[...] представилъ его султану въ до[...] нихъ комнатахъ.

Султанъ ему сказалъ: «Ступа[...] Крымъ, узнай много ли тамъ во[...] и узнай, хотятъ ли Татары слу[...] мнѣ, или хотятъ быть вѣрны го[...] рю Русскому.»—„Итакъ, я сказал[...] чѣмъ же ты не исполнилъ, что [...] приказано?" Онъ отвѣтствовалъ, онъ духовный, служитъ Богу, и Него получилъ бы воздаяніе, пре[...] дя мѣру повелѣнія султанскаго.

По окончаніи разговоровъ и до[...] са при бытности муфтія, велѣлъ я [...] сти ихъ на гаубвахту, и объявя (о[...] и донынѣ всѣ увѣрены), будто п[...] ныя дѣла долженъ я вмѣстѣ съ [...] зрѣваемыми представлять воен[...] губернатору, велѣлъ сковать их[...] желѣза, и на другой день въ пре[...] вожденіи двухъ драгуновъ и д[...] казаковъ отправилъ въ Николаев[...] маркизу де-Траверсе

Таковыя произшествія и свѣд[...] показывали мнѣ надобность отпра[...] изъ Крыма мою семью—единстве[...] мое утѣшеніе. Еще при началѣ [...] ныхъ обстоятельствъ, предвидя [...] ствія, сталъ я располагать къ то[...] разглашать, что обстоятельства до[...] нія требуютъ, чтобы жена моя [...] далась съ ея матерью. И такъ не[...] мѣнно ожидая, что послѣ равн[...] ствія вскорѣ явится Турецкій ф[...] выдумалъ я надобность ѣхать на [...] ницу губерніи, чтобы сдѣлать ра[...] ряженіе о образованіи милиціи за[...] рекопомъ и симъ ускорилъ отъ[...] жены моей, которую могъ провс[...] 200 верстъ.

За Перекопомъ берегъ Чернаг[...] ря, простираясь до Кинбурна с[...]

на 200 верстъ, имѣетъ во мно-
мѣстахъ хорошія пристани.
80 человѣкъ казаковъ находи-
ія надзора. Неудаленно отъ бе-
имѣются селенія изъ Малорос-
Затѣмъ простирается степь, на-
ная для общаго пастбища. По
Сиваша и въ глубину степи
ствуютъ древніе Крымскіе обы-
, Киргизами называемые. За-
ѣсколько разстоянія незаселен-
епи, до рѣки Молочной, отдѣля-
тельство Ногайцевъ, въ прош-
йну изъ Бессарабіи переселен-
ихъ числомъ до 9000 душъ. По-
ь я увѣдомленіе, что генералъ,
ующій войсками у береговъ
, согласилъ до 7000 душъ Та-
Буджакскихъ, которые ему без-
ы были къ переселенію на Мо-
я воды для совмѣстнаго житель-
ь Ногайцами, имъ единоплемен-

послѣднюю войну съ Турками,
на Кинбурнской косѣ и противу
гдѣ есть удобство приставать
, находился цѣлый корпусъ ре-
ыхъ войскъ, но и тогда Турки
покушеніе, и нѣсколько людей
еній въ плѣнъ взяли.
уждая, хотя теперь не тѣ об-
льства, у Турокъ нѣтъ Очако-
изкаго къ Крыму пристанища,
мыхъ береговъ Дуная всѣ мѣ-
яты Россійскими войсками; но
урецкой флотъ, приближась къ
мъ нашимъ, выиграетъ, что и
дрено, морское сраженіе, тогда
ему будетъ, дѣлая вездѣ безпо-
о, воспламенять Татарскіе умы
ежу. Ногайцы и вновь пересе-
е Буджакскіе Татары, соединясь
ргизами, подогнавъ лошадей къ
моря, дадутъ пособіе Турецко-
адному войску; оно можетъ рас-
анить бѣду во внутрь Россіи.

Къ предупрежденію сихъ происше-
ствій рѣшился я формировать вну-
треннюю милицію внѣ Крыма, назна-
ча четыре пункта для содержанія по
сотнѣ: два противу мѣста, гдѣ высад-
ка быть можетъ, два при границѣ зем-
ли Ногайской и по станціямъ на пу-
ти отъ Перекопа къ Бериславлю, на
пути отъ Перекопа къ Никополю, и
на пути отъ Перекопа чрезъ Гени-
ческъ до Молочныхъ водъ. Поставлен-
нымъ на пути къ Бериславлю прика-
зано ничьи табуны не пропускать на
земли для общаго пастбища, къ Чер-
ному морю простирающіяся, толкуя,
что оныя назначены для зимовниковъ,
слѣдовательно надобно поберечь тра-
ву отъ потоптанія. Таковое повелѣніе
далъ я и стражѣ по пути къ Никопо-
лю; опредѣленнымъ по пути, къ Молоч-
нымъ водамъ чрезъ селенія Татарскія
и Киргизскія лежащему, велѣно при-
мѣчать за поведеніемъ Татаръ, какъ
равно и тѣмъ, кои сотнями поставлены
при окончаніи ихъ дачи. А сотнямъ
близь Чернаго моря препоручено дѣ-
лать разъѣзды, и коль скоро усмотрятъ
приближеніе флота непріятельскаго,
обвѣстили бы ближайшихъ селеній жи-
телей, способствовали ихъ удаленію и
отгону скота, а паче лошадей, и увѣдо-
мя начальство, примѣчали на дѣйствія
непріятеля. Я полагалъ: если высажен-
ные Турки, не встрѣчая препятствія,
пойдутъ во внутрь земли для отыска-
нія людей и лошадей и отдалятся на
нѣкоторое разстояніе, то при первой
усталости и темнотѣ ночной неболь-
шое число вооруженныхъ жителей изъ
бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, се-
го рода военныя хитрости знающихъ,
побьютъ или прогонятъ. Если же Тур-
ки, вышедъ на берегъ, станутъ укрѣп-
ляться, тогда, принявъ осторожность
о удержаніи Татаръ, надлежать бу-
детъ регулярнымъ войскамъ (отколѣ

можно ихъ собрать) имѣть съ ними дѣло.

Сіе распоряженіе, въ дѣйство произведенное, представилъ я маркизу; онъ донесъ комитету для внутренней милиціи, въ Петербургѣ учрежденному, и получено одобреніе.

До времени равнодѣйствія, Англійскій адмиралъ, воспользуясь сильнымъ южнымъ вѣтромъ, прошелъ безвредно Дарданеллы, сталъ на якорѣ между Сераля и Семибашенной, показалъ возмножность бросать въ султанской дворецъ бомбы, и остановился для переговоровъ столько времени и такъ мирно, что Турки умножили по обѣимъ сторонамъ береговыя батареи, и сдѣлали вездѣ печи для каленія ядеръ; словомъ, Англичане сдѣлались будто принужденными возвратиться въ Мраморное море и далѣе. Кажется, побѣждены они не калеными ядрами, а свѣтящимся металломъ. Золотой дождь и въ баснословныя времена много чудесъ дѣлывалъ.

Россійскій флотъ, подъ начальствомъ Сенявина по водамъ Средиземнаго моря плававшій, взялъ Тенедосъ, устрашилъ Турокъ; и потому весь ихъ флотъ съ Чернаго моря возвращенъ въ Дарданеллы для защищенія Константинополя.

Въ Крыму умножено войска. Гарнизонные баталіоны везлись на подводахъ, и къ веснѣ составилось число людей 21,800 человѣкъ, провіантъ получающихъ; да милиціи, изъ Полтавской и Екатеринославской губерніи, безъ мала 5000 человѣкъ, кои, хотя не сильно вооружены и не обучены какъ надобно, но всѣ люди, могущіе содержать внутреннее спокойствіе, по крайней мѣрѣ удобные устрашить Крымцовъ и не дать способовъ затѣять что нибудь вредное.

Маркизъ Траверсе, во время своего начальства, принялъ намѣреніе взять Анапу и раззорить. Онъ всѣ распоряженія къ тому сдѣлалъ: приказалъ переправиться егерскому полку изъ Керчи въ Фанагорію, приготовилъ артиллерію и велѣлъ флоту (изъ шести кораблей и двухъ фрегатовъ состоящему) выдти въ море. Въ сіе время Дюкъ-де-Ришелье выздоровѣлъ и захотѣлъ самъ дѣйствовать. Отправясь въ Тамань, ожидая прибытія эскадры, прожилъ онъ двѣ недѣли понапрасну: противной вѣтръ задержалъ ее, потомъ буря сдѣлала много поврежденій въ неисправныхъ старыхъ корабляхъ. Эскадра для починки возвратилась въ Севастополь. Между тѣмъ маркизъ, все свѣдая, прискакалъ изъ Николаева; починя корабли, запася все, что нужно, отправилъ; а самъ, будто изъ любопытства быть поближе, поѣхалъ сухопутно къ Керчь; но вмѣсто того, взявъ въ Θеодосіи маленькую брику, явился къ флоту, и приватно командуя, поступилъ такъ, что сухопутныя войска, въ недоумѣніи на Болотной Косѣ стоящія, не поспѣли къ дѣлу. Онъ взялъ крѣпость, и морскіе караулы отдали прибывшему сухопутному генералу честь. Крѣпость раззорена совершенно подкопами, всѣ жилые дома сожжены и разрушены, и даже извреженъ колодезь, дававшій всему городу воду.

Всѣ сіи событія успокоили Крымъ. Дюкъ, изъ Анапы возвратившійся, приступилъ къ сформированію Татарскихъ полковъ для отправленія къ арміи. Я былъ постороннимъ въ семъ дѣлѣ, не мѣшался ни во что, кромѣ когда спрашивали моего совѣта; тогда говорилъ что знаю. Въ двѣ недѣли четыре полка сформировано и на службу отправлено; отъ незнанія поставить преграды и отъ скорости допущены

)торые, малозначущіе безпорядки)употребленія, однакоже полки сіи ı внѣ Таврической губерніи, когс олучено извѣстіе о мирѣ съ Франми, а потому Дюкъ приказалъ › полкамъ возвратиться во свояси, ѣ писалъ, отдавъ на волю, что съ ь дѣлать. Я велѣлъ имъ располо- ›ся лагеремъ, каждому полку осо- о, смотрѣлъ ихъ и найдя исправ- и, распустилъ впредь до востребо- я въ домы, приказавъ быть гото- н на службу тотчасъ, коль скоро ›ебуются. Во всемъ ясно видно же- е служить, какъ и то, что Татары ›твительно народъ военный.

звѣстно, что Турецкій флотъ раз- › почти до истребленія, что вице- ıралъ Сенявинъ завладѣлъ Тене- мъ и обратилъ на себя все внима- Гурецкаго правительства; что не- льные янычары взбунтовались, гли съ престола султана Селима III)звели Мустафу, что всѣ бывшіе истры Турецкіе лишились головъ; ловательно система правительства ›овержена до основанія. Все сіе, епенно успокоивая волненіе, воз- цало тишину Крыму.

ъ іюлѣ мѣсяцѣ является въ Сева- оль Турецкое судно съ бѣлымъ омъ. Оно принесло пашу, при- ıаго отъ султана Мустафы фир- ь къ Таяръ-бею, коего полагали › въ Крыму. Датской посланникъ ›нъ Гибшъ, въ Константинополѣ ›ывающій, по просьбѣ рейсъ-ефен- ıнѣ пишетъ, ходатайствуя о уволь- и Таяръ-бея, добровольно до вой- ъ Крымъ пріѣхавшаго. Поелику ›мо адресовано было начальнику ıмскому безъ написанія имени, то, желая въ сіе дѣло мѣшаться, от- илъ я его къ Дюку Ришелье.

адлежитъ знать: Таяръ-бей былъ бунчужнымъ пашею, въ Анатоліи начальствующимъ, съ столь неограниченною властію, что имѣлъ право жаловать въ двубунчужные паши. Послѣдній Анапскій паша имъ возведенъ въ сіе званіе изъ переводчиковъ. Когда султанъ Селимъ затѣялъ формировать регулярное войско, Таяръ-паша сначала ему содѣйствовалъ; но когда требованія денегъ стали ему дѣлаться тягостны, а отъ часу умножаемое требованіе рекрутъ начало производить въ народѣ неудовольствіе, то рѣшился мѣшкать исполненіемъ таковыхъ приказаній. Султанъ, ожесточась, послалъ лишить его жизни. Но Таяръ-бей, о томъ свѣдая, подвергнулъ назначенной ему участи посланцевъ. Послѣдовало повелѣніе давнишнему непріятелю его Юсуфъ-пашѣ, при границѣ Персіи начальствовавшему, исполнить султанскую волю, лиша Таяра-бея жизни, и принять начальство надъ провинціями ему подвластными. Таяръ-бей, собравъ войско, вступилъ съ Юсуфомъ въ войну. Долго жребій его оставался въ неизвѣстности. Наконецъ Юсуфъ выигралъ большое сраженіе; Таяръ съ малымъ числомъ войскъ, уклонясь отъ сраженія, спасался, и въ это время послалъ любимую свою жену въ Константинополь ходатайствовать о прощеніи. Жена хорошо была принята, то есть приняты подарки съ нею посланные; а затѣмъ послали ее въ заточеніе въ крѣпость на островѣ Родосѣ. Извѣстіе о семъ увеличило опасность и принудило его удалиться съ малымъ числомъ людей въ Абазію къ давнишнему его другу Келешъ-бею Абазинскому, въ крѣпости Сукумъ жительствующему. Султанъ прислалъ чиновниковъ къ Келешъ-бею съ фирманомъ, требуя отдачи Таяръ-паши или головы его. Келешъ-бей отказалъ, говоря, что по древней дружбѣ предковъ

Таяръ-паши съ нимъ и предками его не отдастъ его на жертву. Надобно знать, что Келешъ-бей есть владѣлецъ, подъ протекціею Турокъ находящійся, а Таяръ-бей четырнадцатый въ своемъ родѣ паша Анатольскій, съ Абазинцами сосѣдствующій. Посланные отъ султана сказали, что придутъ съ войскомъ взять Таяръ-пашу; а Келешъ-бей отвѣтствовалъ, что на первой случай готово у него 15 т. человѣкъ непріятеля встрѣтить.

Во время войны, въ 1787 году наченшейся, отецъ Таяръ-паши былъ трехбунчужнымъ пашею Анатольскимъ. Онъ съ цѣлымъ корпусомъ войскъ отдался въ плѣнъ; а Таяръ-паша, бывши тогда въ полковничьемъ чинѣ, находился съ Анатольскимъ войскомъ въ Анапѣ, и при взятіи сей крѣпости штурмомъ, взятъ въ плѣнъ. Оба они долго жили въ Петербургѣ и отъ покойной императрицы были пожалованы землями въ Крыму И такъ Таяръ-паша, будучи помѣщикъ Таврической, и имѣя со многими знакомство и интересныя связи, нашелъ случай писать и писалъ ко мнѣ и къ Дюку-де-Ришелье изъ Сукума, прося дозволенія пріѣхать. По тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ не должно было явнымъ образомъ мѣшаться съ сіе дѣло, но, посовѣтовавшись съ Дюкомъ чрезъ пріятелей Таяръ-бея, далъ я ему знать, что когда пріѣдетъ въ Крымъ, то за безопасность его я могу отвѣтствовать. Въ слѣдствіе чего во время осени 1806 года, наняли въ Крыму купеческое судно, которое изъ Сукума доставило въ Керчь Таяръ-пашу, такъ сначала себя именовавшаго. Лишь получилъ я о семъ извѣстіе, тотчасъ послалъ ему объявить, что пашей въ Крыму нѣтъ и названіе сіе не прилично; что паша есть человѣкъ Турецкой, коего, коль скоро потребуютъ, удерживать будетъ не возможно. И такъ совѣтую называться Таяръ-беемъ, какъ прежде онъ именовался во время пожалованія земель, и объявить себя помѣщикомъ Крымскимъ, пріѣхавшимъ жить въ своемъ имѣніи: тогда, будучи не обязанъ знать, служилъ ли онъ и чѣмъ въ Турціи, коль скоро поиски будутъ, дамъ я ему, какъ дворянину моего вѣдомства, паспортъ ѣхать далѣе, къ сѣверу или западу. Онъ послушался и безпрекословно сложилъ титулъ необузданнаго льва.

Спознакомясь съ симъ человѣкомъ, узналъ я, что онъ уменъ и честолюбивъ столько, что весьма можетъ быть Россіи полезенъ. Связи его въ Анатоліи столь крѣпки, что пока онъ живъ, никакая сила прервать не можетъ. Онъ предложилъ мнѣ о желаніи Келешъ-бея быть подданнымъ государя нашего. Крѣпость Сукумъ и владѣніе Абазинскаго князя граничатъ съ Мингреліею. Качество земель его и повиновеніе къ нему народа открываетъ пространное поле къ изобрѣтеніямъ полезнаго для Россіи. Чтобы лучше сіе исполнить, зная великое предъ собою преимущество въ кредитѣ Дюка-Ришелье, совѣтовалъ я Таяръ-бею оставить предложеніе до пріѣзда Дюка и подать ему, не объявляя, что мнѣ было подаваемо.

По пріѣздѣ Дюка, представилъ я ему Таяръ-бея, какъ дворянина Таврической губерніи и совѣтовалъ поближе съ нимъ познакомиться и поговорить. Таяръ-бей подалъ ему исторію своего дѣла, прежде мною чтенную, гдѣ упоминается, что Келешъ-бей желаетъ вступить въ подданство со всѣмъ своимъ народомъ, проситъ чина Россійскаго себѣ и старшему своему сыну. Дюкъ, не показывая мнѣ бумаги, сказывалъ только кое-что о

жаніи ея. Я, притворясь, будто о не зналъ, побранивалъ Таяръ- для чего ничего мнѣ о томъ не въ; но между тѣмъ, говоря прав- коль сіе можетъ быть полезно России, совѣтовалъ представить арю одобрительнымъ образомъ. состояніе — надобно мошенни- но я думаю, что не подло, ког- ственной корысти притворствомъ искиваешься.

ѣдствіе представленія Дюка-де- лье, Келешъ-бей пожалованъ ге- ъ-лейтенантомъ и назначено ему анье по [10]/т. левковъ. Старшій его полковникомъ съ жалованьо штату. Министръ иностран- дѣлъ ([48]) писалъ къ Дюку, что арь поведеніе его и мое одоб- и препоручаетъ мнѣ имѣть над- за поступками Таяръ-бея, спо- овать сношеніямъ его съ Ана- ами, но только знать, къ кому что пишетъ. Ему велѣно бы- ать на содержаніе по пяти сотъ й на мѣсяцъ, не объявляя при- я о семъ государева, а дать будто бы Дюкъ Ришелье по , ему данной, то даетъ произ- .

бы надежнѣе исполнить сіе пре- еніе, далъ я разумѣть Таяръ- что полезно бы ему было осно- вое пребываніе въ Симферопо- чтобы дѣйствительно онъ сіе ъ, нанялъ, а потомъ купилъ я зну домъ его въ Бакчисараѣ, тца доставшійся, и согласилъ купить въ Симферополѣ.

бы знать о всемъ, что проис- въ его домѣ и съ кѣмъ онъ я, предложилъ я находящему- мнѣ переводчику, давно Та- ю знакомому, пойти въ отстав- ку и наняться служить у него до- машнимъ переводчикомъ. Произведя желаніе въ Таяръ-беѣ имѣть его, скло- нилъ обнадеживаніемъ, что если бу- детъ мнѣ вѣренъ, скорѣе доставлю я ему офицерскій чинъ.

Чрезъ сего переводчика дѣлаюсь часъ отъ часу съ нимъ дружнѣе. Ча- сто видаясь, сдѣлались мы откровен- ны. Много разнаго вздора говоря, началъ я потрогивать его амбицію, говоря: какъ дѣлается теперь въ свѣ- тѣ, что государи сильные, не могши владѣть отдаленными землями, сотво- ряютъ себѣ подобныхъ государей, сна- чала на генералъ-губернаторовъ по- хожихъ, но которые послѣ дѣлаться могутъ имъ равными; и что мнѣ ка- жется, полезно бы для России было сдѣ- лать его самовластнымъ въ Анатоліи. Таковыя слова, изрѣдка и какъ бы не умышленно вырывавшіяся, ви- дѣлъ я, что производятъ сильное въ немъ движеніе. Заключа, что эта мысль давно у него въ головѣ впе- рилася, сталъ я почаще входить въ разговоры. Отзывы его были всегда одинаковы, что онъ не хочетъ и не можетъ сдѣлаться владѣльцомъ, а льзя бы было ему, имѣя Россійское вой- ско, будучи удостоену чиномъ Рос- сійскаго генерала, отправиться на Россійскомъ флотѣ къ крѣпости Самп- сонъ, гдѣ много имѣетъ онъ людей ему приверженныхъ. Тамо, собравъ войско, объявилъ бы онъ народу про- текцію Русскаго императора, и во имя его покоряя Анатолію, скоро бы соединился съ генераломъ Гудовичемъ, въ Персіи близъ Анатольскихъ гра- нихъ находящимся. Между таковыми разговорами, сказывалъ онъ мнѣ, что въ Анатоліи находился во время его начальства и теперь пребываетъ Фран- цузскій консулъ, имѣющій чинъ ге- нерала; что сказывалъ онъ ему о

———

ронъ Будбергъ. *П. Б.*

возможности доставить Французское войско въ Антекію, что при границѣ Сиріи, будто для пособія Туркамъ, содержащимъ немалое число военныхъ людей въ Анатоліи для безопасности отъ нападенія Русскихъ, въ Персіи находящихся. Хотя видѣлъ я, что сіе вздоръ, что Французы, думая заманить Турковъ видами противу Россіи, хотятъ введя въ Сирію войско пуститься въ Индію для раззоренія Англійскаго тамъ богатства; однакоже счелъ я за нужное увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ о моихъ разговорахъ съ Таяръ-беемъ, и что полезно бы было подумать о семъ, и чрезъ Таяръ-бея дать хорошій ударъ Туркамъ, и для того призвать его для объясненія въ Петербургъ.

Партикулярное мое письмо, о коемъ ни одинъ человѣкъ не зналъ, министръ представилъ государю. Вскорѣ за тѣмъ получилъ я повелѣніе отправить Таяръ-бея въ Петербургъ, куда и поѣхалъ онъ въ Мартѣ 1807 года.

Таяръ-бей не засталъ государя въ Петербургѣ: онъ поѣхалъ къ арміи, противу Французовъ въ Пруссіи находящейся. Дожидаясь долго, былъ онъ въ неизвѣстности. По окончаніи войны, въ Іюлѣ мѣсяцѣ государь возвратился. Таяръ-бей присягнулъ на подданство, получилъ чинъ атамана, но потомъ вскорѣ получается извѣстіе о сверженіи съ трона султана Селима и о возведеніи Мустафы, который призываетъ Таяръ-бея обратно.

Таяръ-беевы обстоятельства совершенно тогда перемѣнились. Султанъ Мустафа персонально ему пріятель и получалъ отъ него многія пособія денежныя. Великій визирь—вновь опредѣленный—изъ числа людей, бывшихъ подъ начальствомъ и облагодѣтельствованный Таяръ-беемъ. Всѣ министры ему друзья, прежніе его непріятели всѣ истреблены во время бунта. Юсуфъ-паша, съ нимъ враждовавшій, будучи визиремъ при Селимѣ, отказавъ дать денегъ Мустафѣ, имъ ненавидимъ, и уже данъ фирманъ о снятіи его головы. Три посольства, одно за другимъ, отправлены съ султанскими фирманами къ Таяръ-бею. Великое множество писемъ, отъ разныхъ придворныхъ людей и чиновниковъ полученныхъ, подлостію ихъ ясно показываютъ его знаменитость.

Удовлетворяя желанію Таяръ-бея, государь имѣлъ съ нимъ свиданіе въ кабинетѣ. Одинъ только переводчикъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Отпущенный съ награжденіемъ деньгами и подарками, получившій отъ Россійскаго императора жалованье по $^{12}/$т. руб. въ годъ, отправился онъ въ Турцію. Маркизъ Траверсе приготовилъ ему военное судно въ Николаевѣ, и взявъ туда же посланцомъ явившагося въ Крымѣ пашу, судно его и весь экипажъ, намѣренъ былъ отправить оттолѣ Таяръ-бея. Но онъ сего не захотѣлъ, и писалъ ко мнѣ, что непремѣнно хочетъ видѣться со мною.

Полагая увидѣть человѣка, сообразно обстоятельствамъ его перемѣнившагося въ поведеніи со мною, я ошибся. Тотчасъ явясь ко мнѣ, показалъ онъ больше прежняго мнѣ учтивости, и говорилъ, что почитаетъ меня какъ отца, хочетъ всегда слѣдовать моимъ наставленіямъ. Онъ готовъ былъ сказать мнѣ весь его разговоръ съ императоромъ, но я совѣтовалъ тайно говоренное не сказывать никому. Между многихъ разговоровъ узналъ я, что государь далъ было ему письмо къ султану Мустафѣ, но послѣ взялъ обратно; что увѣ-

онъ, что, изъясня султану о со-
іи политическихъ дѣлъ, сдѣла-
іхъ такъ дружными съ госуда-
какъ братьевъ; однимъ словомъ,
кажется то, что миръ съ Фран-
и есть дѣйствіе принужденное,
опасность не изчезла, но увели-
ь, и что того и гляди, опять
тся приниматься за милицію и
женіе всѣхъ силъ.
бражаясь съ таковымъ понятіе
состояніи дѣлъ, далъ я разу-
Таяръ-бею, что Турція на вос-
то что Данія на западѣ: силь-
дерутся и хотятъ захватить во
ворота, которыхъ старинные
ротники укараулить не могутъ.
есть магазинъ съ сокровищемъ.
женіе и раззореніе ея суть пред-
для коего и истощаются силы
равносильныхъ державъ; рав-
ихъ силъ, можетъ быть, долго
стъ намъ видѣть паденіе того
ругаго. Турція, будучи морская
опутная держава, и въ обѣихъ
частяхъ до истощанія ослабѣв-
не можетъ противустать ни тому
ругому. Ей надобно держаться
е къ Россіи. Пусть у Египта
я Англичане съ Французами:
й перестало быть стыдно видѣть
войны у себя. Образъ прави-
ва таковъ, что сіе не много зна-
лишь бы Константинополь и зем-
стороны Россіи были неколе-
. Въ разсужденіи собственно Та-
я, онъ мнѣ объявилъ по секрету,
значается ему мѣсто капитанъ-
согласно давнишнему его же-
потому что сіе званіе въ Турціи
ъ много, великіе даетъ доходы,
ѣла, и дѣлая его придворнымъ
ымъ человѣкомъ доставляетъ воз-
ть каждодневно видѣть султана.
я ему совѣтовалъ: принять пред-
ую должность, но стараться скло-
нить султана позабыть прежнюю гордость его предмѣстниковъ и согласиться имѣть своихъ министровъ при дворахъ, наиболѣе вліяніе имѣющихъ на дѣла Турціи. И такъ, чтобы онъ, въ качествѣ полномочнаго посла, пріѣхалъ въ Россію и старался, елико можно, сблизить интересы Россійскаго и Турецкаго дворовъ, сдѣлавъ добровольной раздѣлъ земель такъ, чтобы и впредь не было причины къ войнамъ; а между тѣмъ, поелику жить подъ законами Турецкими трудно человѣку, не совсѣмъ предопредѣленію вѣрющему и нѣсколько на разумъ полагающемуся, то стараться склонить султана къ согласію— дозволить ему Таяръ-бею укоренять имѣніе въ Крыму, что можетъ быть соглашено и съ политическими видами обѣихъ государей; а потомъ, покупая здѣсь земли, населять ихъ изъ Анатоліи и прочихъ странъ людьми работящими, какъ-то: Армянами, Булгарами и Греками. Слѣдовательно, когда-бы случилась ему надобность удалиться, имѣлъ бы безопасный уголъ, гдѣ спокойною жизнію можетъ наслаждаться. Да и безъ того, наскуча коловратностію свѣта, не захочется ли здравомыслящему человѣку, удовлетворя горделивости своей, удовлетворя всѣмъ надобностямъ для житья по привычкамъ, собравъ все свое семейство къ тихому пристанищу, ожидать спокойно воли Божіей, долженствующей воззвать насъ къ уничтоженію и возрожденію?

Разсужденія мои весьма нравились Таяръ-бею. Онъ часто, съ наполненными слезъ глазами, вставъ со стула, благодарилъ меня, повторяя, что чтитъ меня какъ отца. Путешествіе и пребываніе въ Петербургѣ столько научили его говорить по русски, что мы все сіе говаривали безъ свидѣтелей.

Болѣе недѣли прожилъ онъ въ Симферополѣ, каждодневно со мною ви-

даясь. Наконецъ, предъ отъѣздомъ, зная, что собираюсь ѣхать въ Петербургъ, что фурка у меня не мудреная, время осеннее наступаетъ, присылаетъ онъ ко мнѣ бывшаго моего переводчика объявить, что не осмѣливается прислать, а проситъ, чтобы согласился я принять его карету дорожную, въ которой пріѣхалъ изъ Петербурга, и которая теперь ни на что ему не надобна. Освѣдомясь, что заплатилъ онъ за нее 1500 руб., а столько денегъ у меня нѣтъ, хотя хотѣлось бы поберечь себя, но я отказался сколь потому, что стыдно: отъ роду ни у кого ничего не бралъ, да и по политическимъ видамъ казалось мнѣ не должно. По природѣ скупой человѣкъ, но иногда только по капризамъ щедръ бывающій, вѣроятно больше почтетъ человѣка, который никогда ничѣмъ отъ него не корыстовался и никакой собственной пользы отъ него не хочетъ. Послѣ сего при свиданіи я сказалъ ему откровенно, что, принявъ его подарокъ, лишился бы я пріятнѣйшаго мнѣ чувства любить его, потому что мнѣ было бы тогда стыдно.

Переводчику, отъ меня къ Таяръбею перемѣстившемуся, сбылось мое обѣщаніе, гораздо болѣе ожиданнаго. По представленію моему къ министру, гдѣ, сказавъ всю правду, просилъ я ему офицерскаго чина, онъ пожалованъ губернскимъ секретаремъ. И Таяръ-бей при отъѣздѣ подарилъ ему свой домъ, за который заплатилъ 4000 рублей, со всею въ немъ мебелью и посудою, и еще деревню, приносящую до 500 руб. дохода; слѣдовательно фортуна его сдѣлана.

Въ теченіе сего времени собственныя мои обстоятельства: имѣнія нѣтъ, жена брюхатая поѣхала съ дѣтьми къ ея матушкѣ. Слухи, что она на нее сердита, оказались несправедливы Пріемъ и вхожденіе въ обстоятельства мои доказали чувства материнскія. Свѣдая, что до 3000 р. на мнѣ долгу, она дала деньги, и я ихъ получилъ изъ Петербурга. Женѣ моей также ассигновала получить въ Петербургѣ 3000 руб.; слѣдовательно сберегла ее отъ нужды. А при томъ еще вздумала ей купить деревню, цѣною вдвое больше нежели дала приданаго другимъ двумъ дочерямъ. Получа о семъ свѣдѣніе, я писалъ, прося умѣрить милости до степени справедливости.

Въ Сентябрѣ 1807 получилъ я повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ. Графъ Кочубей партикулярнымъ письмомъ меня увѣдомилъ, что предположено опредѣлить меня генералъ-провіантмейстеромъ. Чрезъ два дня отправясь въ путь, получилъ на дорогѣ свѣдѣніе, что 1-го Октября жена моя родила дочь Екатерину.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, былъ я принятъ съ великою отъ всѣхъ ласкою. Доброе о мнѣ мнѣніе государя распространяло доброе расположеніе всѣхъ господъ, знатными называемыхъ.

Въ послѣднихъ числахъ Октября 1807 послѣдовалъ указъ о опредѣленіи меня генералъ-провіантмейстеромъ, и велѣно поставить въ спискахъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находилось имя мое до отставки. Всякое дѣло судится по образу мыслей того времени, когда оно въ ходу. Сія милость была великимъ доказательствомъ особеннаго ко мнѣ благорасположенія. Государственному казначею повелѣно производить мнѣ столовыя деньги по 250 р. на мѣсяцъ. И чрезъ Василія Степановича Попова пожаловалъ мнѣ государь 10,000 руб., приказавъ объявить, что это не награжденіе, ибо я стою больше, но что зная о недостаточномъ моемъ состояніи, присылаетъ мнѣ на начальное заведеніе дома; и приказывая жить пристой-

званію моему образомъ, обнаде-
ъ и впредь дѣлать подобныя по-

ужба въ должности генералъ-провіантмейстера.

28 октября 1807 года.

упя въ званіе генералъ-провіант-
ра, сдѣлался я обязанъ быть го-
ственнымъ человѣкомъ, долженщимъ знать всѣ политическія
и дальнѣйшія намѣренія госу-
соображать ихъ со способами, за-
ими отъ помѣстности обширной
ской имперіи, и предупреждая
дѣйствій, превышающихъ мѣ-
можностей нашихъ, докладывать
рительно, что и когда предпри-
совершено быть можетъ; ибо
ская имперія на всѣ прочія въ
непохожа: обширность, разность
а, малолюдство, недостатокъ про-
нія, въ слѣдствіе коего худо еще
ванная хозяйственная часть, дѣ-
невозможнымъ безъ надсады
государственныхъ силъ пред-
мать и совершать скоро все то,
средствомъ людей послѣдняго
исполняется добровольно.

зшествія въ минувшихъ вре-
доказываютъ, что сила Рус-
ружія всегда вездѣ все сломля-
недостатокъ продовольствія
остановлялъ успѣхъ и прину-
обращаться къ требованіямъ
нымъ.

ичной городъ и большая часть
ъ, при коихъ Россія должна со-
воинскую силу, окружаются
и, не изобилующими хлѣбомъ.
я коммуникація доставляетъ его
ды государства. Пространство,
ъ и во многихъ мѣстахъ суро-
климата и несоразмѣрность естественной возможности съ надобностію требуютъ благовременныхъ распоряженій и дѣйствій искусныхъ.

Не задолго предъ симъ два раза подъемлемое оружіе противу Французовъ причинило важныя разстройки въ государственныхъ финансахъ, и что всего важнѣе, унизило нашу славу и показало свѣту побѣжденными; а все сіе дѣйствительно отъ худаго распоряженія провіантской части.

Во время, когда опредѣленъ я былъ генералъ - провіантмейстеромъ, часть провіантская находилась въ совершенной разстройкѣ и доходила къ конечному упадку.

Въ концѣ 1806 года все воинское ополченіе обращено было къ границамъ Прусскимъ для остановленія успѣховъ все побѣдившаго Французскаго оружія. Не только армейскіе полки, но почти всѣ гарнизоны внутренніе сдвинуты съ своихъ мѣстъ и поставлены къ границамъ для обороны. Гвардія вся находилась за границею; въ Петербургѣ почти совсѣмъ не оставалось войска. Начальство, подумавъ, будто таковое напряженіе силъ надолго продолжиться можетъ, изыскивая ближайшія средства для продовольствія войскъ въ Пруссіи, отправило изъ Петербурга, изъ Риги и изъ всѣхъ приморскихъ, пограничныхъ мѣстъ хлѣбъ, который, различными способами тамъ исчезнувъ, домой не возвратился. Между тѣмъ въ іюнѣ 1807 года заключенъ въ Тильзитѣ миръ съ Французами. Войска наши всѣ возвращаться стали чрезъ мѣста, оставленныя безъ запасовъ, гдѣ земли не хлѣбородны и неурожаи два года причинили и для жителей голодъ.

Разумѣется, сіи событія были тягостны для провіантской части и послужили къ совершенному истощанію капиталовъ. Накопляющіеся долги ис-

кореняли кредитъ. и безъ того злоупотребленіями и худымъ распоряженіемъ надсаженный.

Возвышеніе на все цѣнъ было слѣдствіе неминуемое, коего слѣды, продолжаясь надолго, искореняютъ государственное богатство и развращаютъ земледѣльца, привыкающаго цѣнить избытки свои и трудъ выше мѣръ. справедливостію указанныхъ.

Въ слѣдствіе Тильзитскаго мирнаго трактата сдѣлалась Россія непріятельницею Англіи и обязанною требовать отъ Швеціи, чтобы и она намъ послѣдовала. Во время продолженія кабинетскихъ сношеній войска наши умножались въ Петербургѣ и составили число больше нежели вдвое того, какое когда нибудь бывало.

Намѣреніе, въ послѣдствіи открывшееся, прикрываемо было желаніемъ имѣть много войска для парада въ день Крещенія на Іорданѣ.

Видя настоящее положеніе дѣлъ, видѣлъ я опасность моего состоянія. Поставленный на степень знатнаго чиновника, оставленъ я былъ въ ничтожествѣ: подчиненъ дѣйствительному тайному совѣтнику В. С. Попову, который, достигнувъ до знаменитости, сохранилъ въ себѣ качества природнаго его состоянія. Всѣ бояре, чрезъ коихъ бы я могъ довести до свѣдѣнія государя обстоятельства дѣлъ моихъ, мало дѣлъ понимаютъ и ни о чемъ, кромѣ рабственнаго угожденія, не думаютъ. Оставалось мнѣ подличать, и ползая въ передней ихъ, домогаться личнаго къ себѣ благорасположенія, принятія участія въ дѣлахъ моихъ и доставить мнѣ возможность объясняться съ государемъ. Но сіе могло ли бы исполниться или нѣтъ, неизвѣстно; а на ползаніе тратилъ бы я время, для дѣйствительныхъ дѣлъ неминуемо нужное. И такъ, положась на власть

Божію, пошелъ я прямымъ пу
взялъ намѣреніе испросить уволь
отъ службы, при первомъ удоб
случаѣ: и сіе поистинѣ не для
чтобы себя я берегъ, но потому
алось выборъ падетъ на человѣк
куснаго и по связямъ своимъ мог
го быть ближе къ государю.

Освидѣтельствуя дѣла экспеди
С.-Петербургскаго провіантскаго
выведя математическимъ разсчи
невозможность продовольствоват
личное число войскъ до времени,
водяною коммуникаціею приве
свѣжій хлѣбъ (а сѣна совершенн
льзя было достать столько, сколь
жно для лошадей, въ Петербургѣ
денныхъ) написавъ докладную за
подалъ г. Попову, а вмѣстѣ съ
просилъ исходатайствовать мнѣ у
неніе отъ должности, превышающ
ру силъ моихъ и способовъ свѣтс
Онъ, прочитавъ записку и возвр
мнѣ ее, съ жаромъ говорилъ, что на
вомъ шагу стараюсь я, прінс
затрудненія, дѣлать противное
дарю. Но я, записку положа н
столѣ, сказалъ, что если за сіе
варительное о трудностяхъ объяв
государь прогнѣвается и меня
жетъ, то буду я считать такимъ
несчастіемъ, какъ случается быт
ту громомъ; но буде допущу до в
ни совершеннаго разстройства
чѣмъ поправленнымъ быть не
щаго, тогда по совѣсти долженъ
подписать самъ себѣ смертную
И такъ воля его—сдѣлать изъ т
писки, какое онъ хочетъ употреб
но я уже въ таковой же силѣ по
рапортъ военному министру г. В
тинову (который находился тог
совершенномъ упадкѣ кредита
дѣлъ былъ удаляемъ).

Въ докладной запискѣ предст
лась невозможность продовольств

ка въ столицѣ и Финляндіи. Пред-лось помѣстить ихъ на зимнія тиры, по разстоянію верстъ до 400 Петербурга, гдѣ хлѣба и фуража ать можно: несъѣденное останется ѣлости къ веснѣ, когда войска для оны береговъ понадобятся. Въ той аписке упоминалось между про-, что, оставаясь о дальнѣйшихъ реніяхъ въ неизвѣстности, при-ю я движеніе войскъ къ Финлян-а потому считаю нужнымъ побы-тамо, видѣть обстоятельства отъ стности зависящія и посовѣто-ся съ губернскими начальниками собахъ составить подвижные ма-ны, безъ коихъ не можетъ суще-зать войско во время войны дѣй-ющее. На сіе получилъ я на дру-день письмо отъ г. Попова, гдѣ въ гкихъ словахъ объявляетъ, что дарь по прочтеніи моей записки золяетъ на отъѣздъ мой въ Фин-ію.

обывая въ Финляндіи, удостовѣ-я я о томъ, что̀ зналъ предвари-ю. Земля испещрена озерами, лѣ-и скалами кремнистыхъ утеси-ъ горъ. Жителямъ для собствен-ихъ пропитанія недостаетъ своего а. Народъ лѣнивъ и скуденъ. Во Финляндской губерніи считалось 100 лошадей малосильныхъ. Неу-во дорогъ причиною, что повозки у двуколесныя, на коихъ по мѣрѣ лошадей ихъ не возятъ и двад-пудъ тяжестей.

звратясь изъ Финляндіи, не видя слыша ничего о перемѣщеніи къ, подалъ я другую записку, гдѣ, оряя о трудности продовольствія, снялъ, что, если вскорѣ не умень-я число войскъ изъ Петербурга и крестностей, то ко времени воен-дѣйствій не будетъ у насъ ни-нигдѣ ни за какую цѣну; при чемъ просилъ удостоить меня знані-емъ, какой образъ войны ожидать мож-но; если наступательной, то объявлялъ какія мѣста для заведенія запасовъ по-читаю я удобными, а если оборони-тельную войну вести будемъ, тогда совсѣмъ другія мѣста для усиленія за-пасами предполагалъ. Таковаго свѣ-дѣнія просилъ я скорѣе, ибо зима бы-ла почти уже на половинѣ, слѣдова-тельно мало оставалось возможности дѣйствовать безъ чрезмѣрнаго возвы-шенія цѣнъ и безъ употребленія средствъ чрезвычайныхъ. На сію за-писку словесное получилъ я объявле-ніе чрезъ г. Попова, что государь на-значилъ главнокомандующимъ арміею генерала-графа Буксгевдена, который вскорѣ ожидается въ Петербургъ; съ нимъ вмѣстѣ сдѣлается распоряженіе о движеніяхъ, и чрезъ него мнѣ объ-явится планъ будущихъ операцій.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало войскамъ повелѣніе идти на зимнія квартиры; даже лейбъ гусаръ перемѣстили изъ Петербурга въ Ладогу; въ четырехъ драгунскихъ полкахъ, изъ Петербург-скихъ магазиновъ довольствованныхъ, нашлось много лошадей прилипчиво больныхъ; ихъ, для уменьшенія рас-хода на фуражъ, перестрѣляли, а пол-ки перемѣстили сходно моему пред-ставленію.

13 генваря 1808 года военный ми-нистръ Вязмитиновъ отставленъ, и на его мѣсто опредѣленъ графъ Арак-чеевъ. Г. Поповъ остался не надолго докладчикомъ и командующимъ по про-віантской и комиссаріатской части. Довѣренность къ новому министру, сообразная властолюбивому его нра-ву, вскорѣ испровергла и поглотила все вліяніе на военную часть всѣхъ государя окружающихъ чиновниковъ.

Во время, когда всѣ сіи перемѣны совершались, пріѣхалъ въ Петербургъ

графъ Буксгевденъ. Къ нему я тотчасъ явился, но никакаго удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Оставилъ его я въ мысли, что и самъ онъ ни о чемъ не зналъ, какія слѣдствія быть могутъ отъ продолжительныхъ кабинетскихъ переписокъ и объясненій съ министромъ Шведскимъ. Между тѣмъ, получилъ я отъ г. Попова письмо, гдѣ по повелѣнію государя предписываетъ мнѣ назначить провіантскихъ коммиссіонеровъ къ дивизіямъ, армію графа Буксгевдена составить долженствующимъ, опредѣлить главнаго при арміи коммиссіонера и дать главнокомандующему письмоводителя по провіантской части. Все сіе исполнивъ, представилъ я людей сихъ графу Буксгевдену, просилъ отъ него дальнѣйшихъ свѣдѣній о заготовленіяхъ для путеваго войскъ продовольствія; но также какъ и прежде остался неудовлетвореннымъ.

Тотъ же день ввечеру получаю я письмо отъ графа Буксгевдена, коимъ увѣдомляетъ, что по высочайшему повелѣнію предписалъ онъ полкамъ трехъ дивизій выступить въ походъ; требуетъ доставить имъ продовольствіе на пути, обнадеживая, что маршруты ихъ въ слѣдъ за симъ ко мнѣ доставить.

На другой день поутру рано, пріѣхавъ къ графу Буксгевдену, выговаривалъ я о неудобности удовлетворить его требованію; но онъ отзывался, что маршруты сочиняетъ генералъ-квартермистръ и представитъ еще къ апробаціи государя, что и самъ онъ знаетъ только, что полки сіи пойдутъ къ границамъ Шведскимъ, но какими дорогами не извѣстенъ.

Не оставалось другаго средства, какъ отпустить деньги для путеваго войскъ продовольствія и истребовать, чтобы провіантъ, сколько въ своихъ обозахъ и на солдатскихъ плечахъ помѣстить и взять могли полки изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они выступаютъ. Вскорѣ за симъ уволенъ г. Поповъ отъ дѣлъ провіантскихъ, и я поступилъ въ совершенную зависимость къ графу Аракчееву.

Чтобы удобнѣе объяснить произшествія, въ послѣдствіи времени со мною бывшія, надлежитъ описать происхожденіе графа Аракчеева, характеръ его и побочныя обстоятельства, вредившія мнѣ въ понятіи сего многомощнаго бывшаго боярина.

Родился онъ отъ бѣдныхъ родителей. За обученіе его Россійской грамотѣ и ариѳметикѣ заплочено, какъ самъ онъ сказывалъ, одна четверть ржи и двѣ четверти овса. Потомъ отданъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, гдѣ за прилежаніе и отличное знаніе артиллерійской науки сдѣлался извѣстенъ своему начальнику, который по выпускѣ въ офицеры оставилъ его при корпусѣ и взялъ напослѣдокъ къ себѣ въ адъютанты. Предъ возшествіемъ государя Павла 1-го на престолъ, просилъ онъ артиллерійскаго начальника дать ему исправнаго офицера освидѣтельствовать его артиллерію въ Гатчинѣ. Аракчеевъ былъ посланъ, понравился и оставленъ въ Гатчинѣ. При восшествіи госуда Павла 1-го на престолъ, Аракчеевъ является на сцену знатнымъ господиномъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, назначенъ комендантомъ города Петербурга и командиромъ гвардіи Преображенскаго полку, и напослѣдокъ главнымъ командиромъ всей артиллеріи. Неусыпное прилежаніе въ должности сего человѣка, исправное исполненіе всѣхъ приказаній, а наипаче строгихъ, было способомъ къ полученію всѣхъ отличій и личныхъ милостей. Онъ пожалованъ сперва барономъ, а потомъ

омъ. Дано ему двѣ тысячи душъ го выбору, домъ, деньги, вещи, эмъ, скорыми шагами доведенъ до », что знатнымъ при самодержав- » государяхъ человѣкомъ дѣлаетъ. зпослѣдствіи тотъ же жестокій ъ, на которомъ взлетѣлъ онъ къ тѣ, спустилъ его. Государь про- ался, его отставилъ, какъ онъ уже гъ, генералъ-лейтенантомъ. Графъ :чеевъ поѣхалъ въ пожалованную деревню, не въ дальнемъ разстоя- отъ Петербурга состоящую. Со- я привычки бѣднаго его состоя- могъ разбогатѣть доходами. Раз- иясь насыщать честолюбіе, спо- ь нравъ государей, съ коими былъ ко, домогался онъ всячески вска- ться на высоту и ухватить воз- равленія.

ежній командиръ мой Обольянин- какъ полагаютъ, былъ главнымъ емъ къ его ниспроверженію; слѣ- ельно, мщеніе злаго сердца рас- :ранялась на все къ тому прико- нное.

и возшествіи государя Александ- го на престолъ, Аракчеевъ при- въ службу главнымъ начальни- артиллеріи, какъ онъ и былъ ъ его отставкою, и потомъ произ- ъ на ряду съ прочими въ полные алы.

дя по воспитанію и ходу форту- рафа Аракчеева, слѣдуетъ заклю- что имѣетъ онъ умъ нравиться кому служитъ. И имѣлъ бы до- ю хорошія способности къ служ- аже и на вышнихъ степеняхъ, ес- ы ходъ его былъ медлительнѣе, вательно, научась опытами, уз- бы онъ, какъ управлять людьми, ь палкою бить не должно и не о, но надлежитъ, настроивая ихъ гія къ лучшему, укоренять при- энность ко власти правительству- ющей, которая поставила его главою и остается во власти свергнуть подъ пяту ноги. Неумѣренное честолюбіе и необдуманная ложная гордость не допускали его научаться истинѣ тогда, когда онъ учителемъ быть поставленъ. Главнѣйшая же бѣда въ томъ, что онъ познавалъ науку правительствовать отъ бывшаго наслѣдника ожесточеннаго, и всю силу свою и достоинство власти основывавшаго единственно на чистомъ самовластіи.

Первой разговоръ мой о дѣлахъ съ графомъ Аракчеевымъ былъ непріятный. Онъ говорилъ, не сказывая причины, что провіантской департаментъ не исправенъ. На отвѣты мои, основываемые на обстоятельствахъ прошедшаго времени, по коимъ нельзя ему быть исправнымъ, онъ ничего не распространялся, а только твердилъ, что все дурно. Наконецъ я ему сказалъ, что уже мнѣ сіе обидно: хотя я и не участвую въ дѣлахъ минувшихъ, по крайней мѣрѣ желалъ бы знать, что дурно, дабы могло быть поправлено, сколько возможностей къ тому есть. На сіе отвѣтъ его былъ: „вы непохожи на департаментъ вамъ ввѣренный. Вы хороши, а всѣ провіантскіе дурны“. И тутъ долженъ былъ отвѣтствовать, что не возможно 800 человѣкамъ всѣмъ быть хорошими или дурными. Кончилось тѣмъ, что не добившись никакого толка мы разстались.

Зная, что всѣ Финляндскія селенія малолюдны, и по причинѣ бѣдности жителей мало у нихъ находится посуды для хлѣбопеченія надобной; притомъ же войскамъ противу непріятеля дѣйствующимъ не можетъ быть досужно останавливаться, говорилъ я графу Буксгевдену, что по мнѣнію моему полезно бы было пріуготовлять въ С. Петербургѣ и въ Финляндскихъ городахъ сухари, и источа

оныя помѣщать въ бочки для отправленія къ арміи. Симъ думалъ я сберечь нѣсколько и самаго хлѣба, всегда при хлѣбопеченіи во время военныхъ операцій теряемаго. Бочекъ же считалъ я найтить довольное количество, отъ привезеннаго изъ чужихъ краевъ сахара опроставшихся. Графъ Буксгевденъ въ тотъ же день пересказалъ слова мои государю. А на другой день графъ Аракчеевъ писалъ г. Попову, что по высочайшему повелѣнію приказалъ бы онъ мнѣ къ нему явиться

Явясь къ графу Аракчееву, былъ вопрошенъ: говорилъ ли графу Буксгевдену вышеписанныя слова? Я отвѣтствовалъ, что говорилъ и подтверждаю мнѣніе мое о сей надобности. Тутъ объявилъ онъ, что государь ему препоручилъ, мнѣ приказать сдѣлать опытъ, но чтобы отправлять не толчено, а сухарями, ибо опасно, чтобы примѣси не было въ толченѣ. А при томъ, чтобы и сухари изсушенные представлены были къ нему, и испытаны находящимся при государѣ медицинскимъ чиновникомъ, признаетъ ли онъ невредными для здравія людей Много было тутъ разговоровъ, что опыты удостовѣряютъ о невредности сухарей, коими всегда питались войска, противу непріятелей дѣйствующія; какъ и о томъ, что неудобно мнѣ въ такое время, когда обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ и скорыхъ дѣйствъ, быть въ такомъ отдаленіи отъ начальства военнаго и оставаться въ зависимости отъ Попова, приводя самый сей случай въ примѣръ, что потерянъ цѣлый день въ сношеніяхъ о призваніи меня. Графъ Аракчеевъ объявилъ, что подписанъ уже указъ, коимъ подчиняется ему одному всѣ части, военной департаментъ составляющія. При разставаніи онъ приказывалъ, чтобы велѣлъ я тотчасъ печь

хлѣбы и сушить сухари. Но я от
стьовалъ: кому же велю я это дѣл
Если нанять хлѣбопекарей городск
то достанетъ ли къ тому возможно
ибо печей устроено соразмѣрно к
честву ежедневной продажи? Слѣд
тельно увеличится лишь издержка
зепныхъ денегъ, а надобности удо
творить буду не въ состояніи. И
онъ спросилъ: что же дѣлать, и на
же представляли вы о семъ, к
знаете невозможность исполнить
отвѣтствовалъ, что возможность
но она состоитъ единственно во в
государя. Какая же-то? онъ спрос
Приказать всему С. Петербургс
гарнизону, принявъ муку, испеч
своихъ печахъ хлѣбы, и пересуш
сухари, доставить туда, куда я
начу.

Въ сію минуту узналъ я власт
го министра, на предмѣстника
не похожую. Онъ, не отвѣтствуя
ни слова, постуча въ колокольч
призвалъ адъютанта и приказалъ
писать приказъ его, всѣмъ гвар
скимъ и армейскимъ полкамъ въ С.
тербургѣ находящимся, чтобы по
значенію моему, принявъ мѣсяч
ихъ пропорцію муки перепекли
хлѣбы, и пересуша въ сухари, от
везли при своемъ конвоѣ, куда отъ
ня будетъ приказано.

Хотя непріятно мнѣ было пос
подъ полновластное начальство с
таго, и благороднаго обхожденія
людьми не знающаго человѣка: но
бя пользу моего отечества, я радо
ся, полагая, что при немъ дѣла
дутъ ходчае.

Польза отъ печенія сухарей с
усмотрѣна была. Симъ способомъ
ствующее противъ непріятеля во
сдѣлалось обезпечено въ продо
ствіи, и могли двигаться скорѣе,
вершало неожиданныя дѣла.

чрезъ нѣсколько дней призываетъ графъ Аракчеевъ ввечеру. Онъ тогда у государя. Я дожидался олго вмѣстѣ съ генераломъ Копье(**). Пріѣхавъ часу въ десятомъ, лъ насъ обоихъ въ кабинетъ. ое его слово было къ г. Копьеву, бумаги его желаетъ прочитать съ вмѣстѣ при мнѣ. Копьевъ, взявъ олстую тетрадь, содержащую письь графу Аракчееву, началъ чиописаніе, съ какимъ безпорядкомъ одили чрезъ Финдляндскія его дея войска, армію графа Буксгевде оставляющія; что не имѣя по пуріуготовленнаго продовольствія, али они у жителей послѣдній ъ, платя деньги по справочнымъ мъ. При слушаніи сего, Аракчеуже злобный видъ имѣющій, скапотупя глаза, съ суровѣйшею занивостію: «если это правда, такъ енералъ-провіантмейстера аре». Видя, что сіе есть пріуготовая для меня сцена, я довольно ъ силы, чтобы промолчать. Скоро ъ, распрощавшись безъ всякихъ жденій, пріѣхавъ домой, напия государю письмо, просящее нenія отъ службы. Оное отпракъ графу Аракчееву, на другой по утру рано, при рапортѣ, гдѣ, его о скорѣйшемъ исходатайаніи мнѣ увольненія, сказалъ, слышалъ отъ него, что могу быть ованъ за неисправность моихъ иненныхъ, коихъ у меня 800 на ранствѣ 12/т. верстъ; слѣдователь могу я быть правъ и не подверя несчастію. Заключилъ тѣмъ, юслѣ сего чувствую уже я себя шенно потерявшимся и вовсе не бнымъ къ дѣламъ, которыя по янію того времени требуютъ дѣятельности чрезвычайной. И такъ весьма нужно, чтобы скорѣе другой на мѣсто мое былъ опредѣленъ.

Того же утра въ 8 часовъ получилъ я записку отъ графа Аракчеева, коею призываетъ меня пріѣхать во дворецъ въ 11-мъ часу.

Графъ Аракчеевъ, вышедъ изъ кабинета государева въ переднюю, гдѣ я дожидался, позвалъ меня въ другую комнату, гдѣ подлѣйшимъ образомъ просилъ у меня прощенія и бранилъ себя за строптивой свой нравъ. Но я, продолжая увѣреніе о неспособности моей къ сей должности, не соглашался оставить намѣренія идти въ отставку.

Чрезъ нѣсколько времени позваны были въ кабинетъ государя гр. Аракчеевъ и я. Нашли мы его одного. Первое его слово было ко мнѣ: «Скажите мнѣ причину, для чего просите отставки?» Я отвѣтствовалъ, что должность на меня возложенная не соразмѣрна силамъ моимъ Онъ возразилъ: «позвольте мнѣ знать способности ваши. Я знаю васъ по дѣламъ, и отъ всѣхъ начальниковъ вашихъ слышалъ похвальные о васъ отзывы". Тутъ, оборотясь къ гр. Аракчееву, спросилъ: „знаете ли вы кого достойнѣе его и способнѣе къ сей должности?" Тотъ съ раболѣпнымъ видомъ отвѣтствовалъ сими словами: Я, ваше величество, никого достойнѣе и способнѣе Дмитрія Борисовича не знаю. Послѣ сего самымъ милостивымъ образомъ началъ онъ мнѣ говорить о обстоятельствахъ повсемѣстныхъ, о надобности содержать въ исправности внутреннее государственное устройство для содержанія въ непоколебимости всего цѣлаго, что теперь не время ссориться, что нуженъ я службѣ; что часть мнѣ ввѣренная есть самая важнѣйшая, и что я долженъ имѣть въ предметѣ, что служу для пользы отечества. Тутъ много сдѣлалось разгово-

———

Алексѣемъ Даниловичемъ.

ровъ, и всегда всѣ мои возраженія оговаривалъ онъ краснорѣчиво и человѣколюбиво. При сихъ разсужденіяхъ графъ Аракчеевъ, оборотясь ко мнѣ, наиразбственнѣйшимъ тономъ сказалъ: „разсудите, ваше превосходительство, какъ не служить такому государю?“ Я ему отвѣтствовалъ: „Ваше сіятельство! я служу и служить буду государю по истинѣ такъ, какъ слѣдуетъ дворянину“. Послѣ сего государь мнѣ говоритъ, указывая на Аракчеева: „Вы къ нему пишете о арестованіи; какъ могли вы принять такъ, въ горячности, безъ размышленія, выговоренное слово? Развѣ вы думаете, что онъ сумашедшій?“ Тутъ гр. Аракчеевъ, сложа руки и поднявъ ихъ къ лицу, сказалъ: „Государь! уже я просилъ прощенія у Дмитрія Борисовича, и теперь при вашемъ величествѣ еще прошу“. Выговоря сіе, онъ такъ мнѣ низко поклонился, что мнѣ съ моимъ туловищемъ такъ бы и не согнуться. Въ сію минуту государь мнѣ говоритъ: «чего же вы еще хотите»? и потрепывая меня обѣими руками, продолжалъ: «Полно, братецъ, ты осердился; и потому хочешь оставить службу, перестань, останься». Нечего мнѣ было сказать кромѣ: «воля ваша, извольте, я остаюсь, но только позвольте доложить, и согласитесь, что самой я несчастливый человѣкъ». Онъ спросилъ: «а почему»? Тутъ я продолжалъ: «Ваше величество выгодно о мнѣ заключать изволите, и оказываете мнѣ отличныя милости довѣренностію вашею. За что же вы меня опредѣлили быть начальникомъ такого корпуса, который находится подъ гнѣвомъ вашимъ? (50)“ Онъ отвѣтствовалъ: „О! вы себя съ ними не равняйте! Вы очень хороши, а они очень дурны». На сіе я сказалъ: „Можно ли сдѣлать о всѣхъ заключеніе по тѣмъ людямъ, которыхъ виноватыми видѣли вы въ Пруссіи?» Тутъ онъ тономъ возвышеннымъ возразилъ: «Видите ли, какъ вы заблуждаетесь, считая, что, видя ихъ мерзкія дѣла въ Пруссіи, сдѣлалъ я о всѣхъ генеральное заключеніе. Нѣтъ, сударь, общая молва отъ всѣхъ сторонъ одинакова, отъ Чернаго моря до Бѣлаго, и отъ Балтійскаго до Каспійскаго и Камчатскаго, отвсюду равно кричатъ о нихъ: воры! воры! Выгоните мнѣ всѣхъ тѣхъ, кои подозрительными вамъ покажутся. Примите на службу другихъ, извѣстныхъ вамъ людей; словомъ, прекратите сію злую о нихъ молву: тогда увидите, что я все буду дѣлать по вашимъ представленіямъ“. Послѣ сего, продолжая еще разговоръ, пришло мнѣ на мысль попробовать возможности, не льзя ли получить входъ къ государю съ докладами о дѣлахъ моихъ, и чрезъ это выкарабкаться изъ когтей звѣрообразнаго командира. Но средство употребилъ я самое для меня невыгодное, сказавъ, что не способенъ я быть генералъ-провіантмейстеромъ, между прочимъ и потому, что я сумнительнаго нрава. На сіе государь сказалъ: „Это хорошо: вы во всѣхъ случаяхъ для васъ сумнительныхъ спрашивайтесь его (указывая на графа Аракчеева). А онъ, если въ чемъ разрѣшить васъ не можетъ, спросится меня. Когда же я что подпишу, то вѣдь уже вамъ сумнительно не будетъ». При окончаніи разговора, вышедъ изъ кабинета, нашли уже мы въ передней двухъ ми-

(50) Послѣ Тильзитскаго мира послѣдовалъ именной указъ, коимъ объявлялось злоупотребленіе провіантскихъ чиновниковъ, велѣно разсмотрѣть дѣйствіе каждаго, и очистить отъ чиновниковъ службѣ вредныхъ; до того же всѣмъ имъ запрещено носить мундиры.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

овъ, дожидающихся съ доклада-
'утъ на нѣсколько времени оста-
ь, графъ Аракчеевъ былъ поз-
въ кабинетъ и тотчасъ возвра-
позвалъ меня ѣхать вмѣстѣ. За-
ся онъ, чтобы шубу мою прине-
ь теплой корридоръ. Узнавъ, что
алъ я въ саняхъ, неотмѣнно тре-
ъ, чтобы сѣлъ въ его карету, го-
что въ комнатахъ было тепло,
эгу я простудиться. Для разгово-
ѣлахъ желалъ, чтобы я къ нему
лъ. Но когда я объявилъ надоб-
быть дома и успокоить стражду-
сумнѣніемъ жену мою, то самъ
отѣлъ доставить меня до дома.
говоря, что время ему дорого,
лъ и съ половины пути пере-
изъ его кареты въ сани и отпра-
домой.
лѣдній разговоръ о сумнитель-
моемъ нравѣ много мнѣ вреда и
сдѣлалъ. Аракчеевъ непрестанно
лъ меня на пробу. Ясно мнѣ ка-
, что хочетъ запутать и погу-
Способы, къ осторожности упо-
іемые, обращалъ онъ мнѣ во
представляя государю подъя-
крюками его запутывающимъ.
то я видѣлъ, но хладнокровно
кдая, долженъ былъ переносить;
ослѣдняя бѣда горше первой.
паче, что оберегать себя и ма-
стояніе мое я долженъ для семьи

исходѣ февраля мѣсяца, когда
графа Буксгевдена, послѣ не-
ихъ сраженій, заняла Гельсинг-
и всѣ города по пути лежащіе,
ила крѣпости Швартгольмъ и
эргъ, отправился я съ графомъ
еевымъ въ армію. Мнѣ напередъ
зано было объѣхать Финлянд-
границу съ праваго фланга, и
я всѣ удобства и возможности,
іи способствовать продоволь-
ствію арміи, съѣхаться съ нимъ въ
Фридрихсгамѣ.

Въ сіе время первой опытъ послѣд-
ствіемъ своимъ вскорѣ доказалъ мнѣ
надобность быть осторожну съ моимъ
начальникомъ. Предъ отъѣздомъ, дѣ-
лая расчетъ о надобностяхъ до при-
спѣянія транспортовъ водою, оказа-
лось неминуемо нужнымъ перевозить
12,000 четвертей овса изъ Твери по
зимнему пути. Все что можно было
нанять, нанято; слѣдовательно сіе по-
слѣднее количество должно было пе-
ревести на подводахъ по наряду. И
симъ же средствомъ нѣсколько овса,
а болѣе сѣна перевозить предложено
изъ Новогородской и Олонецкой гу-
берній въ Петербургъ и на Финлянд-
скую границу. Платежъ обывателямъ
былъ назначенъ большой. Обходилось
отъ Твери за четверть овса 5 руб.
50 коп и на потерю въ пути сла-
гать по 2 гарнца. Въ самой тотъ
часъ, когда отправлялся я въ путь,
приходитъ къ женѣ моей купецъ, тор-
гующій хлѣбомъ и имѣющій инте-
ресныя дѣла съ ея матерію Я спро-
силъ его: есть ли у него овесъ зиму-
ющій въ мѣстахъ, гдѣ покупать для
провіантскаго департамента по зако-
намъ дозволено. Онъ отвѣтствовалъ, что
есть, и его наймомъ доставить онъ
можетъ. Сторговавшись купить 12 т.
четвертей по 7 руб. 50 коп, взявъ
отъ него подписку, отправился я къ
графу Аракчееву, написавъ, что го-
раздо для казны выгоднѣе купить сіе
количество: ибо овесъ нашъ въ Тве-
ри стоитъ около пяти рублей, и сверхъ
дешевизны въ цѣнѣ избавимся мы
отъ ропоту народнаго, неминуемо быть
долженствующаго отъ наряда подводъ.
Не дождавъ отвѣта, я поѣхалъ. Пос-
лѣ меня онъ согласился купить отъ
него 6 т., которыя въ теченіи февраля
поставить обязывался и предложилъ.

ратить всѣхъ обывателей къ составленію подвижнаго магазина. Но дабы сдѣлать разность между государемъ законнымъ и силою оружія вознесшимся до сей степени, то надлежитъ платить щедро, дать льготы, и чрезъ то заглушить гласъ ропота народнаго, не оставить для историковъ ужасныхъ слѣдовъ къ описанію. Сей прожектъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принялъ, и увѣрялъ меня, что все, что я сдѣлаю для начала сей операціи, государь апробуетъ. И между прочимъ сказалъ мнѣ такую рѣчь, которая, показывая его чрезмѣрную силу, въ содраганіе меня привела, а именно: Знаете ли, что я сдѣлаю, пріѣхавъ въ Петербургъ? Скажу я государю: или отпустите меня отъ должности, или извольте подписывать, а я буду править"(*) Множество между тѣмъ постороннихъ было разговоровъ, показывающихъ величайшую его ко мнѣ довѣренность, которая на нѣсколько времени ввела было меня въ заблужденіе думать, что онъ великодушно перенесъ ту непріятную сцену, которую я ему доставилъ въ кабинетѣ государя.

По пріѣздѣ въ Фридрихсгамъ, гдѣ находился вице-губернаторъ Бухаринъ (**) для распоряженія по случаю прохожденія арміи, дружеское обхожденіе Аракчеева со мною было причиною къ тому, чтобы все меня слушаться начало. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я остался для соглашенія о способахъ доставить арміи провіанта и фуража столько, сколько нужно было для продовольствія до 15-го апрѣля (когда, преполагали, кончится распутица, и будетъ можно другими способами доставить).

Склоняя вице-губернатора къ тому, чтобы рѣшился онъ сдѣлать нарядъ соразмѣрно надобности, такъ чтобы въ теченіи цѣлаго мѣсяца всякой день по 1660 подводъ отправлялось, предложилъ я ему, что, если удовлетворится надобность, жалобы отъ народа не будетъ, и произведеніе сего дѣла въ дѣйство приметъ онъ на себя, то доставлю я ему званіе губернатора. Онъ предложилъ платежъ деньгами, сѣномъ и хлѣбомъ, и сверхъ того продать обывателямъ хлѣба для пропитанія семействъ ихъ. Все это я удовлетворилъ и сдѣлавъ съ вице-губернаторомъ письменное постановленіе для взаимнаго исполненія, разстался. Постановленіе сіе утверждено подписаніемъ государя. Вице-губернаторъ, по свершеніи дѣла, пожалованъ губернаторомъ. Однимъ словомъ, надолго оставался я въ славѣ, что полезно содѣйствовать дѣламъ моимъ и меня слушаться.

Всякой день видаясь съ графомъ Аракчеевымъ, непрерывно видѣлъ я благорасположеніе его къ себѣ. Однажды показываетъ онъ мнѣ списки съ писемъ на почтѣ тайно распечатанныхъ, гдѣ въ одномъ писалъ провіантской чиновникъ, и кому то неизвѣстно. Описывая новый порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ, изъяснялъ, что я, взявъ Аракчеева за носъ, веду куда хочу, и впутываю его во всѣ дѣла для моей обороны. Двусмысленный стиль, обидныя для министра выраженія, видѣлъ я, что сильно трогаютъ

(*) [illegible] тирады слова гр. Аракче[illegible] нарочно, чтобы посмотрѣть, какъ [illegible] на его собесѣдника, ему не[illegible] не вызовутъ ли они и у него ка[illegible] выраженія? П. Б.

(**) [illegible] (1772—1858) см. о [illegible] М. П. Лонгинова въ Москов. Вѣдом. [illegible] 121. Бухаринъ служилъ вице-губерна[illegible] нѣсколько позднѣе гу[illegible] П. Б.

)честіе человѣка, довольно разу-
щаго, что слабѣе онъ меня въ зна-
Сперва очень дружелюбно совѣ-
лъ онъ мнѣ рѣже съ нимъ видѣть-
менѣе спрашиваться; потомъ на-
етъ критиковать дѣла мои и об-
ать мнѣ во вредъ покупку овса,
рую безъ спроса его я отсрочилъ,
ачалъ обходиться со мною грубо
людяхъ, а на единѣ ласково. Ам-
я моя сего терпѣть была не въ со-
ніи; слѣдовательно вскорѣ испро-
лось начало нашей пріязни.
)и разговорѣ государя со мною въ
нетѣ, когда говорилъ онъ, чтобы
тить департаментъ отъ людей
ныхъ и принять на службу въ
номъ поведеніи мнѣ извѣстныхъ,
отясь къ Аракчееву, онъ прика-
дозволить вновь принимаемымъ
ть мундиры. Во время дружелюб-
ь еще моихъ съ Аракчеевымъ сно-
й, представилъ я къ опредѣленію
ъ чиновниковъ достойныхъ, изъ
ъ старшій былъ статскій совѣт-
, служилъ вице-губернаторомъ и
ь-секретаремъ въ Сенатѣ и по-
у былъ дѣловымъ и отличнымъ
іскусствѣ человѣкомъ сохранилъ
ѣдственную бѣдность и всегда хо-
пѣшкомъ, слѣдовательно никогда
роскошествовалъ. Конфирмованъ
даремъ докладъ о его опредѣленіи
, когда уже мы поразлаживать
ли. Обоихъ сихъ чиновниковъ наз-
лъ я: перваго (г. Шишкова) уп-
яющимъ, а второго членомъ Ви-
каго депо, гдѣ до пяти милліоновъ
одъ расхода, слѣдовательно чест-
люди туда наиболѣе нужны. Графъ
кчеевъ приказалъ имъ явиться къ
тогда, когда совсѣмъ готовы бу-
ѣхать.
шь вошли сіи несчастные въ ка-
тъ его, онъ (какъ пересказывали
мнѣ) съ злобнымъ видомъ началъ
имъ говорить: „смотрите же, не воруй-
те, у меня много за вами будетъ глазъ",
и оборотясь къ статскому совѣтнику
Шишкову, подтвердилъ: „Да поѣзжай
же у меня скорѣе. За тобой полетятъ
фельдъегери; и если ты умрешь, то
тѣло твое примчатъ въ Вильну".

Ужасно было видѣть сумнѣніе сихъ людей, когда, пріѣхавъ ко мнѣ, пересказали сіи слова. Но они поѣхали, вступили въ должность. Скоро Шишковъ занемогъ, сталъ репортоваться больнымъ, прислалъ ко мнѣ прошеніе о отставкѣ. Полагая, что злобныя рѣчи Аракчеева происходили отъ неумышленной запальчивости и худаго его воспитанія, старался я удержать, писавъ много разъ сему достойному чиновнику для его успокоенія, но ничто не помогло. Онъ непремѣнно требовалъ отставки, на какомъ бы то основаніи ни было.

Между тѣмъ, вопреки словамъ государя, которыя, казалось мнѣ, основывались на мысли человѣколюбной, чтобы исподоволь очистить департаментъ отъ людей вредныхъ, я боялся, что излишнею строгостію можно привести въ ужасъ сію службу, и лишиться средствъ укомплектовать людьми достойными; слѣдовательно потребно было время и весьма осторожныя дѣйствія. Но Аракчеевъ придумалъ иначе; онъ исходатайствовалъ имянной указъ, коимъ повелѣно: не отставлять изъ провіантскаго штата никого, кромѣ тѣхъ, которыхъ я признаю неспособными; онымъ давать отставку съ прописаніемъ вины и впредь ихъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Вторымъ указомъ повелѣно: служащихъ при канцелярскихъ дѣлахъ въ экспедиціи и въ коммиссіяхъ не производить въ офицерскіе чины прежде двадцати лѣтъ службы, и трактовать такъ, какъ поступается въ полкахъ

съ рядовыми и унтеръ-офицерами. И напослѣдокъ объявилъ Аракчеевъ имянное повелѣніе, что мундиры дозволяется носить вновь опредѣленнымъ безъ нашивокъ, точно такіе, какіе носятъ писаря военной коллегіи.

Во время прежнихъ военныхъ дѣйствій, всѣ лучшіе люди, которые по провіантскому департаменту находились, были употреблены при арміи. Всѣ они удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ начетомъ. Дѣлъ сихъ привести къ концу нѣтъ возможности; потому что надобно расчетъ держать съ полками. и всякое несогласіе до послѣдней мелочи повѣрять чрезъ сношенія; полки всѣ разведены по разнымъ мѣстамъ; многіе чиновники, которые объяснять должны, или отставлены или перемѣщены; словомъ, необъятная громада дѣлъ затѣянная, и на вѣкъ лучшіе люди погребены въ согниваюшихъ вѣдомостяхъ. На мѣста сихъ отъ службы удаленныхъ людей, хотя оставался я во власти представлять для опредѣленія; но кто могъ пойти, зная неблагорасположеніе ко мнѣ начальника и гоненіе на часть мнѣ ввѣренную? Канцелярскія дѣла также всѣ въ упадокъ приходить стали; ибо имѣвшіе офицерскіе чины всѣ пошли въ отставку, вновь никто не опредѣляется изъ свободныхъ людей. Послѣ многихъ разговоровъ и представленій записками, представилъ я графу Аракчееву рапортомъ изъ экспедиціи, прося дать въ писаря школьниковъ, солдатскихъ дѣтей. Но онъ возвратилъ рапортъ съ надписью, что нѣтъ у него фабрики дѣлать писарей.

Не могши согласить несчастнаго Шишкова остаться въ службѣ, и видя, что часть ему порученная, отъ неприсутствія его, можетъ разстроиться, представилъ я присланное ко мнѣ прошеніе, прося дозволенія перемѣстить его въ экспедицію членомъ; если же сего не будетъ угодно, то испрашивалъ увольненія ему отъ службы. На сіе послѣдовалъ имянной указъ: Шишкова отставить и впредь по военному департаменту его не опредѣлять. А управляющему провіантскимъ департаментомъ объявить удивленіе, что мало онъ содѣйствуетъ военному министру въ избраніи людей достойныхъ. Препровождая сей указъ военной коллегіи, Аракчеевъ предложилъ, чтобы съ прописаніемъ онаго послать мнѣ указъ за подписаніемъ всѣхъ членовъ.

Несчастный Шишковъ, получивъ отставку, сдавъ должность старшему по себѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ; но былъ высланъ съ приказаніемъ жить въ Вильнѣ, пока разсмотрятся всѣ дѣла и повѣрятся счеты за все время бытности его управляющимъ коммиссіею. По предписанію графа Аракчеева тамошній комендантъ, не объявляя за что, держалъ его три дни на гаубвахтѣ подъ арестомъ и велѣлъ послѣ считать себя арестованнымъ въ домѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ, отъ грусти, досады, бѣдности и прочаго отъ нихъ пораждающагося, кончилъ тамъ жизнь свою.

Распространяясь о происшествіяхъ съ несчастнымъ Шишковымъ, отдалился я отъ порядка времени.

Въ исходѣ марта 1808 г., когда еще я былъ съ графомъ Аракчеевымъ въ ладахъ, получилъ я повелѣніе ѣхать въ армію и согласиться съ главнокомандующимъ графомъ Буксгевденымъ о способахъ продовольствія войскъ сообразно плану предпринимаемыхъ движеній.

Пріѣхавъ въ Гельзингфорсъ, гдѣ графъ Буксгевденъ тогда находился, объяснялъ я ему сперва словесно всѣ способы, какіе имѣю и имѣть могу, спрашивая, куда, чего, сколько и въ

времена поставить надобно. Не
а никакого рѣшительнаго отвѣ-
аписалъ я ему рапортъ съ про-
мъ онаго. Рапортъ принявъ,
и его мы вмѣстѣ. Онъ наговорилъ
много ласкательнаго, что счаст-
онъ, командуя арміею, когда я
. провіантмейстеръ; но никакого
не сказалъ. Послѣ сего поѣхали
матривать принятыя на капиту-
три укрѣпленія около Свеабор-
а возвратномъ пути, спросилъ я
рнаго генерала, видѣлъ ли онъ
тъ, отъ меня графу Буксгевдену
ный. Онъ, показывая на боковой
нъ своего мундира, далъ знать,
нъ тутъ. На вопросъ: читали ль
о? отвѣтствовалъ: нѣтъ. Пріѣхавъ
родъ и уже пообѣдавъ, спросилъ
урнаго: читалъ ли рапортъ, и что
тдачѣ его графъ приказывалъ?
отвѣтствовалъ, что не читалъ и
ничего не приказывалъ. Тутъ
осилъ: „пожалуйтежъ, доставьте
отъ графа разрѣшеніе скорѣе".
мѣсто отвѣта отдалъ мой рапортъ
же офицеру, о которомъ выше я
ъ, ничего ему не приказывая.
езъ нѣсколько времени пошелъ я
нцелярію, и тамо найдя сего офи-
спросилъ, читалъ ли онъ ра-
. Сей объявилъ, что читалъ, и
мъ учтивымъ тономъ просилъ ме-
бъявить мое желаніе. Досужій
ръ въ мигъ написалъ мнѣ от-
и сообразно моему желанію, на-
лъ удобнѣйшія мѣста для учреж-
запасовъ, отколь главнокоман-
цій бралъ на свое попеченіе раз-
къ войскамъ; переписавъ отвѣтъ
ло, пошелъ къ графу, и я пошелъ
мъ. Номеръ уже былъ выставленъ
о письмѣ прежде подписанія, слѣ-
ельно я могъ его получить тот-
не запечатаннымъ; послѣ сего
лъ я къ главнокомандующему от-
кланяться и поѣхалъ въ Петербургъ обратно.

Поелику графъ Буксгевденъ меня увѣрялъ и офицеръ, канцеляріею управляющій, обнадеживалъ, что Шведская флотилія на озерѣ Саймѣ совершенно истребится, то для споспѣшествованія продовольствію арміи предположилъ я хлѣбъ въ Петербургъ идущій сложить въ Ладогѣ, и перевезя на гальотахъ къ противулежащему берегу озера Ладожскаго, перевозить сухопутно къ берегамъ озера Саймы (отколѣ на военныхъ судахъ Вильманштрадской флотиліи возить сколь возможно будетъ далѣе по Саймѣ, на 700 вер. простирающейся, почти паралельно Ботническому заливу). Для извѣдыванія, гдѣ найдутся тѣ мѣста, кои сблизятъ разстоянія между Ладожскаго и Саймскаго озеръ, послалъ я двухъ чиновниковъ провіантскихъ, приказавъ одному ѣхать по берегу Ладожскаго, а другому по берегу Саймскаго озеръ, спрашивая жителей о близости. Въ слѣдствіе чего на озерѣ Ладожскомъ найдено селеніе, а на Саймскомъ пустое мѣсто, гдѣ хорошая есть натуральная пристань Сухопутнаго разстоянія только 67 верстъ.

По приведеніи въ ясность сихъ открытій, планъ мой графомъ Аракчеевымъ апробованъ. Заведено строеніе на берегу Саймскаго озера. Для сухопутной перевозки далъ онъ въ мою команду роту піонерную съ 300 лошадей, повозками и людьми. Для перевозки по Саймѣ отданы суда, бывшія въ Вильманстрандѣ. Произведены въ гребцы милиціонные ратники. Но сіе дѣло по старанію моему препоручено Финляндскому военному губернатору, который, для лучшихъ по сей части распоряженій, долженъ былъ почти въ продолженіи всего лѣта находиться въ Вильманстрандѣ.

Когда уже неудовольствія у меня съ графомъ Аракчеевымъ началися, требовалъ онъ отъ меня мнѣнія, куда, сколько провіанта, по водяной коммуникаціи идущаго, сложить предполагаю. Назначая повсемѣстно пропорціи, назначилъ я въ Сердоболь 5000 четв. муки съ пропорціею крупъ. Онъ призвалъ меня къ себѣ, пересматривая мое назначеніе и почти все перемарывая, спросилъ, для чего назначаю въ Сердоболь такъ много, когда тамъ одна только рота. Я ему отвѣтствовалъ, что Сердоболь лежитъ на высотѣ Ладожскаго озера, что онъ на границѣ, гдѣ жительствуютъ Корельцы, люди къ военной службѣ принадлежащіе; и такъ случиться можетъ, понадобится тамъ умноженіе войска. На сіе онъ возразилъ: „Вѣть они, сударь, смирны и находятся теперь внутри линіи, нами занятой". Но я представлялъ, что мы занимаемъ линію весьма пространную, моремъ не владѣемъ; слѣдовательно Шведы могутъ, прорвавъ нашу линію, предпринять тоже, что Густавъ III предпринималъ ([53]), раззорить наши Ладожскіе шлюзы, и чрезъ то оголодить Петербургъ. Дойдя до Корельцовъ, они ихъ поднимутъ и сдѣлаютъ театръ войны въ границахъ нашихъ. Онъ, съ презрѣніемъ на меня поглядѣлъ, вымаралъ сумму 5000 и написалъ 500. Нечего мнѣ было дѣлать, кромѣ молчать и сожалѣть .....

Послѣ сего вскорѣ по имянному указу посланъ я былъ въ Ригу для мѣстныхъ тамо распоряженій; и сіе потому, что графъ Аракчеевъ, вырывая у меня управленіе, опредѣлилъ по имяннымъ указамъ во многія коммиссіи управляющими артиллерійскихъ генераловъ, предписавъ имъ къ нему прямо относиться. Въ Ригу опредѣленный всѣхъ былъ тупѣе, слѣдовательно ему было нужно поправить тамошнія дѣла, или неуспѣхи возложить на мою вину.

Послѣ указа объ отставкѣ Шишкова. уже безъ закрышки Аракчеевъ сдѣлался моимъ гонителемъ, и государь не только, чтобы по прежнему всегда милостиво меня примѣтить, сталъ отворачиваться отъ меня и явно гнѣвъ показывать.

Дѣла мои, въ Ригѣ произведенныя, приняты были съ довольнымъ уваженіемъ: все утверждено, но благоволенія ко мнѣ не прибавилось.

Предвидѣніе мое о Корельцахъ исполнилось въ августѣ мѣсяцѣ. Корпусъ Шведскихъ войскъ туда прорвался, увеличилъ свою силу Корельцами. Отъ всѣхъ мѣстъ послали войски къ Сердоболю. Командующій оными генералъ-адъютантъ князь Долгорукій ([54]) писалъ государю, что Шведы уже предъ городомъ; но нашимъ ѣсть нечего. Графъ Аракчеевъ, приславъ мнѣ рапортъ князя Долгорукаго оригиналомъ, своеручно пишетъ сими словами: „предоставляю вашему превосходительству принять благоразумныя ваши мѣры. Сами ли вы поѣдете туда для распоряженій или пошлете кого изъ надежныхъ вамъ людей, это отъ васъ зависитъ".

Отправясь тотъ же день, заѣхалъ я въ Выборгъ. Тамо соглася, по моему ходатайству опредѣленнаго, губернатора поѣхать со мною, успѣли наймомъ подводъ подвести отъ всѣхъ мѣстъ потребное количество, а первую нужду удовлетворить покупкою у купца, для мелочной продажи хлѣбъ въ Сердоболѣ имѣющаго. Заставили обывателей деревень, округъ Сердоболя

([53]) Во время войны съ Екатериною II (1788 — 1790).

([54]) Петръ Петровичъ.

ущихъ, обратить муку въ сухари, отправляя на подводахъ по наряежедневно транспорты, слѣдующіе слѣдъ за корпусомъ, прогонявшимъ ріятеля до самыхъ границъ (вновь и занятыхъ) доставляли ему про-ольствіе безостановочно.

озвратился я въ Петербургъ 30-го уста по утру. Министра не заставъ а, явился я на вахтпарадѣ. Видѣлъ то государь, говоря съ Аракчеевъ, пристально на меня смотрѣлъ. ь сошли они съ лошадей, Аракчевъ глазахъ его, подошедъ ко мнѣ, ашиваетъ, что я сдѣлалъ. И лишь ько оканчивалъ слова, то онъ обь меня, цаловалъ и крѣпко жалъ у. Я пошелъ въ слѣдъ за нимъ въ наты государя: думалъ, что позоь меня и кончатъ гоненія; но того дѣлалось. И послѣ того Аракчеевъ, одя въ переднюю, такъ глядѣлъ и гупалъ со мною, какъ то было жде.

-го Сентября, лишь наступило вредля отставки военнослужащимъ оленное, поутру рано, послалъ я рапортѣ графу Аракчееву прогіе къ государю, ничего не прося мѣ увольненія.

а другой день возвратилъ мнѣ гр. кчеевъ рапортъ мой и прошеніе партикулярномъ письмѣ, объяв, что государь завтра отъѣзжаетъ, е смѣетъ онъ его симъ безпокоить. адлежитъ знать: государь преднялъ путешествіе въ городъ Эртъ для свиданія съ Французскимъ ператоромъ Наполеономъ. Предъ ъ не за долго, Гишпанскій король же для свиданія съ нимъ пріѣхалъ въ границу своего королевства, ъ взятъ и отвезенъ во Францію. было поводомъ многихъ толковъ и нѣній у насъ; слѣдовательно, доаться отставки и принимать для того крупныя мѣры казалось не пристойно. И такъ, рѣшась молчать, продолжалъ я дѣлать свое дѣло, отъ всего сердца, какъ слѣдуетъ дворянину.

17-го Октября 1808 года государь возвратился, и тотъ же день пославъ графу Аракчееву при рапортѣ прошеніе мое объ отставкѣ, сказавшись больнымъ, остался я дома.

На третій день получаю при рескриптѣ, въ Веймарѣ подписанномъ, бриллiантовые знаки ордена Св. Анны 1-го класса. И въ тоже время множество чиновниковъ къ графу Аракчееву приближенныхъ, ко мнѣ пріѣзжая, уговаривали оставить намѣреніе идти въ отставку. Но я, объявивъ невозможность сіе сдѣлать, оставался дома неподвижнымъ. Въ продолженіи сего времени слышалъ, что какая-то размолвка у государя съ Аракчеевымъ была, и онъ поѣхалъ въ свою деревню, что обыкновенно дѣлывалъ при всякихъ непріятныхъ для него случаяхъ.

По возвращеніи графа Аракчеева, какъ видно на мировой, присуждено и исполнено: государь возвратилъ мнѣ мое къ нему прошеніе, написавъ на другой сторонѣ карандашемъ своею рукою слѣдующее: „Если бы генералъ-провіантмейстеръ, подавъ прошеніе въ отставку, остался, какъ слѣдуетъ, при исполненіи своей обязанности, доколѣ назначенъ будетъ ему преемникъ, исполнилъ бы онъ тѣмъ долгъ свой; но отзывъ, имъ сдѣланной о нехотѣніи заниматься своимъ порученіемъ, нарушаетъ оный совершенно. Дѣлаю ему за сіе строгій выговоръ, напоминая остаться въ предѣлахъ, службою опредѣленныхъ. Въ противномъ случаѣ напомню я ему со всею тою строгостію, съ коею привыкъ я поправлять нарушителей порядка".

Въ понедѣльникъ по утру получилъ я пакетъ, государевою печатію запечатанный. Фельдъегерь, мнѣ его привезшій, объявилъ, что онъ дежурный при государѣ; но послѣ отъ самаго графа Аракчеева (какъ видно, для показанія его всемочія) я узналъ, что отправилъ онъ ко мнѣ пакетъ по утру для того, чтобы не безпокойно я провелъ ночь.

Получа сіе писаніе, нѣсколько минутъ въ великомъ я былъ недоумѣніи, что дѣлать. Если бы не обязанъ былъ семействомъ, и жена (мнѣ милѣе всего) не была бы беременна седьмой уже мѣсяцъ (55), рѣшился бы я предать себя гоненію. Но подумалъ, когда за неповиновеніе государю возмутъ въ крѣпость и отдадутъ подъ судъ: то сколько несчастій можетъ сдѣлаться въ моемъ домѣ, и слѣдовательно потеряю я вдругъ все то, чѣмъ жизнь моя мнѣ сладостна.

Покорясь своей участи, поѣхалъ я къ графу Аракчееву. Нѣсколько времени заставилъ онъ меня дожидаться въ его передней, и между тѣмъ приказалъ изготовить карету. Послѣ чего впущенъ я былъ въ кабинетъ, гдѣ нашелъ его совсѣмъ готовымъ ѣхать. На вопросъ: что вамъ угодно, я сказалъ, что получилъ гнѣвъ государя и не знаю за что. Онъ отвѣтствовалъ, будто ничего о томъ не знаетъ, на слова мои, что обнесенъ видно я государю какъ неблагодарный подданный, служить ему не желающій. — „Но я бы готовъ былъ во всякомъ другомъ званіи доказывать ему вѣрность мою". Онъ отвѣтствовалъ съ злобною улыбкою: „Государь хочетъ, чтобъ вы ему служили генералъ-провіантмейстеромъ". На сіе я возразилъ, что я не способенъ къ сей должности. Тутъ съ злѣйшею улыбкою онъ продолжалъ: „Полноте, ваше превосходительство, коли вы не способны, то кто же есть способнѣе васъ?" На сіе я сказалъ: „Уже и потому я не способенъ, что вы меня не любите и разстраиваете важнѣйшую часть мнѣ ввѣренныхъ дѣлъ личнымъ ко мнѣ недоброжелательствомъ". Тутъ начинается цѣлая громада словъ. Онъ спрашиваетъ объясненія, въ чемъ состоятъ его недоброжелательства, служащія къ разстройству мнѣ препорученныхъ дѣлъ. Я ихъ объявилъ по порядку. Онъ все оговарилъ, силясь вездѣ доказать порядокъ службы, индѣ доказывалъ разность нашего о вещахъ понятія, и потому казавшееся мнѣ дурнымъ происходило съ самымъ хорошимъ намѣреніемъ; въ иныхъ случаяхъ запирался онъ съ божбою. Словомъ, видя злость и подлость достойнаго презрѣнія человѣка, которому покоряться было надобно, не оставалось мнѣ болѣе ничего, какъ сказать ему: „Я поѣду въ провіантскую экспедицію и буду въ службѣ по прежнему". При сихъ словахъ онъ, вставъ со стула, мнѣ поклонился, сказавъ: „Я долженъ сей часъ ѣхать къ государю, у меня уже карета готова и пересказать ему все то, что ваше превосходительство говорили." Тутъ я просилъ сими словами: „Когда ваше сіятельство должны довести разговоръ нашъ до свѣдѣнія государя, пожалуйте присовокупите къ тому, что въ семъ несчастномъ для меня случаѣ, берегши себя, считалъ я нужнымъ поберечь и его: ибо самодержавному

---

(55) Когда объявилъ я намѣреніе моей женѣ, то произвело такое волненіе, что открылись женскія болѣзни.

Послѣдствія доказываютъ важность сего случая:—родившаяся дочь Софья все время ребячества была больна и выросшая весьма слабаго сложенія. *Примѣч. Д. Б. Мертваго.*

государю не пристойно наказывать подданнаго за то только, что онъ, признавая свою неспособность, проситъ увольненія отъ должности, превышающей мѣру силъ его. Отдавъ меня подъ судъ, увѣряю васъ, что умышленной вины не нашли бы за мною. Я подпишу самъ себѣ смертную казнь, если найдется, что во всю мою жизнь чѣмъ бы то ни было когда я покорыстовался или во зло употребилъ довѣренность, мнѣ данную."

По пріѣздѣ въ экспедицію, лишь принялся я разсматривать бумаги, въ недѣлю небытности моей вступившія, позвали меня въ присутствіе военной коллегіи для слушанія дѣлъ. Тамъ всѣ, какъ испуганныя козы, на меня глядятъ, и никто спросить ни о чемъ не смѣетъ. Всѣ однакоже поздравляютъ съ полученіемъ брилліантовыхъ знаковъ, освѣщающихъ темноту моего грустнаго состоянія. Цѣлую ту недѣлю ни къ кому я не ѣздилъ: все упражнялся въ дѣлахъ дома и въ экспедиціи.

Въ слѣдующее воскресенье надлежало мнѣ благодарить за свѣтящіе алмазы. Былъ представленъ къ государю вмѣстѣ со множествомъ младше меня. Онъ, учтиво мнѣ поклонясь, не удостоилъ и взглядомъ, а со всѣми прочими, какъ бы нарочно мнѣ въ обиду, останавливался говорить. Лишь только отошелъ онъ отъ меня, графъ Аракчеевъ съ ласковымъ видомъ подступилъ ко мнѣ и дружески жалъ мою руку въ его присутствіи.

Предъ обѣднею надлежало представляться императрицѣ; въ то время много было представляющихся ей одной и имъ обоимъ. Государь и тутъ, противу своего обыкновенія, остановясь, со всѣми говорилъ кромѣ одного меня.

Въ ту осень и зиму много было баловъ въ Эрмитажѣ и у вдовствующей императрицы. Меня всюду зовутъ на ряду съ знатными боярами, имѣю я входъ за кавалергарды; но всякой разъ вездѣ чувствовать былъ долженъ гнѣвъ государя; ибо всегда онъ подходилъ говорить съ тѣми, кто случался быть возлѣ меня, но меня никогда и ласковымъ словомъ не удостоивалъ И когда случалось встрѣтиться глазами нашими, онъ въ тотъ мигъ отворачивался. Извѣстно всѣмъ, кто дворъ самодержавнаго государя знаетъ, какъ всѣ при дворѣ находящіеся и хотя нѣсколько къ оному прикосновенные послѣдуютъ волѣ государя. Въ слѣдствіе чего, всегда въ большой будучи бесѣдѣ, оставался я одинъ. Привыкнувъ къ уничиженію, уже мало оно меня трогало. Уединеніе среди людей давало просторъ мыслямъ къ разсужденію о суетѣ міра сего и о надобности презирать все то, за чѣмъ большая часть людей гоняется.

Въ продолженіе сего времени, бывая у министра для изъясненій по дѣламъ, принимаемъ былъ всегда вѣжливо, но какъ человѣкъ, котораго онъ остерегается и не любитъ. Однажды въ кабинетѣ его, разговаривая о разныхъ обстоятельствахъ по службѣ, при одномъ свидѣтелѣ изъ приближенныхъ его артиллерійскихъ генераловъ, что случалось весьма рѣдко, началъ онъ хвалить артиллеріи генералъ-майора Ильина, опредѣленнаго имяннымъ указомъ, по представленію его, управлять коммиссіею С.-Петербургскаго депо и быть членомъ при экспедиціи. Ему вмѣнялъ онъ въ большое достоинство необузданную его, глупую, а можетъ быть и на воровствѣ основанную смѣлость, и что часто онъ представляетъ ему на утвержденіе о том

что уже сдѣлалъ (что не могло быть иначе какъ съ уничиженіемъ моего званія). Въ сіе время при разсужденіяхъ возразилъ я ему, такъ какъ безъ свидѣтелей всегда говаривалъ: „Видите ли, ваше сіятельство, разность понятій нашихъ, почему и не гожусь я быть генералъ-провіантмейстеромъ; ибо я г. Ильину всегда говорю, чтобы онъ учреждалъ дѣла, ему ввѣренныя, такъ какъ законъ велитъ, и поступалъ бы поосторожнѣе, потому что сего рода дѣла долговремянно считаются и повѣряются.“ Вмигъ видъ Аракчеева перемѣнился злобнымъ образомъ. Глядѣлъ долго на меня, ковыряя пальцомъ въ носу, что была его привычка въ злобныя минуты. Потомъ, оборотясь къ сидящему по другую сторону генералъ-майору Ставицкому, началъ разсказывать дѣйствіе двухъ артиллерійскихъ генераловъ, изъ коихъ одинъ былъ смѣлъ, и дѣла его шли успѣшно, а другой былъ труслив, о всемъ спрашивался, и потому теченіе дѣлъ замедлялось, онъ его замучилъ вопросами и самъ умеръ отъ сумнѣній. Объясняя характеръ сего послѣдняго, онъ портретъ мой описывалъ. Всѣ мои дѣйствія представляя самыми глупыми, наполнялъ разговоръ бранными словами, приличными подлому его воспитанію. Все сіе выслушивалъ я терпѣливо; ибо бранилъ онъ человѣка мнѣ незнакомаго и коего нѣтъ на свѣтѣ. Наконецъ, когда онъ кончилъ рѣчь, я обратился къ тому же свидѣтелю, просилъ выслушать отъ меня защищеніе покойнику, дѣлами убіенному. Рѣчь сія смѣшна показалась; они оба протянули уши. Началъ я приведеніемъ примѣровъ, сколько было несчастныхъ людей, казенныя деньги расходовавшихъ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ долбыли оправдываться и тогда, когда всѣ обстоятельства забыты, когда судятъ ихъ дѣла люди, минувшихъ обстоятельствъ не знавшіе и осуждаютъ виноватыми въ такихъ дѣйствіяхъ, кои въ настоящемъ времени должны бы были быть похваляемы. Продолжая далѣе, приводилъ я въ примѣръ самыхъ знатныхъ бывшихъ людей: князя Менщикова, у коего отнятая деревня ([56]) въ казну досталась графу Аракчееву. И напослѣдокъ, говоря о времени князя Потемкина, спросилъ я Аракчеева: „Ваше сіятельство помните сіе время и несомнѣнно увѣрены, что онъ былъ сильной бояринъ, и въ его время осмѣлился ли бы кто изъ подчиненныхъ не исполнить его приказанія? Но извѣстны же вамъ и послѣдствія. Сколько людей убито несчастіемъ за то, что ему не противорѣчили. И самые его наслѣдники, 80/т. душъ раздѣлившіе, доведены было были до банкрутства, если бы покойный государь не прекратилъ взысканія, по счетамъ на него упавшаго за то единственно, что онъ поступалъ съ казенными дѣлами по домашнему.“ Послѣ сего тономъ, весьма умѣреннымъ, онъ мнѣ сказалъ: „Вы меня въ сумнѣніе приводите. Такъ моего Грузина (такъ называется пожалованное ему имѣніе) не достанетъ для счетовъ, которые сдѣланы быть могутъ?“ На сіе я отвѣтствовалъ: „какъ Грузина! Если бы государь пожаловалъ вамъ всю Новгородскую губернію, то и ея будетъ мало. Вѣдь ваше сіятельство слишкомъ сто милліоновъ рублей въ годъ издерживаете и поступаете весьма самовластно и часто законамъ противно, какъ-то требуютъ обстоятельства нынѣшняго крутаго времени“. Онъ спросилъ: чтоже дѣлать? Я отвѣтствовалъ: „представлять свои дѣй-

([56]) Знаменитое Грузино

ствія на судъ въ тоже самое время, и пользуясь довѣренностію къ вамъ государя, сдѣлать славное для васъ дѣло—сочинить законъ для военнаго департамента, коего вовсе нѣтъ. И при всякомъ государѣ возобновляемо было намѣреніе оный сдѣлать; въ слѣдствіе чего написать каждому чиновнику и самому министру инструкцію, гдѣ изложить ясно и во всей подробности, въ чемъ состоитъ каждаго обязанность, отвѣтственность и степень власти. Когда государь утвердитъ таковое постановленіе и оно примется за законъ государственный, тогда всякой будетъ правъ, идя по чертѣ ему предначертанной. Въ особливыхъ же случаяхъ, докладывать государю и получать письменныя его разрѣшенія". Подумавъ нѣсколько, графъ Аракчеевъ спросилъ меня: „Ну, какъ же вы думаете приступить къ совершенію сего намѣренія? Это вѣдь громада необъятная бумагъ, и досугъ ли теперь это дѣлать?" Я отвѣтствовалъ: „Начните по частямъ. Прикажите мнѣ подать вамъ прожектъ, какъ учредить часть провіантскую, и какія кому дать инструкціи, представьте оный государю. Вѣдь при васъ онъ мнѣ обѣщать изволилъ дать правила, въ чемъ состоитъ моя должность и какую степень власти я имѣю". На сіе онъ мнѣ сказалъ: „Знаете ли, что государь сдѣлаетъ? Неужели вы думаете, что онъ имѣетъ довольно времени, чтобы читать эту кучу бумагъ? Нѣтъ, онъ прикажетъ отдать въ совѣтъ или комитетъ на уваженіе. А тамъ въ спорахъ о каждой строкѣ пройдетъ много времени, которое мнѣ для дѣлъ нужно. И только лишь по напрасну испортится во мнѣ нѣсколько фунтовъ крови".—„И такъ, отвѣтствовалъ я, извольте поступить инымъ образомъ". — „А какъ?" онъ спросилъ. — „Представьте государю, что я сумнительный человѣкъ, какъ думаю вы и полагаете, что я надоѣлъ вамъ о всякой бездѣлицѣ спрашиваясь; потому что нѣтъ ни на что чистаго закона, и ни одинъ еще изъ предмѣстниковъ моихъ не отошелъ отъ должности сей спокойно; то прошу я разсмотрѣнія мною сочиненныхъ инструкцій мнѣ и всякаго чина подчиненнымъ моимъ. Скажите, что вы сего и не читали, а просите, чтобы мнѣ приказано было, какъ статсъ-секретарю, докладывать въ совѣтѣ, гдѣ вмѣстѣ съ прочими членами и вы будете слушать и приказывать перемѣнять то, что не совмѣстнымъ покажется". Сіе принялъ онъ съ довольнымъ уваженіемъ, но ничего по тому не сдѣлалъ.

Продолжали разговоръ далѣе о представленіи отчетовъ въ свое время и о надобности, дабы незамедлительно оныя разсмотрѣны были сенатомъ и утверждены государемъ: разумѣется отчетъ начальническій о распоряженіяхъ, а не счеты подчиненныхъ, которые и послѣ сочтены быть могутъ. Я предполагалъ, чтобы далъ онъ приказаніе всѣмъ начальникамъ департаментовъ, ему подчиненныхъ, подать ему таковой отчетъ, изъ коихъ сочиня генеральный, представилъ бы онъ сенату на основаніи манифеста, при учрежденіи министерствъ изданнаго. Распрощались мы друзьями, и онъ просилъ меня приступить къ дѣлу, слѣдуя моему плану.

На другой день послалъ я къ нему записку, содержащую расположеніе отчета; просилъ разсмотрѣть и поправить, если что считаетъ нужнымъ. Онъ, возвратя мнѣ мою записку, писалъ своеручно что все очень хорошо, и таковымъ отчетомъ заслужу я не его, а общее отъ всѣхъ уваженіе.

Принявшись за дѣло со всевозможнымъ прилежаніемъ, замуча всѣхъ моихъ подчиненныхъ выписываніемъ свѣдѣній, къ отчету принадлежащихъ, представилъ я его. Но оный остался безъ всякаго̀ дѣйствія. Мнѣ сказывали послѣ, будто министръ недоволенъ, для чего дѣйствія его не были тутъ выхваляемы.

Комитетъ, при военной коллегіи учрежденный для пересмотра штатовъ и разсужденія о способахъ сократить порядокъ въ производствѣ дѣлъ по военному департаменту, началъ требовать отъ меня начертанія о провіантскомъ департаментѣ. Члены сего комитета, въ числѣ коихъ наименованъ былъ и я, таковы случились, что и уѣздными судьями довольно бы имъ было находиться. Нѣсколько опытовъ удостовѣрило меня въ сей истинѣ. Однажды, когда они меня очень раздразнили, я сказалъ, что не могу ничего писать; ибо комитетъ учрежденъ для сокращенія порядка въ канцелярскомъ производствѣ, а по провіантскому департаменту нужно дать ему совсѣмъ новое образованіе. Разговаривая съ нѣкоторою горячностію о многомъ, я говорилъ и то, какъ бы ему устроено быть надлежало. На требованіе написать сей прожектъ, я сказалъ, что поелику сіе противно установленію покойнаго государя и въ имянномъ указѣ по коему комитетъ сей учрежденъ, о семъ не дозволяется разсуждать; то я безъ особливаго повелѣнія не приступлю къ дѣлу. Сіе общимъ приговоромъ велѣно было записать въ журналѣ. Тутъ жаръ мой нѣсколько прошелъ, и я одумавшись, разсудилъ, чтобы журналистъ не наврал чего лишняго или превратнымъ толкомъ, просилъ присутствіе дозволить мнѣ самому написать тутъ же въ присутствіи все то, о чемъ я говорилъ.

Вѣроятно, что въ волненіи и при шумѣ двѣнадцати человѣкъ членовъ не могъ я порядочно все изобразить. Журналъ сей лишь дошелъ до министра, онъ, какъ имѣющій право объявлять имянные указы, написалъ, чтобы комитетъ предоставилъ мнѣ написать все, что для преобразованія департамента почитаю я нужнымъ; только далъ на примѣчаніе, что въ объясненіи моемъ комитету видитъ онъ, что всѣ обязанности возлагаются на подчиненныхъ, а генералъ-провіантмейстеру и дѣлать будетъ нечего. Хотя весьма онъ совралъ, ибо начальнику всегда будетъ много дѣла, смотрѣть за дѣйствіями подчиненныхъ; но я оставилъ безъ возраженія, полагая, авось изъ сего начинанія произойдетъ польза.

Увидясь съ графомъ Аракчеевымъ и изъясняясь касательно его замѣчанія, просилъ дозволенія прежде подачи въ комитетъ представить ему мой прожектъ, сказавъ откровенно, что всѣ комитетскіе члены суть господа ему послушные: если онъ разсмотритъ и отошлетъ къ нимъ мое писаніе съ одобреніемъ, то дѣло кончится скорѣе, а иначе много будетъ пренія, отнимающаго у меня время для другихъ важнѣйшимъ дѣлъ. Сіе принялъ онъ съ учтивостію и, казалось, доброхотно, и препоручилъ мнѣ увѣдомить его, когда писаніе мое готово будетъ къ слушанію.

Окончa сіе дѣло, увѣдомилъ я графа Аракчеева, который въ самый день засѣданія комитета и во время, когда члены собрались, прислалъ за нѣкоторыми и за мною къ нему пріѣхать. Симъ, навѣрное считать можно, хотѣлъ онъ меня поссорить съ

ми, къ нему не приглашенны-
ь чемъ онъ и успѣлъ.
двѣнадцатаго часа вечера слу-
мое начертаніе, прерываемое
жденіями и преніями слегка. Всѣ
ятели раболѣпно слѣдовали мнѣ-
графа Аракчеева и каждое его
расплoжали разговорами; но
онъ, слѣдовательно и они, со-
лись со мною. Выбившись изъ
не прослушая и четвертой ча-
тложили продолженіе до друга-
емени.
зъ нѣсколько времени графъ
іеевъ, отъѣзжая въ свою де-
на короткое время, сказалъ
„Пожалуйте мнѣ ваше начерта-
рочитать на досугѣ въ дерев-
I оное ему вручилъ, и онъ пос-
лый годъ не упоминалъ мнѣ о
а нѣсколько правилъ отъ себя
ныхъ и государемъ утвержден-
написалъ, точно слѣдуя моему
ю.
концѣ осени предположено ми-
омъ было и государемъ конфир-
о сдѣлать во многія мѣста за-
еніе хлѣба подрядомъ, произ-
торги (кромѣ Петербурга) въ
ныхъ палатахъ подъ предсѣда-
вомъ губернаторовъ. Для при-
ія жъ при торгахъ возложено
ня командировать въ каждую
ѣхъ губерній по одному прові-
му коммиссіонеру, коихъ счи-
благонадежнѣйшими. Для Риж-
магазиновъ предположено ку-
хлѣбъ въ Смоленской губерніи,
и командировалъ я чиновника
осквы. Въ слѣдствіе предписа-
томъ учиненныхъ, Смоленской
наторъ, по окончаніи третьяго
представилъ на утвержденіе
ому министру, объявляя, что цѣ-
одны, понизить ихъ не нахо-
онъ средства, и поставщики, имъ
склоненные, едва согласились дожидать времени, какъ разрѣшеніе его получено быть можетъ; по минованіи жъ того срока они отказываются отъ совершенія обязательствъ, требуя между тѣмъ прислать съ тѣмъ же нарочно посланнымъ третью часть денегъ и согласиться уменьшить число залоговъ противу того, какъ уже государемъ было на сей образъ заготовленія конфирмовано.

Графъ Аракчеевъ, продержавъ нѣсколько дней у себя сіе представленіе и мнѣ онаго не объявляя, наконецъ, за три дни до срока, прислалъ всѣ бумаги при предписаніи, что возлагаетъ онъ на меня рѣшиться утвердить контрактъ, или инымъ способомъ сдѣлать заготовленіе для Риги, гдѣ хлѣбъ весьма былъ надобенъ.

Соображая все, что есть и быть можетъ, видѣлъ я себя на трудномъ пути. Рѣшиться утвердить контрактъ казалось мнѣ безсовѣстно, ибо цѣны нельзя было считать умѣренными. И какъ можно мнѣ было утвердить такія обязательства, гдѣ залоги уменьшены противу плана, государемъ конфирмованнаго? Разрушить сіе всѣми губернскими чиновниками сдѣланное постановленіе и велѣть тамъ же моему подчиненному покупать, ожидалъ я, что начнутъ ставить во всемъ препятствія. Да и не могъ я навѣрно надѣяться на честность подчиненнаго мнѣ коммиссіонера. Слѣдовательно, неблагорасположенный ко мнѣ начальникъ будетъ имѣть всѣ средства представить меня государю такимъ, какимъ ему захочется. Пробывъ нѣсколько часовъ въ жестокой борьбѣ мыслей, наконецъ, помолясь усердно Богу, рѣшился я разрушить контрактъ, и пославъ деньги тому чиновнику, который въ Смоленскѣ находился, препоручилъ ему покупать

хлѣбъ, написавъ притомъ партикулярное ему письмо, въ коемъ, изъясняя чистую правду, совѣтовалъ не пользоваться на семъ пути, увѣряя при томъ, что если совершитъ онъ дѣло съ желаемымъ успѣхомъ, то буду я всемѣрно стараться о исходатайствованіи ему милости государской, и можетъ быть, усердіемъ его и искусствомъ очиститъ онъ весь департаментъ отъ посрамленія, имъ претерпѣваемаго

Дѣйствіе сіе имѣло успѣхъ: хлѣбъ купленъ и доставленіе обеззабочено залогами. Покупкою сею противу цѣнъ по контрактамъ просимымъ сбережено казны болѣе 200/т. руб. Все мое стараніе о награжденіи сего чиновника было безъ успѣха. Напротивъ того, многимъ шиканамъ и придиркамъ отъ министра онъ былъ подвергаемъ. Но наконецъ, по многимъ моимъ усиліямъ, вмѣсто просимаго ему генерала-маіорскаго чина (ибо онъ уже десять лѣтъ служилъ военнымъ совѣтникомъ) пожалованъ ему орденъ св. Анны съ бриліантами, потому что уже имѣлъ онъ его безъ сего украшенія.

Въ исходѣ декабря 1808 (въ тотъ самый день, когда всѣ заняты были парадомъ и церемоніальною встрѣчею короля и королевы Прусскихъ, въ Петербургъ пріѣхавшихъ), безъ всякаго предварительнаго о томъ свѣдѣнія, получилъ я имянной указъ, коимъ повелѣвалось немедленно ѣхать въ Эстляндію, Лифляндію и Курляндію для мѣстныхъ распоряженій по продовольствію войскъ, учрежденію запасовъ и развозкѣ провіанта и фуража по кордону, гдѣ въ лѣтнее время для обороны береговъ войска будутъ находиться. Въ сіе время жена моя на сносяхъ была беременною и отъ бывшихъ крутыхъ со мною переворотовъ крайне нездоровою. Что я тогда чувствовалъ, это Богъ только знаетъ; однако же поѣхалъ, и послѣ меня чрезъ нѣсколько часовъ жена моя родила дочь Софію 1808 года декабря 29 дня.

Въ имянномъ указѣ дано мнѣ было полномочіе дѣйствовать, какъ признаю за лучшее, и повелѣно не тратить время въ сношеніяхъ о утвержденіи цѣнъ и кондицій, а только для доклада государю доносить военному министру о томъ, что и какъ сдѣлано мною. Въ окончаніи сказано: «само собою разумѣется, что по сношенію съ военнымъ министромъ должны вы взять съ собою сумму денегъ соразмѣрно надобности».

Явясь къ министру для полученія его приказаній, я сказалъ, что въ указѣ упоминается о развозахъ, слѣдовательно понадобятся мнѣ конвойные изъ полковъ, также нужно, можетъ быть, будетъ требовать и другихъ пособій; и такъ не соблаговолитъ ли онъ предписать о семъ дивизіоннымъ начальникамъ. Вмигъ сіе исполнено, и въ ордерахъ написано: удовлетворять моимъ требованіямъ, не сказавъ, какимъ. За тѣмъ, разсуждая о деньгахъ, спросилъ онъ меня: сколько я взять предполагаю? Я назначилъ сумму гораздо менѣе надобности. Онъ согласился и велѣлъ написать предложеніе въ экспедицію.

Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы попробовать провіантскую часть поставить на другую стезю посредствомъ подчиненія воинскимъ начальникамъ, какъ то до царствованія Павла I-го было: уменьшеннымъ же числомъ денегъ оберечь себя: ибо по недостатку оныхъ я пришлю требованіе, и тогда напишу министру для доклада государю все, что я дѣлаю Слѣдовательно, когда деньги, по

повелѣнію его мною требуемыя, пришлются, то съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣйствія мои утверждены будутъ.

Пріѣхавъ въ Ревель, видѣлъ я голодную сторону, гдѣ ничего нѣтъ. Обыватели для собственнаго пропитанія, покупая въ Ригѣ хлѣбъ, перевозятъ его. По причинѣ войны съ Англіею и Швеціею, военный нашъ флотъ, проигравъ одну баталію, не смѣлъ и показаться; слѣдовательно всѣ транспорты должны были быть сухопутные, а сіе возвышало цѣну до непомѣрности, и не находилось довольныхъ способовъ къ удовлетворенію надобности.

Посовѣтуясь съ дивизіоннымъ начальникомъ г. Лавровымъ, человѣкомъ умнымъ и прямому добру содѣйствовать готовымъ, рѣшились мы такимъ образомъ: по силѣ именнаго указа я потребую а онъ на основаніи ордера (отъ министра съ изображеніемъ воли государя полученнаго) исполнитъ: 1-е, соглашать полковыхъ шефовъ, чтобы приняли они въ Ригѣ двумѣсячную пропорцію провіанта, перевезли его на подъемныхъ лошадяхъ, употребя къ сему полковыхъ воинскихъ служителей. Для покупки збруй и одежды зимней людямъ, также и для приумноженія порціи лошадямъ, дамъ я за провозъ такую цѣну, какая вольнонаемнымъ платится. Симъ средствомъ, кромѣ скорости въ дѣлѣ и чистоты въ расчетахъ, и ту еще полагали мы пользу, что лошади во время пути будутъ питаться чужимъ кормомъ; слѣдовательно несъѣденное ими количество остается для удовлетворенія надобности весною, когда военныя движенія потребуютъ содержать лошадей въ сытости. 2-е, на томъ же указѣ и ордерѣ основываясь, подчиню я дивизіонному командиру г. Лаврову всѣхъ въ Эстляндіи провіантскихъ коммиссіонеровъ, а онъ велитъ имъ покупать что купить можно и будетъ надзирать за ихъ дѣйствіями. 3-е, чтобы продолжительною покупкою сѣна въ мѣстахъ будущаго кордоннаго войскъ расположенія не возвысилась цѣна (а паче когда то дѣлать будутъ провіантскіе коммиссіонеры) г. Лавровъ пошлетъ полковыхъ офицеровъ столько, чтобы повсемѣстно вдругъ все количество было куплено; и наконецъ 5-е, изъ суммы, налично со мною имѣвшейся, дамъ я г. Лаврову 500/т. руб., въ коихъ онъ представитъ отчетъ.

Чтобы сіе распоряженіе еще тяжеловѣснѣе сдѣлалось и содѣйствуемо бы было отъ гражданскаго начальства, пригласили мы губернатора къ разсужденію о способахъ, и тутъ же при немъ я написалъ и мы всѣ трое подписали постановленіе и каждому давъ по экземпляру для взаимнаго руководства и исполненія, послалъ я оригинальное къ графу Аракчееву и получилъ благодарственный отзывъ.

Пріѣхавъ въ Ригу, увидѣлъ я совсѣмъ другія обстоятельства: городъ торговый, гдѣ находятся конторы, для Англіи торгъ производящія. Множество хлѣба, по запрещенію выпуска, лежащаго въ бунтахъ; но все зерномъ, ибо готовился для отправленія въ Англію. Чтобы не дѣлать покупки лично самому, я требовалъ произвесть торги въ губернскомъ правленіи, слѣдовательно при губернаторѣ; и коль скоро доведено будетъ до умѣренности, спрося губернатора, сходною ли считаетъ онъ цѣну, объявлялъ я, что покупаю. Съ продавца бралась подписка въ губернскомъ правленіи, а я посылалъ за деньгами; отсчитавъ всю сумму продавцу слѣдующую, тутъ же запечатывалъ ее моею и покупщиковою печатью. Пакетъ отдавался губернскому казначею для храненія до тѣхъ п

когда продавецъ предъявитъ губернатору квитанцію о отдачѣ всего проданнаго имъ количества въ провіантскіе магазины. Сіе также съ похвалою мнѣ было утверждено.

Пріѣхавъ въ Курляндію, нашелъ я совсѣмъ другія обстоятельства. Тамъ всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ. Въ Курляндію ни отколѣ хлѣба не привозится, цѣна за провозъ изъ Риги чрезвычайно высокая. Для нагрузки на Американскіе корабли, въ Либаву приставшіе, платили купцы отъ Риги по рублю за пудъ желѣза.. Вѣроятно, что за хлѣбъ, которой тратится въ пути, надлежало бы заплатить дороже. Справочныя въ Курляндіи цѣны показывались на хлѣбъ столь дороги, что по разсужденію комитета министровъ отпущено провіантскому департаменту было по 24 руб. на четверть муки, а соразмѣрно тому крупъ и овса.

Адресуясь къ губернскому предводителю тайному совѣтнику барону Корфу, говорилъ я ему: справедливо ли, что въ Курляндію никогда, ни отколѣ хлѣба привозимо не было, а оная всегда отпускала избытки свои въ чужіе края? Онъ истину сію подтвердилъ. „И такъ, я продолжалъ, когда всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ, за чѣмъ же вижу я, по счетамъ прежнихъ временъ, поставщиками купцовъ и жидовъ?“ Онъ не обинуясь отвѣтствовалъ: „потому что чиновники провіантскіе съ ними торговаться любятъ, изъ насъ же, дворянъ здѣшнихъ, рѣдкіе хотятъ входить въ дѣла съ казною“. Тутъ тономъ, на древнихъ нѣмецкихъ рыцарей похожимъ, спросилъ я его: „полагаете ли вы меня дворяниномъ и по дворянски поступающимъ въ дѣлахъ мнѣ препорученныхъ?“ Онъ, похваляя начальный мой съ нимъ поступокъ, сказалъ, что довѣренность ко мнѣ имѣетъ. „И такъ, говорилъ я ему, сдѣлайте постановленіе: я куплю у дворянства хлѣбъ, а вы, именемъ дворянства, совершите обязательство безъ всякаго приказнаго порядка“.— „Какъ же сіе дѣло кончится, вѣдь вы не останетесь?“ онъ спросилъ. На сіе я объявилъ, что всю сумму, за хлѣбъ доводящуюся, вручу губернатору, который будетъ выдавать по квитанціямъ. Симъ онъ сдѣлался доволенъ, и прося отсрочки, чтобы имѣлъ онъ время снестись съ знаменитѣйшими той губерніи помѣщиками, требовалъ, чтобы чрезъ восемь дней пріѣхалъ я опять въ Митаву.

Въ теченіе сего времени провіантскіе мои чиновники, желая разстроить дѣлаемую связь съ дворянствомъ, употребляли всѣ возможныя средства къ показанію, что могутъ купить умѣренными цѣнами; и донесли мнѣ, что, по мелочи, покупая у крестьянъ, можно имѣть по 13 руб. за четверть; но льзя ли купить все надобное количество, не удостовѣряли.

Полагая, что если бы и дороже заплатить я былъ долженъ дворянству, но дѣло сіе будетъ чище, облагороживать станетъ дѣйствія провіантскія, на предъидущее время послужитъ немалою для казны пользою, а при томъ сблизитъ новоприсоединенныхъ подданныхъ съ интересами государевыми, написалъ я о семъ министру партикулярно своею рукою и поѣхалъ къ назначенному сроку въ Митаву.

Въ домѣ губернскаго предводителя увидѣлъ я не малое число дворянъ, знаменитѣйшихъ по имѣнію и титуламъ. Всѣ они тотчасъ со мною познакомились и чрезвычайно похваляли мой поступокъ, говоря, что такого тона не слыхали еще никогда отъ начальника провіантскаго. Однимъ словомъ, изъяснялись мы языкомъ

скимъ. Разсуждали о спосо- какъ бы написать постановле- говорить всѣ случаи, могущіе сумнѣніе и дать поводъ къ ничествамъ; согласясь на всѣ ы, попросилъ я бумаги и чер- . Написавъ постановленіе, не уже я въ состояніи прочитать переводя по французски. И такъ и переводчика-нѣмца ко мнѣ въ ь. По окончаніи чтенія, всѣ, въ ценіи отъ моего писанія, едино- рѣшились имѣть со мною дѣло. тутъ представилось главное. Мы ились, что дворянство, по ре- , отъ меня предложенному, по- ъ во всѣ мѣста Курляндіи на- ное количество цѣною для луч- расчета равною. Хотя сіе каза- мъ сперва не удобнымъ, ибо цѣ- пространству Курляндіи были инаковы, но наконецъ согласи- О общей же цѣнѣ они меня спро- какую я за справедливую почи- Отвѣтъ мой былъ, на основаніи ній провіантскихъ, по 13 рубл. верть муки. Всѣ вдругъ загово- что сіе не возможно. По утише- вчей нѣмецкихъ, которыхъ я не ѣю, сказалъ я имъ, что, желая родить провіантскую часть и ять чиновниковъ, мнѣ подчинен- имѣть дѣло съ людьми, отъ ко- зятокъ брать не можно, готовъ я ься и на такую цѣну, которую азначутъ, какія бы послѣдствія го ни произошли. Они спросили ненія симъ словамъ, и я отвѣт- лъ, что писалъ военному мини- предполагая возможнымъ купить руб., и по неблагорасположенію мнѣ, о коемъ не только они, но знали, могъ я ожидать непріят- . Тутъ рыцари мои взволнова- и нѣсколько поговоря между со- о нѣмецки, объявили мнѣ, что когда такъ, то они готовы поставлять за цѣну, мною назначенную.

Кончилось дѣло наше въ тотъ же день. Постановленіе о согласіи дворянства со мною, при посредствѣ губернатора написанное и нами тремя подписанное, втройнѣ мы каждый взяли, для взаимнаго руководства и исполненія. Денегъ безмала половину я могъ тогда же дать губернатору, обѣщавшись полную сумму доставить немедленно; ибо не могъ почитать, чтобы дѣйствіе сіе не одобрено было, послѣ чего съ наполненнымъ пріятностію воображеніемъ, отужинавъ у предводителя, поѣхалъ я въ Ригу обратно.

Написавъ министру все сіе произшествіе, подробно представя о тѣхъ полезныхъ для казны видахъ, которые для предыдущаго времени усматриваю, увѣдомя до какого количества какого хлѣба и по какимъ цѣнамъ въ Ригѣ для запасовъ купить еще можно, представилъ я изчисленіе, сколько суммы денегъ прислать мнѣ нужно. Представленіе сіе послалъ я съ адъютантомъ моимъ, взятымъ изъ артиллеріи и имѣющимъ знакомство со всѣми артиллерійскими офицерами, при министрѣ служащими.

Возвратившійся мой посланный привезъ мнѣ всю сумму денегъ. Всѣ распоряженія мои утверждаются, но холоднымъ тономъ. На постановленіе жъ, съ Курляндскимъ дворянствомъ сдѣланное, написалъ графъ Аракчеевъ замѣчаніе, показывающее малую довѣренность и неуваженіе къ дворянству, и между прочаго, что не назначено имянно сроковъ когда, сколько, куда поставлять; а только написано, что для безостановочнаго продовольствія, поставляя по временамъ, какъ дворянству будетъ удобнѣе, станутъ они наблюдать, чтобы двумѣсячная пропорція всегда, вездѣ, находилась

наличною въ магазинахъ провіантскихъ. При таковомъ замѣчаніи предписывалъ онъ мнѣ согласить дворянство, чтобы къ апрѣлю мѣсяцу была вездѣ поставлена хотя третья часть. Получа сіе, будучи боленъ такъ, что не могъ вставать съ постели, послалъ я съ адъютантомъ моимъ всѣ деньги къ губернатору и выписку изъ предписанія министрова касательно замѣчанія на постановленіе съ Курляндскимъ дворянствомъ, прося его показать предводителю сію бумагу и попросить его, не разсудитъ ли вывести меня изъ непріятнаго положенія

Предводитель посовѣтуясь съ наличными въ Митавѣ дворянами, на той же выпискѣ написалъ, что все то, что министръ замѣчаетъ, будетъ исполнено; касательно жъ сроковъ сдѣлано будетъ болѣе, ибо приняты уже мѣры о поставкѣ всего количества до апрѣля мѣсяца.

Въ сіе же самое время получилъ я имянной указъ государя; пишетъ, что, видѣлъ изъ донесеній моихъ къ министру. съ какимъ успѣхомъ идетъ дѣло, мнѣ препорученное; объявляя о недостаткахъ въ новоприсоединенной Финляндіи, приказываетъ постараться, нельзя ли изъ Риги отправить въ Свеаборгъ до 10 т. четвертей на купеческихъ судахъ, которые бы вмѣстѣ со льдомъ выдти могли.

Все исполня, соверша покупки запасовъ, нанялъ я также съ публичнаго торга отвозчиковъ по мѣстамъ. Лишь получилъ малую свободу отъ болѣзни, поѣхалъ я чрезъ Бѣлоруссію обратно; а прямо изъ Риги послалъ въ Петербургъ адъютанта съ отчетомъ и подробнымъ о всемъ донесеніемъ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ тотъ день, когда министръ собирался ѣхать въ Або, для предпріятія перейти чрезъ Аландскіе острова, и изъ другихъ еще двухъ пунктовъ въ Швецію. Я, не могши ходить (ибо распухшая нога ступать не позволяла) послалъ адъютанта словесно объявить министру о моемъ возвращеніи и невозможности къ нему явиться. Въ вечеру того же дня получилъ отъ него письмо, коимъ очень ласково извиняется, что, долго пробывъ у государя, не могъ меня видѣть; оканчиваетъ тѣмъ, что проситъ имѣть къ нему довѣренность и чаще писать къ нему въ Або.

Чрезъ нѣсколько дней, сдѣлавшись въ состояніи одѣться, поѣхалъ я въ воскресенье во дворецъ и просилъ быть представленнымъ государю на равнѣ съ прочими военными чиновниками, послѣ вахтъ-парада представляющимися. Помѣщенныя къ государю креатуры гр. Аракчеева, которыя во время его отсутствія докладывали по дѣламъ, увѣрительно объявили, будто мнѣ представляться не нужно, и что въ тотъ день представленія не будетъ. Но, я сказавъ, что мнѣ кажется не прилично не представиться тогда, когда я былъ въ отпускѣ по его указамъ, требовалъ отъ коменданта и дежурнаго генералъ-адъютанта доложить по крайней мѣрѣ о томъ, что я пріѣхалъ и представиться желаю. Всѣ были еще въ заблужденіи и думали, не буду ли позванъ въ кабинетъ, гдѣ безъ бытности Аракчеева могу объясниться и поправить мои тяжкія обстоятельства. Скоро начинается бѣготня въ передней предъ кабинетомъ, гдѣ я и множество людей находилось. Стали искать, кто еще будетъ представляемъ: Мнѣ объявлено, что государь пойдетъ смотрѣть рекрутъ; и я на пути его вмѣстѣ съ прочими буду ему представленъ

Государь, подошедъ ко мнѣ, ласковымъ видомъ спросилъ, давно ли я пріѣхалъ; потомъ тономъ, секретъ по-

ощимъ, спросилъ: „кончили
Я отвѣтствовалъ: „кончилъ“.
оклонясь, пошелъ онъ прочь.
шное исполненіе прожекта
эвскаго о переходѣ войскъ
Ботническій заливъ на Швед-
эега, сдѣлавшееся отъ того въ
ьмѣ волненіе, по коему король
анъ, возведенъ другой, и на-
я переговоры о мирѣ, всѣ пре-
наши удовлетворяющемъ, сдѣ-
ракчеева сильнѣе прежняго,
о славою чрезъ мѣсяцъ воз-
я.
видании со мною, обошелся онъ
асково и учтиво. Но поелику
уже время и даже надобность
ѣвать тѣ трудности, которыя
еодолѣть, то и рѣчей было ма-
занимались награжденіемъ во-
, чрезъ Ботническій заливъ пе-
шихъ, и политическими дѣла-
ительно скорѣйшаго заключе-
а.
заключенъ въ Фридрихсгамѣ,
дился министръ иностранныхъ
[7]). Сдѣлано большое военное
ство въ Петербургѣ. Множест-
ло награжденій чиновникамъ
кѣ бывшимъ. Управляющему
іею С. Петербургскаго депо
денъ Св. Анны 1-го класса; а
нигдѣ ни словомъ не упоми-
какъ бы вовсе былъ посторон-
дѣлѣ военномъ человѣкъ.
вшаяся война Французовъ съ
цами вмѣшала насъ въ дѣло.
ена армія въ Литвѣ, поручена
нду ген.-князя Голицына. Онъ
твовалъ занять Галицію и сдѣ-
зерсію Австрійцамъ.
прѣлѣ мѣсяцѣ, такъ же ничего
е вѣдая, получилъ я имянной
оимъ повелѣвалось отправить-
ся на границу и учинить распоряженіе о продовольствіи арміи, поступая по наставленіямъ военнаго министра; а съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ и отъ него предписаніе на нѣсколькихъ листахъ: въ ономъ, упоминая о указѣ, при поѣздкѣ въ Ригу мнѣ данномъ, приказывалъ онымъ руководствоваться; но тутъ же ему противорѣчилъ, ибо велѣлъ обо всемъ его спрашиваться. Двусмысленность сія произвела мнѣ много сумнѣній.

Повидаясь съ главнокомандующимъ княземъ Голицынымъ, въ то время въ Петербургѣ находящимся, отправился я два дни послѣ него прямою дорогою и въ Вильнѣ съ нимъ съѣхался. Осмотря все, видѣлъ довольно трудностей, но удобно могущихъ быть преодолѣнными.

Упадокъ кредита и малая сумма наличныхъ денегъ, со мною бывшая, много останавливала дѣйствій, и много непріятныхъ рѣчей выслушивать заставляла ([58]). Но вскорѣ присланные ко мнѣ отъ государственнаго казначея червонцы и ассигнованіе получить изъ казенныхъ палатъ прекратили сіе неудобство.

Слѣдуя прежде съ успѣхомъ употребленному способу, я договаривался съ дивизіонными командирами и писалъ акты при посредствѣ губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ войска находились. Главнокомандующій всегда одобривалъ дѣла мои и всѣми силами старался содѣйствовать. Достоинство

ъ Н. П. Румянцевъ.

([58]) Графъ Аракчеевъ при вступленіи въ министры исходатайствовалъ имянной указъ не платить долговъ, до 1808 года накопившихся. Многіе люди отъ того раззорились, подрывъ кредита столько возвысилъ цѣну и затруднилъ дѣйствія, что въ одинъ годъ переплатили денегъ въ излишествѣ болѣе, нежели бы стоилъ весь платежъ долговъ. *Примѣчаніе Д. Б. Мертваго.*

рѣшить споры, которые останавливаютъ устроеніе порядка". Лишь сѣли всѣ на свои мѣста, генералъ-контролеръ началъ читать свое сочиненіе. Я молчалъ, не возражая на тѣ мѣста, которыя были малозначущи. Но когда уже довольно накопилось резоновъ, просилъ остановиться и сталъ оговаривать, изъясняя, какія обстоятельства случаются и какія случиться могутъ. Тутъ министръ началъ брать мою сторону. Генералъ-контролеръ и ему сопутствующіе сдѣлались долголицы. Два часа пробило, и министръ объявилъ, что пора ему ѣхать, что онъ проситъ насъ подумать о семъ и рѣшиться постановить правила, сообразныя возможности исполнить, и что буде нужно, онъ готовъ и опять удостоить насъ своимъ присутствіемъ.

Чрезъ нѣсколько дней призывалъ къ себѣ управляющаго бухгалтеріею провіантской экспедиціи, отъ коего я узналъ, что генералъ-контролеръ и присутствующій со мной артиллерійскій генералъ-маіоръ Ильинъ разсматриваютъ въ министровомъ кабинетѣ формы. Они дѣло сіе кончили. Многое изъ прежняго убавили, но все далеко до настоящаго пункта. Министръ прислалъ въ военную коллегію утвержденныя его подписаніемъ бумаги, приказывая напечатать для разсылки къ исполненію. Начальнику типографіи приказано отъ министра печатать имена скрѣпившихъ формы, гдѣ между прочими помѣщено было и мое имя.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда министръ долженъ принимать просителей, поѣхалъ я къ нему. Онъ, кажется, зналъ чрезъ перваго его вѣстовщика генералъ-маіора Ильина, коему съ намѣреніемъ часто говаривалъ я о желаніи проситься въ отставку. Зналъ я и то, что Ильинъ, моего мѣста домогаясь, меня съ министромъ ссоритъ, да и тотъ желаетъ помѣстить его на мое мѣсто. Графъ Аракчеевъ тотчасъ велѣлъ меня позвать въ кабинетъ и принялъ чрезвычайно учтиво и съ пріятною миною. На вопросъ, что угодно, я просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе. „Если уже непремѣнно вамъ угодно, онъ продолжалъ, то буде подадите вы прошеніе, я доложу государю". Въ ту минуту вынувъ изъ кармана прошеніе, я ему вручилъ. Принявъ съ большимъ удовольствіемъ, говорилъ онъ мнѣ, будто очень ему жаль, что такое сильное отвращеніе имѣю я отъ должности, славно мною исправляемой. И напослѣдокъ разговаривая, кто бы могъ заступить мое мѣсто, требовалъ моего мнѣнія. Я назвалъ генералъ-майора Ильина. Но онъ говорилъ, что сего не сдѣлаетъ, сказавъ: „потому что онъ мой".

При разставаніи онъ объявилъ, что, имѣя много дѣла, не знаетъ онъ, когда можетъ по моей просьбѣ доложить; а между тѣмъ требовалъ, чтобы я окончилъ отчеты за минувшій годъ и представилъ вѣдомость о потребностяхъ на слѣдующій.

Вскорѣ послѣ сего государь, а съ нимъ и министръ, поѣхали въ Тверь и оттоль въ Москву, и до половины Декабря не возвращались (1809).

Во время небытности министра въ Петербургѣ, пріѣзжаетъ ко мнѣ генералъ-контролеръ. Куча бумагъ, за кафтаномъ положенныхъ, казали вдвое растолстѣвшимъ. Началъ онъ тѣмъ, что министръ изъ Твери ему пишетъ, препоручая мнѣ сказать, чтобы формы, для провіантскихъ коммиссій и коммиссіонеровъ сочиненныя, отправилъ я съ нарочнымъ для того, дабы съ новаго года начался порядокъ въ нихъ написанный. Я совѣтовалъ ему представить ихъ въ военную коллегію, по опредѣленію коей и будетъ

:нено; но онъ отвѣтствовалъ, что удетъ медлительно и къ назнамy времени не поспѣетъ во всѣ ,. Но я утверждалъ, что безъ ісента нельзя мнѣ послать курьеи отправить формы для руководі исполненія. Тутъ онъ сказалъ: амъ еще нужно подписать сіи и", указывая на толстый свой Будучи не въ силахъ болѣе оряться, объявилъ я ему, что і я не подпишу потому, что ю ихъ не полезными и даже ыми; да хотя бы онѣ и хороши не могу подписать и потому, подпись моя уже напечатана (е моего согласія. Онъ утверж- что министръ властенъ дать отъ юрмы, а я говорилъ, что коль то сдѣлалъ, то пусть отъ имени) ихъ и посылаетъ. Напослѣсей подлый человѣкъ осмѣлился бразомъ совѣта сказать: „знаете ю за сію бездѣлицу пріуготовляы себѣ много непріятнаго?" На ему отвѣтствовалъ: „Уже много господинъ Аракчеевъ непріятсдѣлалъ, и изъ всѣхъ непріятй самое большое то, что вы мнѣ е сіе говорить". Послѣ сего мы ались.

течепіе сего времени оконченъ отчетъ за минувшій годъ и изніе о потребностяхъ къ насту- ;ему. По возвращеніи графа чеева въ Петербургъ, нѣсколько къ нему пріѣзжая, не могъ его ь. Наконецъ увидалъ при мновъ его передней, и объявя, что заніе его исполнено, отчетъ и леніе поданы, и потому осмѣнапомянуть о прошеніи, отъ меданномъ. На сіе отвѣчалъ: „ахъ, абылъ вамъ сказать: коли уже епремѣнно того желаете, то изе подать прошеніе по формѣ, на гербовой бумагѣ, и при ономъ, коли вамъ угодно, приложите запечатанное къ государю письмо".

На другой же день исполня по его слову, пріѣхалъ къ нему и не требуя, чтобы обо мнѣ доложили, сталъ я дожидаться въ передней его выходу. Увидя меня, онъ съ злобнымъ видомъ сказалъ: „вы видно съ бумагой, пожалуйте, чтобы васъ не задержать". Я, подавъ бумагу и поклонясь, пошелъ вонъ.

Предъ отъѣздомъ министра въ Тверь, призывалъ онъ меня къ себѣ. Цѣлой вечеръ пересматривая вѣдомости о надобностяхъ и спрашивая мнѣніе мое о средствахъ заготовленія, напослѣдокъ спросилъ: какое количество хлѣба и какимъ образомъ считаю я полезнымъ заготовить для С. Петербурга? Отвѣтъ мой былъ, что ничего не надобно; ибо у насъ на пути идущаго есть слишкомъ на два года, по числу войскъ послѣ Шведской войны оставшихся повсемѣстно къ Сѣверу. „Но какъ же ничего не покупать? онъ спросилъ; стало, подумаютъ, что прежде напрасно мы много заготовляли?" На сіе я отвѣтствовалъ, что прежде была война и много находилось войска; но теперь, когда запасы повсемѣстно наполняются, еще и съ излишествомъ, и когда чрезмѣрная дороговизна, то полезно не покупать въ казну и объявить, что надобности ей нѣтъ, чрезъ что вѣроятно понизятся цѣны для вольной продажи; небольшое же количество недостающаго въ запасъ овса можно купить чрезъ коммиссіонеровъ, безъ большой огласки. Онъ остался непреклоннымъ, полагая нужнымъ покупать, а я остался резонами его не убѣжденнымъ.

Будучи въ Твери, исходатайствовалъ онъ отъ государя указы губернаторамъ купить 400 т. муки съ про-

порціею крупъ, и 250 т. четвертей овса для С. Петербурга. И повелѣно имъ, купя, непремѣнно никого о томъ не спрашиваться, а только увѣдомить военнаго министра о присылкѣ имъ денегъ соразмѣрно надобности, означенной въ контрактахъ, которые они заключатъ. Получа сіе свѣдѣніе, говорилъ я въ военной коллегіи и всѣмъ, кто ему пересказать могъ, что сія мѣра разстроитъ капиталъ провіантскаго департамента, и приведетъ въ невозможность изворотиться суммами, на первую треть ассигнованными.

Во время отсутствія государя обработалось его распоряженіе о образованіи Совѣта, гдѣ, раздѣляя дѣла на четыре части, назначались предсѣдательствующіе въ каждомъ департаментѣ, и предположено открыть первое засѣданіе совѣта 1-го генваря. Аракчеевъ возвратился послѣ прибытія государя, взбѣсился, извѣстясь о сей перемѣнѣ. Ему подумалось, что предсѣдательствующіе будутъ командирами тѣхъ министровъ, дѣла коихъ подлежатъ разсмотрѣнію департаментовъ. Сказываютъ, много было размолвки, и кончилось тѣмъ, что Аракчеевъ захотѣлъ быть и назначенъ предсѣдательствующимъ военнаго департамента. Послѣ сего явилось толкованіе, съ какими дѣлами ходить министрамъ прямо къ государю и съ какими чрезъ Совѣтъ. По оному открылось, что министры остались въ прежней силѣ, а Аракчеевъ почти безъ дѣла и безъ власти.

На мѣсто графа Аракчеева опредѣленъ военнымъ министромъ Барклай де-Толли, человѣкъ умный, добраго нрава; но что-то похожъ болѣе на министрову вдову, нежели на самаго министра.

Зная о сей перемѣнѣ, изготовилъ я всѣ свѣдѣнія для подачи новому министру. Явясь къ нему, былъ нятъ съ большою учтивостію. На онъ разговоръ тѣмъ, что, призн себя не въ силахъ отправлять д ность министра такъ, какъ отправ его предмѣстникъ, и почитая т слѣдующимъ, предоставляетъ руководствоваться порядкомъ въ нѣ изображеннымъ и дѣйствовать какъ дѣйствовали мои предмѣст На сіе я отвѣтствовалъ, что изв но ли ему, что подалъ я прошені отставку и нахожусь въ необхо сти просить его о томъ предста ства. Много говорилъ онъ мнѣ, при немъ не будетъ для меня непріятностей, которыя я прете валъ, что будетъ онъ стараться, ч государь отличилъ меня милостя награжденіями. Но поелику я ви себя слишкомъ униженна, быть р никомъ за заплату не хотѣлъ и стоятельно просилъ исходатайство мнѣ увольненіе, то и кончилъ н министръ разговоръ тѣмъ, чтобы тался я на нѣсколько времени, извѣстными ему сдѣлаются дѣл провіантской части; до того же должалъ бы порядокъ при графѣ А чеевѣ существовавшій.

Не имѣя никакихъ средствъ о нять ся отъ гонящей меня судьбы, женъ былъ ей покоряться, и ж быть не похожу на современни моихъ, продолжалъ всегда быть нымъ въ службѣ и прилежнымъ дѣламъ.

Въ поданномъ отъ меня Барк де-Толлію свѣдѣніи было означе покупкахъ вновь назначенныхъ, ему сказалъ: чтобы не оставилъ ложить государю, не согласитс онъ отмѣнить повелѣнія губерн рамъ данныя, ибо время къ тому оставалось; по крайней мѣрѣ льз бы было уменьшить большую п

Резоны мои: что болѣе милл-
этвертей ожидаемаго въ Петер-
хлѣба помѣстить будетъ негдѣ;
;есяти милліоновъ рублей, упо-
ься долженствуемыхъ на ту не-
ю покупку, замѣнить будетъ
ь. Издержка сія сдѣлаетъ оста-
при заготовленіи въ тѣхъ мѣ-
куда по перемѣнѣ политиче-
дѣлъ войска наши перемѣщают-
се сіе довольно важнымѣ пока-
Барклай-де-Толлію, и онъ мнѣ
залъ остановить отправленіе де-
къ губернаторамъ, которыя гр.
еевъ назначилъ, приславъ зад-
числомъ предписаніе, въ тотъ
когда онъ пересталъ быть ми-
мъ. Но послѣ Барклай-де-Тол-
лѣлъ мнѣ отправить сіи деньги.
третій день послѣ сего разго-
прислалъ Барклай-де-Толлій
меня къ себѣ. Лишь вошелъ я
му, онъ очень печальнымъ то-
объявилъ, что государь прика-
меня спросить, для чего я опо-
ю дѣла Аракчеева и злословлю
ь публикѣ; что не пристойно
ь моемъ званіи критиковать чи-
ка, бывшаго моимъ начальни-
и имѣвшаго довѣренность госу-
ю; и наконецъ, что сіе весьма
ря прогнѣвляетъ. Слушая сіе,
чалъ, что отвѣтствовать не зная.
онъ меня спросилъ: скажите-жъ,
превосходительство, кому вы
ранили? Я отвѣчалъ, что не
ъ его никогда и критиковать
бликѣ не соотвѣтствовало бы
тамъ моимъ, ни званію, ни зна-
ить на свѣтѣ; но что самому
Аракчееву въ глаза въ воен-
оллегіи, и ему, новому мини-
объявлялъ я, что распоряженія
сьма не полезны. И наконецъ
алъ, что не задолго предъ тѣмъ
валъ вчернѣ писанную вѣдомость и разсказывалъ о дѣлахъ графа Аракчеева опредѣленному предсѣдательствующимъ Совѣта по хозяйственному департаменту г. Мордвинову. Полагая, что сей чиновникъ можетъ быть въ секретѣ, я ему, ко мнѣ пріѣхавшему, не смѣлъ не сказать истины, когда онъ требовалъ свѣдѣнія, не можно ли уменьшить на наступившій годъ расходовъ по части провіантской. При разставаніи Барклай-де-Толлій просилъ меня убѣдительно не говорить ничего о графѣ Аракчеевѣ, дабы не прогнѣвать болѣе государя. На сіе обѣщалъ я ему стараться забыть, что остается онъ на свѣтѣ.

Неизвѣстно, какъ Барклай-де-Толлій донесъ государю о разговорѣ моемъ, только примѣтенъ мнѣ былъ гнѣвъ его. И братъ жены моей Семеновскаго полка полковникъ ([59]), въ милости у него находящійся, будучи съ нимъ въ разговорахъ, обо мнѣ слышалъ его отзывы, что сердитъ на меня за то, что, пороча Аракчеева, не поберегъ я его.

Продолжая пачкаться въ дѣлахъ провіантскихъ, видѣлъ я, что новый министръ, хотя лучшаго воспитанія и ума, нежели Аракчеевъ, но не имѣетъ довольно смѣлости и силы. Мягкость нрава дозволяетъ ему гнуться во всѣ стороны. Разговаривая со мною о формахъ, неудобнымъ и обиднымъ для меня образомъ сдѣланныхъ, въ коихъ однако же по приказанію Аракчеева перепечатали тѣ листы, гдѣ подпись означалась, и имя мое отъ товарищества избавлено (однако же, зачѣмъ путать часть важную и безъ того чрезмѣрно запутанную) Барклай соглашался на пересмотрѣніе и перемѣну сихъ формъ; но послѣ онъ же

([59]) Константинъ Марковичъ Полторацкій.

далъ предписаніе заплатить деньги за напечатаніе и поспѣшить окончаніемъ недопечатанныхъ. Однажды получилъ я его предписаніе послать деньги къ губернатору, ненужный хлѣбъ заготовившему, и такую сумму, что надлежало остановить издержки неминуемо нужныя. Я поѣхалъ къ нему, изъяснился, и онъ, обратно взявъ свое предписаніе, отмѣнилъ отправленіе; но тотъ же день письмоводитель его, отъ Аракчеева доставшійся, опять привезъ ко мнѣ то предписаніе, объявляя, что онъ велѣлъ просить меня непремѣнно того же вечера исполнить. Однимъ словомъ, видѣлъ я слабаго на знатной степени человѣка, интригующаго себя укоренить угожденіемъ всѣмъ слабостямъ государя, слѣдовательно старающагося, чтобы всѣ его окружающіе хорошо о немъ говорили.

Прошло два мѣсяца отъ времени вступленія Барклай-де-Толлія въ министры. Написалъ я къ нему письмо, гдѣ, напоминая первоначальное его требованіе, чтобы остался я при исправленіи моей должности, доколѣ сдѣлаются ему извѣстными дѣла по провіантской части, изъяснялъ, что, исполняя его волю, оставался я безмолвно; но теперь два мѣсяца уже миновало, а сего времени почитаю слишкомъ довольнымъ для познанія его, просилъ убѣдительно исходатайствовать мнѣ увольненіе.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1810 года получилъ я отставку съ мундиромъ и половиннымъ жалованьемъ ([60]).

VI. Жизнь въ отставкѣ и сенаторство.

Теперь надобно описать домашнія мои обстоятельства.

([60]) Его мѣсто занялъ Никол. Осип. Лаба.

При женидьбѣ моей жена моя никакого имѣнія не получила, кромѣ дома въ Петербургѣ на имя ея, давно уже состроеннаго, и приносящаго намъ дохода до 4,000 руб. Теща моя, не сдѣлавъ никакой со мною рядной записи, объявила словесно, что намѣрена купить женѣ моей деревню въ соотвѣтственность указной ея части, устроить оную, и словомъ сдѣлать намъ порядочное состояніе; между тѣмъ, полагая, что пользовалась доходами дома и не употребила столько денегъ на приданное сколько другимъ своимъ дочерямъ сдѣлала, дала при отъѣздѣ моемъ въ Крымъ заемное письмо на 30 т. руб Отговорки мои не могли имѣть успѣха. И чтобы не раздразнить, принужденъ я былъ принять, но оставилъ, не записавъ нигдѣ; слѣдовательно, по минованіи законами предписанныхъ сроковъ, произвелъ тѣ на гербовой бумагѣ написанныя письма простою черною бумагою.

По истеченіи года отправленныя къ ней обратно тѣ заемныя письма ясно ей доказали довѣренность и безкорыстіе мое, что, какъ кажется, было ей весьма пріятно и умножило желаніе пещись объ устроеніи нашего состоянія.

Проживъ съ небольшимъ три года въ Крыму, продалъ я пожалованную мнѣ аренду за 16 т. р. и деньги издержалъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ нѣсколько времени пожалованные мнѣ отъ государя 10 т. руб. оберегали отъ нужды. Но дороговизна и излишнія издержки, кои по частымъ моимъ разъѣздамъ неминуемо я употреблять былъ долженъ, при всевозможной умѣренности въ житьѣ, заводить начали въ долги. Предупреждая дальнѣйшее разстройство и опасаясь занимать у такихъ людей, коимъ по званію моему была во мнѣ надобность, рѣшились продать домъ и продали за 35 т. руб.

сѣмъ казалось дешево, и теща зъявлять начала за сіе неудотвіе.

еждс еще пріѣзда моего въ Пергъ, теща моя начала торговать іе близъ Москвы, чтобы онымъ дить мою жену. Сіе казалось есоразмѣрно съ справедливостію: гъ ее въ безпокойные долги и ведетъ въ семействѣ зависть. о разъ писалъ, и при проѣздѣ въ бургъ, будучи у нея, отсовѣтои просилъ оставить принятое еніе. Но ничто не подѣйствова-)на купила село Демьяново съ нями 295 душъ за 135 т. руб. зое имя И во время, когда я въ Ригѣ, послала женѣ моей, къ ней для свиданія пріѣхала. она къ ней явилась, то, взявъ собою въ Тверь, крѣпостнымъ комъ отдѣляя ее, взяла обязагво, что, получа Демьяново, отается она отъ наслѣдства имѣгцовскаго и ея (коего повсемѣстстоитъ около 4000 душъ) изъ же отдѣляемаго имѣнія взяла на бку 1000 десятинъ строеваго лѣ течение 10 лѣтъ.

рѣпя законнымъ порядкомъ имѣочери, поѣхала она съ нею виего и ввести ее во владѣніе. увидя огромный каменный домъ, юй садъ, оранжереи и прочее олѣпіе, соблазнилась, изъявила аскаяніе и желаніе возвратить братно Жена моя охотно на то силась и въ слѣдствіе ея воли алась изъ Петербурга прислать щее ей письмо: управлять симъ емъ, продать его, заложить, отдать угодно будетъ и раздроблять. атясь ко мнѣ, лишь она о томъ ла, то въ точности, по данному черне написанному вѣрющему у, написано таковое было на гербовой бумагѣ. засвидѣтельствовано въ Петербургской гражданской палатѣ, и съ первою почтою къ ней отправлено; чѣмъ сдѣлалась она спокойна, и умолкли даже возникшія толкованія завистливыхъ.

Получа увольненіе отъ службы, долженъ я былъ оставаться въ Петербургѣ до весны; ибо жена моя на послѣднихъ дняхъ беременности находилась. Въ исходѣ марта поѣхалъ къ тещѣ моей, чтобы узнать, куда направлять путь свой. При разговорахъ съ нею сказалъ я откровенно свое намѣреніе: что буде угодно ей, умѣря награжденіе женѣ моей до степени справедливостію указуемой, отдать Демьяново, то поселюсь я въ ономъ; когда же нѣтъ, то не разглашая ни о какихъ семейныхъ неудовольствіяхъ, отправлю весною излишнихъ людей и тяжеловѣсныя вещи прямо изъ Петербурга водою въ Казань; а самъ съ женою и дѣтьми, сколь можно будетъ на легкѣ, поѣду сухопутно, чтобы жить у моей матушки въ Бугульминской деревнѣ. Она, изъявляя большое желаніе, чтобы я жилъ къ ней поближе, объявила, что Демьяново мое; но что намѣрена она была, отдавая его женѣ моей, взять обратно себѣ домъ, который мы продали, и за который покупщикъ, по ея же приказанію вопрошенный просилъ 40 т. рублей. Въ слѣдствіе сихъ разсужденій согласились мы, что отдадимъ ей 11 т. руб., кои отъ проданнаго дома у насъ остались, и примемъ на себя долгъ ея по сему же имѣнію не заплаченный, 29 т. руб.

28-го апрѣля 1810 года жена моя родила дочь Надежду; и лишь возможно стало ѣхать, отправились мы изъ Петербурга. Въ исходѣ мая пріѣхали къ тещѣ моей въ деревню, близъ города Торжка состоящую.

Приняла она насъ хорошо, но властолюбивый нравъ ея скоро сталъ налагать тяжести на мою чувствительность.

Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней государь пріѣхалъ въ Тверь для свиданія съ великою княгинею, или для какихъ-то распоряженій по водяной коммуникаціи, новое образованіе тогда пріемлющей. Теща моя предположила въ тоже время ѣхать въ Тверь для заложенія церкви по обѣщанію ея въ Тверскомъ монастырѣ, и объявила мнѣ желаніе, чтобы и я съ нею же отправился. Хотя старался я объяснять ей, что мнѣ тяжело и даже неблагопристойно въ маленькомъ городкѣ являться на глаза государя, тотчасъ по полученіи отставки, которая ему была не угодна, что изъ сего могутъ быть различные толки, мнѣ не полезные; но ничто не успѣло. Она, отзываясь слишкомъ смѣло, требовала моего послушанія, которое я долженъ былъ сдѣлать.

Будучи въ Твери, испыталъ я многія непріятности, и набралось много свидѣтелей тому, что на меня прогнѣванъ государь и что желаетъ меня имѣть въ службѣ. Въ сіе время главнокомандующій въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ съ большимъ убѣжденіемъ уговаривалъ меня принять должность Московскаго гражданскаго губернатора, и казалось мнѣ, что это не безъ воли государя. Но я, по соображеніи всѣхъ и политическихъ и собственныхъ моихъ обстоятельствъ, на сіе предложеніе не согласился.

Теща моя изъ Твери пріѣхала къ намъ въ гости въ село Демьяново; захотѣла руководствовать жену мою, чтобы учреждалось хозяйство по правиламъ ея; занемогла, кажется, притворно и прожила почти съ мѣсяцъ. Тутъ видѣлъ я себя въ тяжкихъ обстоятельствахъ. Боязнь, что жена моя сдѣлается похожа на мать ея, приводила всѣ чувства мои въ содраганіе. Отъ многихъ размышленій, не имѣя никого, кому открыть свое мученіе, чувствительность увеличивалась, и однажды прорвалась за предѣлы, благоразуміемъ опредѣляемые. При жаркомъ разговорѣ съ женою при сестрѣ ея, я много наговорилъ, и сказалъ, что̀ дѣйствительно много разъ на сердцѣ бывало, что брошу всѣхъ и уѣду къ матушкѣ моей или попрошу себѣ службы комендантской въ какой нибудь Сибирской крѣпости. Сія сцена вѣроятно доведена до свѣдѣнія моей тещи. Она, уваженіе ко мнѣ еще сохраняя, поусмирилась; предприняла ѣхать по монастырямъ до Ростова. Я, отгадывая ея желаніе, вызвался быть ея провожатымъ, и мы отправились. хотя жаль мнѣ было оставить мою жену, которая, предпринявъ вскорѣ послѣ родинъ путь изъ Петербурга въ весеннее еще холодное время и надсѣвшись отъ крутыхъ поворотовъ чувствительныхъ, была очень нездорова. Изъ положеннаго на меня за Демьяново долга 15 т. рублей надлежало заплатить того года въ декабрѣ мѣсяцѣ. Оныя теща моя потребовала въ Петербургѣ, для чего продалъ я брилліантовые знаки ордена за 7500 р., а остальные 7500 руб. далъ мнѣ безъ процентовъ взаймы Николай Ивановичъ Штиглицъ (*¹), объявляющій желаніе заслуживать за безкорыстное мое съ нимъ поведеніе въ Крыму.

Въ томъ же декабрѣ 1810 поѣхалъ я въ Бугульминскую деревню къ мо-

(*¹) Дядя бывшаго недавно управляющаго государственнымъ банкомъ, барона Александра Любимовича Штиглица. *П. Б.*

гушкѣ. Радость при свиданіи ь и всей моей родни описывать . Но тутъ какъ нарочно сдѣ- мнѣ сильное неудовольствіе ь возмутить покой души моей. всякаго предварительнаго мнѣ нія прислано Бугульминскому му земскому суду предписаніе ть съ меня 4807 рублей; а ес- заплачу, то описать имѣніе, по ству отъ отца мнѣ принадле- . Тутъ же упоминается, что о ѣстности запрещенія писано во ажданскія палаты; а о сыскѣ і гдѣ найдется имѣніе, мнѣ при- ащее, сообщено во всѣ губерн- авленія; что сіе взысканіе про- гся военною коллегіею по дѣлу ералъ-аудиторіатѣ рѣшенному ударемъ конфирмованному, за у коммиссіею Рижскаго про- аго депо излишняго и ненуж- лѣба дорогими цѣнами.

ятно, сколь чувствительна мнѣ ія новость, совсѣмъ неожидан- сколь ясно мнѣ доказывалось расположеніе государя и знат- собъ его окружающихъ, а так- одлая угодливость меньшихъ иковъ, по сему приговору дѣй- шихъ. Далъ я нижнему зем- суду объясненіе, что денегъ ыхъ для пополненія сего взы- представить не имѣю, что имѣ- , отъ отца моего доставшееся ъ, состоитъ въ общемъ владѣ- матери моей, и оныя по дав- мъ долгамъ моимъ, нажитымъ кбѣ, состоятъ въ залогѣ Орен- аго приказа общественнаго при- за занятыя въ ономъ деньги, имѣю я пансіонъ, мнѣ при от- пожалованный, изъ коего мож- итать.

ъ нѣсколько дней, отдохнувъ ады, всѣ чувства мои взволно- вавшей, не имѣя съ собою бумагъ, съ коими справившись, могъ бы на- писать порядочное объясненіе, напи- салъ я партикулярное письмо военно- му министру Барклаю-де-Толли, что служа 28 лѣтъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, пріѣхавъ въ родительской домъ бѣднѣе нежели изъ онаго вы- шелъ, посрамленъ симъ взысканіемъ; и прося свѣдѣнія, за что оное послѣ- довало, испрашивалъ, если оно неиз- бѣжно, то приказалъ бы остановить пожалованной мнѣ пансіонъ, а не от- нимать имѣніе у 75 лѣтней матери моей, около 60-ти лѣтъ симъ имѣніемъ владѣющей.

Возвратясь въ Демьяново, гдѣ всѣ мои бумаги оставались и получа пар- тикулярно извѣщенія отъ пріятелей моихъ, о семъ дѣлѣ освѣдомившихся, написалъ я къ государю прошеніе и въ мартѣ мѣсяцѣ оное послалъ, адре- суя къ военному министру; но ника- кого удовлетворенія не имѣю кромѣ того, что замолчано взысканіе съ имѣ- нія. Запрещеніе не разрѣшено, а пан- сіонъ мой не остановленъ.—Дѣло сіе таково, что достойно описанія.

Въ исходѣ 1807 года, когда опре- дѣленъ я былъ генералъ-провіант- мейстеромъ, въ тожъ время опредѣ- ленъ въ провіантской штатъ изъ пол- ковыхъ шефовъ генералъ-майоръ Ле- шернъ, къ коему государь былъ ми- лостивъ. И сіе перемѣщеніе сдѣлано для того, что Лешернъ получилъ бо- лѣзнь въ ногахъ столь сильную, что ходить былъ не въ состояніи; слѣ- довательно во фрунтовой службѣ быть не могъ. Познакомясь съ нимъ, наз- нача его сперва членомъ провіант- ской экспедиціи, видѣлъ я, что че- ловѣкъ онъ умной, хорошо воспитан- ный, имѣющій весьма хорошее поня- тіе о общей связи дѣлъ.

Въ сіе самое время дѣлалось пріуготовленіе къ войнѣ съ Англичанами и Шведами. Двѣ дивизіи назначены были для обороны береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива въ губерніи Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую. Справясь по вѣдомостямъ о хлѣбѣ, видѣлъ я, что онаго мало и для продовольствія гарнизоновъ, тамо находившихся. Недородъ хлѣба и проходившая армія въ Пруссію и обратно довели тотъ край до такого истощенія, что правительство заботилось оберечь жителей отъ голода. Коммиссія Рижскаго депо, въ вѣдомствѣ коей состояли магазины сего края, совершенно въ дѣлахъ своихъ была запутана; ибо управлявшій сю и всѣ лучшіе чиновники находились при арміи въ Пруссіи, подверглись подозрѣнію, удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ счетомъ коммиссіи, особо учрежденной въ Мемелѣ.

Полагая, что господинъ Лешернъ, будучи родомъ изъ Лифляндцовъ, знаетъ обстоятельства края, не давно и во время войны служившій шефомъ кавалерійскаго полка, и потому лично знакомый со всѣми начальниками того войска, которое коммиссія Рижская кормить должна, — назначилъ я его управляющимъ опою, и оставя на нѣсколько дней въ Петербургѣ, дѣлая вмѣстѣ съ нимъ расчеты и распоряженія по ввѣряемой ему части, предписалъ, чтобы онъ, во первыхъ, объѣхалъ всѣ мѣста его вѣдомства, освидѣтельствовалъ, все ли то въ наличности, что по вѣдомостямъ показывается, старался бы повсемѣстно купить неминуемое по расчету надобное количество до новаго урожая; въ Ригу же и въ мѣста, куда можетъ быть доставляемъ хлѣбъ (по Двинѣ изъ Бѣлоруссіи ожидаемый) купилъ бы столько, сколько нужно до прибытія транспортовъ.

Поелику извѣстно уже было, что война съ Англичанами и Шведами неизбѣжна, хотя еще не объявлена, и министры сихъ державъ не отъѣхали изъ Петербурга; слѣдовательно нельзя было о томъ говорить открыто: то при отправленіи г. Лешерна приказывалъ я ему словесно, чтобы имѣлъ въ предметѣ мѣстное положеніе Курляндіи, гдѣ много есть мѣстъ, удобныхъ къ высадкѣ. Берегъ моря имѣетъ видъ треугольника, войска предполагается тамъ содержать не мало; слѣдовательно, если непріятель, насъ сильнѣйшій на морѣ, предприметъ гдѣ дѣлать высадку войскъ, и потому съ разныхъ пунктовъ сухопутныя наши войска станутъ соединяться для отраженія его; то надобно заблаговременно о семъ подумавъ учредить хотя небольшой запасъ хлѣба въ такихъ мѣстахъ, отколь бы въ разныя стороны съ одинаковою удобностію онъ могъ быть обращаемъ для продовольствія.

Г. Лешернъ, поступая по данному ему наставленію, объѣзжая мѣста Эстляндіи и Лифляндіи, помощію полковыхъ шефовъ успѣлъ обезэаботить продовольствіе; по пріѣздѣ жъ въ Курляндію встрѣтилъ затрудненій болѣе. Недостатокъ хлѣба и чрезмѣрная цѣна ежедневно возвышающаяся показывала чрезмѣрную трудность. Въ сіе время объявили ему въ Митавѣ два богатыхъ помѣщика, что для винокурень ихъ имѣютъ готоваго хлѣба зерномъ до 10 т. четвертей. Цѣна ими просимая, по соображеніи мѣстныхъ цѣнъ, въ то время существовавшихъ, казалась сходна. Но они требовали рѣшимости тотчасъ, и чтобы выдана имъ была половина суммы, за хлѣбъ доводящійся, впередъ. Г. Лешернъ,

съ губернаторомъ и получа ерждение о недороговизнѣ цѣнъ, илъ въ коммиссіи Рижскаго де- ракты, обязавъ ихъ ставить ценамъ, какъ-то нужно было оящее продовольствіе войскъ, для запаса, предполагая оный ть въ двухъ мѣстахъ Курлян- іствительно для предосторож- способныхъ. Выдавъ имъ по- ую часть денегъ впередъ, до- спедиціи провіантской съ при- мъ копіи контрактовъ; и въ время особеннымъ ко мнѣ ра- », изъясняя всѣ его дѣйствія, что сего запаса по предпо-) его, признаетъ онъ недоста- и хотя мало въ народѣ хлѣба , оному ежедневно увеличи- но все можно бы, скупая мел- астями, пріумножить, если бы него наличныя деньги. рапортъ полученъ былъ во какъ былъ я вмѣстѣ съ воен- иинистромъ графомъ Аракче- за границею при Финдлянской Возвратясь, лишь прочиталъ тотчасъ поѣхалъ къ графу зву и ему оный представляя › наставленія. По прочтеніи и по многихъ разсужденіяхъ тоятельствахъ, въ немъ содер- ся, онъ на бѣлыхъ поляхъ того орта писалъ своею рукою его И противу того пункта, гдѣ ернъ, изъясняя недостатокъ іаго хлѣба и предполагая ку- лѣе, хотя и дороже на налич- ньги, написалъ: „тотчасъ по- 200 т. рублей, чтобы купили,) купить можно“, разсуждая, купить дорого, нежели быть ности отъ недоставленія вой- продовольствія во время вой- приказаніе исполнено было, нельзя было ничего купить для пріумноженія запаса, и деньги остались не употребленными на сей предметъ. По прибытіи моемъ, въ присутствіи провіантской экспедиціи, представляется мнѣ соображеніе, сдѣланное о Лешерновой покупкѣ. Признается цѣна дорогою, и что не исполненъ законъ: то есть не публиковано о вызваніи къ торгамъ желающихъ и не произведены троекратные торги. Видя ясно, что это подъяческіе крючки, содержащіе воровство членовъ и секретарей экспедиціи, долго я доказывалъ имъ, сколько не удобно таковой порядокъ сохранять въ военное время; но наконецъ склонился на истребованіе отвѣта для приведенія недоразумѣній въ лучшую ясность. Совѣтникъ, со мною соприсутствующій и всегда ревновавшій тому преимуществу, которое по обхожденію я оказывалъ г. Лешерну, объявилъ, что готова резолюція, вчерпѣ имъ написанная. Прослушая оную, я видѣлъ всю злость сего человѣка и малость его души и знанія. Онъ, опорочивая дѣйствія Лешерна самыми колкими словами, представлялъ его и воромъ и дуракомъ; и наконецъ предписывалъ стараться разрушить сдѣланные имъ не полезные контракты. Возражая на сіе, я доказывалъ невозможность дѣла и неполезность сего предписанія, ибо получившіе половину всей суммы впередъ не согласятся разрушить контракта, если онъ имъ выгоденъ. Когда же по недостатку въ томъ краѣ хлѣба и по возвышающимся цѣнамъ найдутъ они возможнымъ продать дороже, то согласясь воспользуются выгодою; а мы, оставшись безъ хлѣба, что дѣлать будемъ, когда не будемъ имѣть, чѣмъ кормить войска, для обороны береговъ пришедшія, пѣняя при томъ совѣтнику за его дерзкія слова на счетъ

чиновника службою и чиномъ его старѣе. Кончилось тѣмъ, что я, взявъ всѣ бумаги, дѣло содержащія, положилъ на столѣ предъ собою, объявя, что я самъ напишу резолюцію.

Ежедневные тогда бывшіе хлопоты при отправленіи изъ Петербурга транспортовъ къ Финляндской арміи, непрерывное перемѣщеніе войскъ по всему пространству Россійской имперіи, распоряженія для заготовленія для армій, въ Молдавіи и Персіи находившихся, и прочія заботы были причиною, что, накопя много подобныхъ сему бумагъ передъ собою, слишкомъ мѣсяцъ не сдѣлалъ я по ней ничего. Между тѣмъ совѣтникъ, уже злобящійся на меня, разсѣвалъ повсюду толки о воровствѣ Лешерна, и что я его прикрываю. Къ несчастію нашему въ сіе время распространилась мода о всѣхъ худо думать и охотно принимать всякія мысли, худое впечатлѣніе о людяхъ дѣлающія. При томъ же милостивое ко мнѣ расположеніе государя и особенное уваженіе, которое на то время министръ ко мнѣ оказывалъ, возраждали во многихъ зависть и негодованіе; а сіе и должно было имѣть непріятныя послѣдствія.

Начали доходить ко мнѣ слухи о падающемъ на меня подозрѣніи, и что въ присутствіи военной коллегіи призываемъ былъ мой совѣтникъ, разсказывалъ о семъ дѣлѣ и читалъ резолюцію, имъ вчернѣ писанную. Тутъ я, отрывъ въ кучѣ бумагъ сіе дѣло, написалъ резолюцію, прописавъ коммиссіи Рижскаго депо всѣ соображенія въ экспедиціи сдѣланныя о неполезности заключенныхъ контрактовъ и неособлюденіи порядка, законами предписаннаго, потребовать отъ нея отвѣта; а военной коллегіи, препроводя копіи контрактовъ, изъяснить, что по полученіи отвѣта и соображеніи онаго съ существомъ дѣла и законами, особо ей донесено будетъ.

Военная коллегія, получа сіе свѣдѣніе, не приглася меня въ присутствіе, яко члена ея, опредѣлила чрезъ военнаго министра подать государю докладъ, гдѣ описывая поступки Лешерна во вредъ казны, кладя подозрѣніе на губернаторовъ Курляндскаго и Лифляндскаго и опорочивая медленность провіантской экспедиціи, болѣе мѣсяца сіи контракты продержавшей безъ представленія въ коллегію, просила составить особую коммиссію въ Ригѣ для изслѣдованія дѣйствій г. Лешерна, коего до рѣшенія дѣла удалить отъ должности.

Совершенно удостовѣренъ я въ томъ, что сіе дѣйствіе военной коллегіи было по начертанію графа Аракчеева, которому хотѣлось отмстить мнѣ за непріятность отъ меня сдѣланную и доказать государю, что не столько я ему полезенъ, сколько онъ воображалъ. Докладъ сей конфирмованъ. При встрѣчахъ, отъ меня сталъ государь отворачиваться; а графъ Аракчеевъ началъ перемѣнять свое со мною обхожденіе. Сіе происшествіе было началомъ, а исторія несчастнаго, о коей я прежде описалъ, была окончаніемъ паденія моего кредита.

Посланная въ Ригу коммиссія, изъ чиновниковъ военныхъ и штатскихъ составленная, много писала, но ничего того не сдѣлала, что̀ сдѣлать ей было должно. Представленное ею производство военною коллегію не одобрено. Но какъ раздувалось подозрѣніе на Лешерна, то написала она государю докладъ, чтобы учредить надъ нимъ военный судъ, коему препроводя всѣ бумаги, въ коммиссіи произведенныя, предоставить рѣшить

.конным порядком, что̀ так-
о конфирмовано.
орядку, въ законахъ изобра-
у, военные суды, по произве-
ѣла, заключа сентенцію, пред-
ъ должны все дѣло къ дивизі-
командиру, который, пріобща
му свое мнѣніе, препровожда-
генералъ-аудиторіатъ, а сей
имъ заключеніемъ представ-
а конфирмацію государю. Пра-
ералъ-провіантмейстера срав-
ъ дивизіонными командирами;
тельно я получилъ отъ ком-
военнаго суда, надъ Лешер-
учрежденнаго, дѣло и съ сен-
).
атривая всѣ производства, ви-
, что ни слѣдственная въ Ригу
нная коммиссія, ни таковая жъ
го суда надъ Лешерномъ уч-
ная, не дѣлали того, что̀ дѣ-
олженствовали. Онѣ изыскива-
левле ли бы было изъ другихъ
доставлять хлѣбъ; а имъ долж-
ло, объясняя подозрѣніе на
озведенное, открыть, въ точ-
и исполнялъ онъ по настав-
изъ экспедиціи данному: если
ъ отступилъ, то изслѣдовать
инахъ имъ показанными быть
ствующихъ, и потому заклю-
иноватъ ли онъ, и какому по
съ наказанію подлежитъ. Ког-
поступалъ по предписанію на-
а, отъ коего произошли слѣд-
е полезныя, то надлежало пред-
вышнему начальству, и оправ-
подсудимаго представить его
воленію поступить съ пред-
вшими подчиненному. Но они,
что изъ купленнаго Лешер-
хлѣба тысячи двѣ четвертей
ь не израсходованными до вре-
оваго урожая, когда цѣны по-
съ, изчислили сколько взыскать
слѣдуетъ денегъ въ излишествѣ употребленныхъ на покупку сего хлѣба, который дѣлался не нужнымъ.

Представляя генералъ-аудиторіату сіе дѣло, въ пріобщенномъ къ оному мнѣніи написалъ я, что коммиссія долженствовала бы, изслѣдуя дѣйствія г. Лешерна, удостовѣриться въ томъ, покупкою ли наличнаго хлѣба или подрядомъ сдѣлалъ онъ то заготовленіе, которое чрезмѣру увеличеннымъ отъ начальства не почиталось, судя по обстоятельствамъ военнаго времени; и въ слѣдствіе того, если личнымъ обозрѣніемъ или посылкою освидѣтельствовавъ наличность продаваемаго ему хлѣба, сдѣлалъ онъ покупку, а контрактъ заключенъ токмо для поставокъ и перемолота: исполнилъ онъ все то, что̀ ему было предписано отъ начальства. Если же онъ хлѣба не видалъ и никого свидѣтельствовать наличность не посылалъ, слѣдовательно обнадеживаясь на обязательствѣ продающихъ, сдѣлалъ подрядъ, для произведенія коего учреждены правила: въ такомъ случаѣ преступилъ онъ право ему данное и не исполнилъ предписанія начальства. При чемъ, изъясняя аудиторіату о обстоятельствахъ того времени и о надобности содержать запасы, которые не понадобились (по тому что Англичане и Шведы нигдѣ въ Курляндіи не атаковывали наши берега) склонялъ я къ тому, что все это дѣло не стоитъ важности, и убытокъ, въ 15 т. состоящій, должно причесть къ прочимъ необыкновеннымъ издержкамъ.

Генералъ-аудиторіатъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что надобно взыскать сей убытокъ съ членовъ коммиссіи Рижскаго депо, неполезный контрактъ заключившей и съ провіантской экспедиціи, для чего слабо за подчиненными смот-

ритъ. Государь сіе рѣшеніе конфирмовалъ, и въ слѣдствіе того по расчету жалованья причлось съ меня 4807 рублей, которые исполнителями сего дѣла такъ безсовѣстно съ меня взыскать опредѣлено, что публикованъ я во всей Россійской имперіи виновнымъ и повсемѣстное сдѣлано мнѣ запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ.

Начавъ жить въ деревнѣ, сначала *нуждался* я чрезвычайно. Дохода *столь* мало, что не доставало на *неминуемыя* издержки, при *бережливости* до такой степени, что, *привыкнувъ* во все время моей жизни пить *виноградное* вино, долженъ я былъ *оставить* его и не имѣть въ домѣ. Теща моя, давъ мнѣ довѣренность продавать на вырубку лѣсъ, при отдачѣ имѣнія выговоренный, наложила обязанность нисколько не продавать въ свою пользу изъ остающагося количества. Чтобы, елико можно, скорѣе по назначенной ею цѣнѣ выпродать *ея* тысячу десятинъ, объявилъ я продажу повсемѣстно на всемъ пространствѣ дачи, содержащей три тысячи десятинъ; слѣдовательно изпестрилъ ее всю и надолго вселилъ безпорядки, для хозяйства вредные. За продаваемый лѣсъ собирая деньги, долженствуя хранить въ своемъ бюро до времени, какъ поѣду къ ней, я не могъ воздерживаться, чтобы не занимать на случавшіяся нужды. А чтобы не сдѣлаться виновнымъ предъ нею, то предъ отъѣздомъ къ ней, что̀ раза четыре въ годъ случалось, надобно было поѣхать въ Москву занимать, употребляя поклоны и платить по 10 процентовъ. И такимъ образомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ задержалъ я 6 т. рублей, что̀ весьма тягостно мнѣ было.

По минованіи сего времени
моя, выруча продажею лѣса,
дами во время ея управленія и
тіемъ отъ меня болѣе ста ты
рублей, отказалась отъ права с
на продажу лѣса. И мы, начавъ
должать безпорядокъ, продава
свою пользу, почувствовали себ
гатѣе; но долговъ не убавили. А
нявъ изъ воспитательнаго дома
рубл., купили дешево попавш
обгорѣлый въ Москвѣ домъ за 12 т
зачали подумывать жить по близ
людямъ и доставлять возрастаю
дѣтямъ познанія, принялись уст
вать его и стали накоплять долги

Живучи въ деревнѣ, много и
тывалъ я непріятности. Близость т
коей образъ мыслей и нравъ с
шенно мнѣ противной, обязанн
бывать у нея часто, а паче всего
шенія, кои она дѣлаетъ женѣ м
усиленіи хозяйства, часто волно
мои чувства. Чтобы отстраниться
участія въ дѣйствіяхъ, мнѣ про
ныхъ и изподоволь умѣрять стрем
безъ ссоръ, не сталъ я мѣшатьс
дѣла хозяйственныя; опредѣлилс
охотникі садоводства и принялся
ботать въ саду своими руками.

Никогда не лишался я наде
вступить въ службу государствен
и потому всякіе попадающіеся слу
настроивалъ къ сей цѣли. Всѣ мои
комые изъ Петербурга въ Москву
обратно проѣзжавшіе заѣзжали ко
на пути живущему. Видя меня с
ступомъ въ рукахъ спокойнымъ,
чего не желающимъ и откровенн
ними о государственныхъ дѣлахъ

(*) Это тотъ самый домъ у Красныхъ
ротъ, о которомъ говоритъ С. Т. Аксако
своемъ Воспоминаніи о Д. Б. Мертваго,
торый нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ
Кирѣевскаго. *П. Б.*

ι разсуждающимъ, изъявляли
ɜ сдѣлать изъ меня употребле-
я, ни отъ чего не отказываясь,
не соглашался къ тому вы-
.

ιу тѣмъ семейство мое умно-
: 10 февраля 1812 года родилась
дочь Варвара, 23 марта 1813
Іетръ; а 2 февраля 1815 сынъ
й.

ашествія въ 1812 году, потряс-
нованія Россіи и къ славѣ ея
зшіяся, и безъ меня извѣстны
ъ; описывать ихъ мнѣ не нуж-
надлежитъ сказать только то,
ственно до меня касается.

а Наполеонъ со всѣми военны-
ами всей Европы насильствен-
упилъ въ предѣлы Россіи, им-
ъ Александръ, оставя рети-
юся его армію, пріѣхалъ въ
; созванному дворянству объ-
гинныя обстоятельства, прика-
брать ополченіе. Тутъ я ви-
иnодушное желаніе жертвовать
ля защиты отечества. Во двор-
ι собраніе было, увидѣлся я
гими мнѣ знакомыми боярами,
даремъ пріѣхавшими. Многіе
ъ говорили мнѣ: неужели и
ѣшнихъ обстоятельствахъ от-
сь вы отъ службы? Каждому я
вовалъ, что теперь всякой слу-
олженъ, и я готовъ быть вез-
могу службою быть полезенъ.
ръ полиціи А. Д. Балашовъ
силъ меня къ нему пріѣхать.
гой день по утру я то испол-
Онъ жительствовалъ во дворцѣ
омнатъ государевыхъ. У него
ι я множество людей. Первой
росъ: неужели продолжается
еніе отъ службы? Я отвѣтство-
ѣтъ, я въ теперешнее время го-
ужить подпоручикомъ въ опол-
Не то есть у насъ предположе-
ніе», онъ сказалъ. — Чье это предположеніе? я спросилъ, неужели государева есть на то воля? — „Конечно", онъ отвѣтствовалъ. „И не далѣе какъ сего дня былъ о томъ разговоръ". Пригласилъ онъ меня пріѣхать вечеромъ часу въ 9-мъ, обѣщаясь все разсказать подробно, и что будемъ мы одни безъ свидѣтелей.

Явясь въ назначенный часъ, нашелъ я его одного, меня ожидающаго. Затворя двери, приказавъ никого къ нему не пускать, началъ онъ объясненіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, и не дойдя до разговора обо мнѣ, прервалась рѣчь приходомъ Московскаго военнаго губернатора Растопчина, который началъ разговаривать съ нимъ тихо. Увидя себя лишнимъ, пошелъ я изъ комнаты. Балашовъ меня остановилъ, прося подождать, что имѣетъ онъ нужду переговорить со мною. Отвѣтствую, что подожду въ его передней; но въ ту же минуту посланной отъ государя объявилъ ему и графу Ростопчину, что ихъ государь къ себѣ спрашиваетъ. Поспѣшили они оба. Отходя, сказалъ Балашовъ мнѣ: „пожалуйте завтра, мнѣ надобно поговорить съ вами."

Полагая, что должно мнѣ также явиться къ нему вечеромъ, потому что по утру бываетъ у него много всякаго званія людей, я ошибся въ расчетѣ. Государь и онъ съ нимъ въ тотъ вечеръ уѣхали въ Петербургъ, и хотя я пріѣзжалъ къ нему, но его не засталъ. Онъ отлучился прощаться съ своими ближними. Проѣзжая Клинъ, увидѣлъ онъ моего человѣка и приказалъ ему сказать мнѣ, что надѣется скоро быть обратно. А если сіе не случится, то напишетъ мнѣ о томъ, что сказать хотѣлъ.

Возвратясь въ деревню, сколько ни ломалъ свою голову соображеніемъ об-

стоятельствъ, чтобы заключить, какое употребленіе изъ меня сдѣлать предполагаютъ, отгадать не могъ. Все съ великою боязнію мечталась мнѣ прежняя моя должность, которая сколь по состоянію времени не могла быть исправляема съ надлежащею исправностію, столь же для меня опасна казалась и потому, что графъ Аракчеевъ, по удаленіи отъ министерства Барклая-де-Толли, коего мѣсто заступилъ человѣкъ совершенно неспособный (63), очутился опять производителемъ дѣлъ, не разлучный отъ государя и въ полной довѣренности.

Въ слѣдствіе манифеста, призывающаго всѣхъ Россіянъ къ ополченію противу врага, быстро во внутрь Россіи вступающаго, Оренбургской губерніи дворяне на собраніи своемъ положили составить ополченіе изъ 6 т. человѣкъ; назначали меня избрать начальникомъ и послать ко мнѣ приглашеніе чрезъ моего племянника, тамо живущаго. Получа о семъ извѣстіе, я весьма былъ доволенъ.

Въ началѣ августа дѣлается извѣстнымъ, что непріятель, непрерывно побѣждая ретирующуюся нашу армію, взялъ Смоленскъ, и войски его потянулись къ Гжати. Я заключалъ, что имѣетъ онъ намѣреніе идти на Тверь, завладѣть хлѣбными запасами по рѣкѣ Волгѣ идущими къ Петербургу, и большою дорогою между столицъ раздѣлить наши силы незнаніемъ, гдѣ болѣе понадобится оборона, произвести отъ страха желаніе просить миръ, и принять такой, какой онъ пожелаетъ. Словомъ, я воображалъ, что можетъ послѣдовать съ Россіею такое же несчастіе, какому недавно подверглась Пруссія. И такъ моя деревня, находясь на пути, будетъ раздавлена тяжестію войны.

Матушка моя и сестра находились тогда у меня въ гостяхъ. Первѣе всего представилось мнѣ надобнымъ ихъ выпроводить въ Нижній-Новгородъ, куда ближній нашъ родственникъ, изъ Москвы отправляющійся, взялся ее препроводить. Онъ писалъ, что будетъ ее ожидать въ Богородскѣ, 50 верстъ отъ Москвы, по пути къ Нижнему.

Въ сіе время невидимая Божія милость облегчила тяжкія мои обстоятельства. У всей моей семьи не было и пятидесяти рублей денегъ. Во время всеобщаго волненія занять было не у кого. Но что жъ случилось? Братъ мой, вздумая купить 11 душъ находящихся въ его деревнѣ, занявъ 5500 руб., присылаетъ мнѣ, прося, чтобы отыскалъ я продавицу въ Москвѣ, и купилъ сихъ людей съ частію земли, ей принадлежащей. Исполняя порученное, продавицу я нашелъ; она охотно продать хотѣла. Но встрѣтилось затрудненіе для совершенія купчей, которое предолѣвать было некогда; ибо продавица, послѣдуя всѣмъ московскимъ жителямъ, собралась и уѣхала изъ Москвы. И такимъ образомъ оставшаяся у меня сумма денегъ сдѣлалась мнѣ и всему семейству моему спасеніемъ отъ приближающейся бѣды.

Проводя матушку чрезъ Москву 50 верстъ далѣе, видѣлъ я въ Москвѣ сильное волненіе. Народъ, обороняться готовящійся, съ дерзостію роопталъ на дворянъ, Москву оставляющихъ. Графъ Растопчинъ, какъ человѣкъ умный, поступалъ весьма искусно. Онъ, разными выдумками угождая народу, приспособливалъ его ко враждѣ противу непріятеля. Посмѣиваясь надъ трусостію дворянъ, содѣйствовалъ ихъ удаленію.

(63) Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

;ратясь опять въ свою Клин-
деревню, сталъ собираться уѣ-
не рѣшась еще куда; ибо, видя
ѣдущихъ въ Нижній Новгородъ,
ія, какая будетъ дороговизна,
;ая скоро проглотить братнюю
, мною присвоенную, не смѣлъ
рѣшиться. А между тѣмъ, у ме-
ько и есть экипажей одна четве-
:ная карета и одинъ дормезъ,
, ненадежные. А семья: жена бе-
іая за половину, пять дѣтей и
шникъ, студентъ Московскаго
эситета, коего я взялъ изъ Мо-
Но и сіе затрудненіе преодолѣ-
Сосѣдка наша и ближняя прія-
іца М. П. Блохина рѣшилась
съ нами, куда бы мы ни отпра-
ь. Она одна, а у нея исправная
омѣстная карета и большая ко-
слѣдовательно, всѣ мы размѣ-
ь хорошо. Но она требовала,
поѣхать прежде въ Николинъ ([64])
ырь, гдѣ мужъ ея погребенъ.
вгуста мы отправились изъ до-
въ нѣсколько лошадей мужичь-
Іомолясь Богу въ Никольскомъ
ырѣ, пріѣхали ночевать въ
эвъ. Тутъ на досугѣ разсуждa-
да ѣхать. Разсматривая дорож-
арту, приговорили, чтобы мино-
Іоскву, ѣхать чрезъ Троице-Сер-
Лавру проселочными дорогами
адиміръ и оттоль въ Тамбовъ.
зная причина сему назначенію
ешевизна въ содержаніи. А по-
:сли Москвою завладѣетъ непрі-
слѣдовательно армія наша по-
я къ той сторонѣ, гдѣ снабжать
комплектовывать удобнѣе; слѣ-
ьно, буде судьба опредѣляетъ
мнѣ служить отечеству; то буду я бли-
же къ мѣстамъ назначенія, Оренбург-
скимъ ли начальникомъ ополченія,
или въ какую ни есть должность при
арміи. А сверхъ того еще и то было у
меня въ предметѣ: когда Божія есть
воля поработить мое отечество, и мы
всѣ сдѣлаемся ничто и безъ имѣнія,
то изъ Тамбова ближе пробраться мнѣ
въ Сарепту, гдѣ жители ласковы ко
мнѣ бывали и даже мнѣ службу у се-
бя и гражданство предлагали, во вре-
мя, какъ сущимъ бѣднякомъ я жилъ
два мѣсяца у колодца. Въ слѣдствіе
чего я предполагалъ остаться въ коло-
ніи, и дѣтей моихъ, еще въ малолѣт-
ствѣ сущихъ, помѣстя на воспитаніе
принять ихъ правила, кои всегда
признавалъ и признаю я въ совершен-
ствѣ христіанскими.

Проживъ въ Тамбовѣ до ноября, уз-
навъ, что непріятель, истоща много
силъ въ пустой Москвѣ, началъ рети-
роваться, и ежедневно побиваемый,
гибнетъ, пустились и мы въ обратный
путь. Близь Рязани, въ имѣніи брата
жены моей Д. М. Полторацкаго ([65]),
гдѣ онъ съ своимъ семействомъ нахо-
дился, оставилъ я беременную жену и
дѣтей до зимняго пути, а самъ поѣ-
халъ посмотрѣть свою деревню. На-
шелъ все въ цѣлости. Легкія наши
войски, на семъ пути противу непрі-
ятеля поставленныя, многихъ раззо-
рили, а у меня ничего не взяли. Шефъ
драгунскаго полка, коего и не помню
я, чтобы видѣлъ, пріѣхавъ въ домъ,
объявилъ людямъ моимъ, что имѣлъ
отъ меня одолженіе во время моего ге-
нералъ-провіантмейстерства, прика-

іколa на Пѣсношѣ, не далеко отъ Кли
которымъ находится Демьяново, по-
Іертваго. *П. Б.*

([65]) Имѣніе это, Пронскаго уѣзда, село Истье (желѣзо-дѣлательный заводъ) въ 40 верстахъ отъ Рязани, принадлежало тогда женѣ стат. сов. Дмитрія Марковича Полторацкаго, Аннѣ Петровнѣ, урожд. Хлѣбниковой. *П. Б.*

залъ все запереть и запечатать; оставилъ на залогѣ двухъ казаковъ и одного драгуна, дабы никто изъ воинскихъ людей ни до чего не коснулся. У другихъ же сей мой защитникъ грабилъ все, что ни попадалось.

Скоро наступившая зима собрала въ деревню всю мою семью, и я началъ жить какъ и прежде, не попавъ никуда на службу, ибо милицію составлять въ Оренбургской губерніи было не приказано. О бывшихъ предположеніяхъ, что министръ мнѣ объявлялъ, ничего я не вѣдалъ. Перемѣнившіяся обстоятельства, возрождая гордость, изгоняли желаніе искать людей, не столь вкусныхъ, сколь полезныхъ; слѣдовательно и долженъ былъ заключать, что опредѣленіе Божеское о мнѣ — сидѣть дома и быть токмо готову идти по Его воззванію.

Въ слѣдующее лѣто заѣзжаетъ ко мнѣ въ Кіевъ ѣдущій Гаврило Романовичъ Державинъ, правительствомъ не довольный. Сей представляетъ все въ худшемъ видѣ, нежели есть на самомъ дѣлѣ. За тѣмъ вскорѣ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ (⁶⁶), ласкаемый государемъ, изображаетъ все на пути къ лучшему. Оба они и многіе другіе отзывались, что служить мнѣ должно неминуемо, и я долженъ быть готовымъ на службу.

Осенью того же года пріѣхалъ изъ арміи въ Москву при государѣ находившійся и разныя посольства исправлявшій министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ. Онъ разсказалъ мнѣ бывшее о мнѣ предположеніе. Во время, какъ армія наша, при коей государь находился, ретировалась отъ непріятеля, разсуждая съ государемъ, что, судя по силѣ непріятеля, вѣроятно войдетъ онъ во внутрь имперіи и пресѣчься могутъ сношенія съ провинціями, то Балашовъ предлагалъ за полезное опредѣлить чиновниковъ для начальства надъ двумя или тремя губерніями, давъ имъ власть превыше обыкновенной. О надобности государь соглашался, но затруднялся, гдѣ найти людей, на коихъ бы возложить такую довѣренность было можно. Балашовъ удостовѣрялъ, что люди есть, и получилъ дозволеніе представить имена имъ предполагаемыхъ, и какую кому инструкцію дать слѣдуетъ. Балашовъ, у коего уже изготовлено было, представляетъ ему списокъ чиновниковъ, при арміи не находящихся и прожектъ инструкціи. Въ числѣ сихъ чиновниковъ я былъ помѣщенъ. Государь, разсуждая о многихъ, и нѣкоторыхъ имена вымарывая, о мнѣ не останавливался, слѣдовательно несумнѣнно соглашался. По пріѣздѣ въ Москву, въ самое то утро, когда разговоръ со мною Балашова начался, спросилъ онъ у него: готовы ли указы о опредѣленіи начальниковъ губерній? Но поелику предположено было уже ѣхать въ Петербургъ, то Балашовъ отвѣтствовалъ, что „бумаги всѣ готовы; но не покажется ли легкомысленно таковое важное распоряженіе сдѣлать на канунѣ пріѣзда въ Петербургъ, когда самыя ничтожныя дѣла изволите препровождать на разсужденіе совѣту? И не подумаютъ ли, что я уловилъ вашу довѣренность?“ Сіе мнѣніе государь апробовалъ, и приказалъ ему доложить тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Балашовъ, сіе предположеніе объявя князю Салтыкову и графу Аракчееву, показавъ имъ списокъ назначаемымъ чиновникамъ и написанныя инструкціи, получа ихъ согласіе, про-

(⁶⁶) Извѣстный масонъ, жившій во дворцѣ. Онъ былъ родной дядя издателю Русской Бесѣды А. И. Кошелеву. *П. Б.*

одобряющее, доложилъ госуда-
ъ приказалъ внесть въ Совѣтъ
суждeніе. А въ тотъ же день
Кочубей представилъ государю
ожектъ, —составить подвижной
, коему быть при арміи для уп-
я всѣми губерніями, къ театру
ближайшими. Оный также пре-
ленъ въ Совѣтъ на разсужденіе,
езнѣе признано быть можетъ.
урѣчія завели споры, и слѣдо-
о медленность. Между тѣмъ
илось государю поѣхать въ
дѣться съ наслѣднымъ прин-
Шведскимъ, всю власть королев-
мѣющимъ. По возвращеніи его
ю извѣстіе, что Москва въ ру-
пріятеля. Сіе столь всѣхъ по-
что всѣ прожекты остались
олненія.
іе и послѣдующія отъ разныхъ
извѣстія удостовѣряли меня,
ударь, хотя персонально недо-
мною, но полагаетъ, что я мо-
полезенъ службѣ. Продолжая
ъ собственное мое желаніе, ста-
не пропускать удобства къ

ходѣ 1816 года поѣхалъ я въ
ргъ для избранія училища,
помѣстить старшаго моего
иколая, коему протекалъ двѣ-
й годъ отъ рожденія; а между
мѣлъ я въ мысляхъ никому
вляемое желаніе поступить на
.
стерствомъ полиціи управля-
. К. Вязмитиновъ предлагалъ
жность директора его департа-
Хотя совершенно я того не же-
о чтобы его не обидѣть рѣши-
ъ отказомъ, представлялъ не-
ость перемѣститься въ Петер-
А. Д. Балашовъ объявлялъ мнѣ
его, если возвратится ему дол-
коея титулъ еще носилъ, то
намѣренъ просить, чтобы опредѣленъ ему былъ помощникъ, долженствующій отлучаться въ губерніи, для обревизованія дѣлъ его вѣдомства; а когда самъ министръ поѣдетъ, то бы помощникъ заступалъ его мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ. Сіе предложеніе весьма мнѣ было по вкусу, и я совершенное изъявилъ согласіе.

Р. А. Кошелевъ меня спросилъ, какую бы должность принять согласился? Я отвѣтствовалъ что по оклеветанію гр. Аракчеева не думаю, чтобы государю было угодно опредѣлить меня на службу. Онъ возразилъ: „о, нѣтъ! государю вѣрно угодно имѣть васъ въ службѣ.“ И такъ объявилъ я, что, имѣя многочисленное семейство, деревню близь Москвы и домъ въ городѣ, находясь въ обязанности доставить дѣтямъ приличное воспитаніе, согласно бы съ обстоятельствами моими было быть на службѣ въ Москвѣ. „Но вѣдь вы въ губернаторы не пойдете?“ онъ спросилъ. — „Конечно нѣтъ“, я отвѣтствовалъ, „и уже я старъ, чтобы исполнять обязанность хорошаго губернатора, а дурнымъ быть не захочу. Но буде угоденъ я на службу, и когда не почтется дерзостію мое желаніе, то хотѣлъ бы быть сенаторомъ въ Москвѣ, и поелику не богатъ, то прошу, чтобы даны мнѣ были столовыя деньги тѣ, кои я имѣлъ по прежней службѣ.“ При сихъ словахъ, съ доброю миною, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ вы меня облегчили! Я былъ увѣренъ услышать болѣе сихъ требованій. Сіе вѣрно сдѣлается; пожалуйте, останьтесь, не уѣзжая изъ Петербурга.“

Хотя довольно удостовѣрился я, что Р. А. Кошелевъ не прожектеръ сего разговора, а коммиссіонеръ; но, притворясь обманутымъ, благодарилъ его за доброхотство, разсуждая, не напра-

сно [illegible] ли онъ берется за сіе дѣло: вѣдь ему извѣстно неблагорасположеніе ко мнѣ графа Аракчеева, имѣющаго только довѣренность государя. Но онъ, спустя мнѣ сказалъ, что государь довольно о семъ извѣстенъ, и въ слѣдствіе того Аракчеевъ не можетъ ничего съ вамъ говорить. „И такъ, пусть будетъ, какъ Богу угодно", я сказалъ. „Только не прогнѣвайтесь, не буду я дожидаться въ Петербургѣ, а поѣду домой: вѣдь не мнѣ служба надобна, а я только готовъ приносить себя на жертву службѣ." При разставаніи онъ мнѣ сказалъ, что о желаніи моемъ донесетъ государю и скажетъ, что изъ сенаторовъ можетъ онъ меня употреблять сообразно его волѣ.

Представлялось государю и всей его фамиліи. Государь и императрица Елисавета Алексѣевна не говорили мнѣ ни слова, но Марья Θеодоровна очень милостиво разговаривала, расспрашивая о Москвѣ, и гдѣ я живу. Великій князь Михаилъ Павловичъ, лишь я представился, спросилъ, съ тѣмъ ли я пріѣхалъ, чтобы остаться въ Петербургѣ? Отвѣтъ мой былъ: „Нѣтъ, я обратно поѣду въ деревню." Приближенные графа Аракчеева очень прилежно совѣтовали мнѣ сдѣлать ему визитъ, увѣряя, что онъ меня приметъ. Но я сего не сдѣлалъ, хотя многіе изъ моихъ родственниковъ мнѣ то совѣтовали. Мнѣ кажется, нужно человѣку утвердительно и постоянно показывать себя имѣющимъ характеръ.

Помѣстя сына въ пансіонъ Царскосельскаго лицея, возвратился я домой, и сталъ жить прежнимъ манеромъ. Матушка моя скончалась. Сдѣлался я немножко богатѣе присылаемыми отъ имѣнія доходами. Но устроеніе въ Москвѣ дома и житье въ Москвѣ умножать стали на мнѣ долги.

Въ сентябрѣ 1817 года путешествіе двора въ Москву стало перемѣнять видъ моей фортуны. Предположеніе (для уменьшенія числа лошадей) ѣхать порознь и всѣмъ съѣзжаться въ Клину, близь коего моя деревня, учинило меня жителемъ резиденціи и ко двору приближеннымъ. По неимѣнію въ городѣ хорошихъ домовъ, Московской военной губернаторъ Тормасовъ поручилъ начальнику почтъ узнать, не будетъ ли мнѣ противно, если въ домѣ моемъ назначится квартира. Съ первою почтою написалъ я графу Тормасову, что, сіе предположеніе сочтя за милость, готовъ я очистить весь домъ. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что предписалъ губернатору поѣхать въ Клинъ для назначенія квартиръ, гдѣ за полезное найдется въ городѣ, или у меня въ деревнѣ.

Губернаторъ, побывая въ городѣ, ко мнѣ не заѣзжая, назначилъ квартиры. Тормасовъ мнѣ писалъ: „хотя домъ мой удобенъ для жительства императрицъ, но нѣтъ помѣщенія для свиты ихъ; а потому предпочтено назначить квартиры въ городѣ." Хотя домъ мой деревянный въ трехъ стахъ саженяхъ отъ города, гдѣ свиты могли бы быть помѣщены; но причина неудобства состояла въ томъ, чтобы не прогнѣвать графа Аракчеева приближеніемъ меня къ членамъ императорской фамиліи. Получа сіе извѣстіе, я замолчалъ, но не прерывалъ, сохраненіемъ чистоты въ домѣ, быть готовымъ къ принятію.

За нѣсколько дней предъ прибытіемъ, является ко мнѣ камеръ-фурьеръ, отправленный для осмотра путевыхъ дворцевъ и принятія Московскаго. Онъ, объявляя, что императрица Елисавета Алексѣевна по учиненному росписанію должна прожить три дни въ Клину, Марія Θеодоровна одинъ день и не могутъ помѣститься въ томъ до-

мѣ, который для нихъ въ Клину назначенъ, проситъ у меня дозволенія назначить для ихъ пребыванія мой домъ. Соглашаясь на сіе, показалъ я г. Бабкину полученное письмо, и что̀ я писалъ графу Тормасову. Онъ увѣрялъ, что того же дня, пріѣхавъ въ Москву, скажетъ графу Тормасову; а между тѣмъ, осматривая всѣ комнаты моего дома, назначилъ, гдѣ кому помѣститься; и что можетъ быть государь соединится съ фамиліею въ моемъ домѣ; слѣдовательно и ему назначилъ особливую комнату, разсказавъ, что̀ по его обыкновенію нужно приготовить.

Въ продолженіе осматриванія комнатъ, онъ мнѣ сказалъ, что когда получилъ приказаніе ѣхать и распорядить изготовленіе квартиръ, спросилъ онъ: вѣдь въ Клину деревянный дворецъ сломанъ, то гдѣ же помѣстятся? На сіе возлѣ государя стоящій князь Волконскій ему сказалъ: „въ Клину у генерала Мертваго.“ Сей же камеръ-фурьеръ мнѣ сказалъ, что самъ онъ слышалъ разговоръ императрицъ, что будутъ вмѣстѣ жить въ моемъ домѣ. Сіе происходило по утру, а къ вечеру командующій гвардіею, въ Москву шедшею, генералъ-адъютантъ Храповицкій мнѣ сказалъ, что при немъ съ кѣмъ-то государь говорилъ, что онъ увидитъ меня у меня въ домѣ.

Ничто однакожъ не сдѣлалось. Всѣ помѣстились на квартирахъ въ городѣ. Всѣ оказывали неудовольствіе, и мнѣ вмѣсто худа сдѣлалось лучше. Сперва пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, по росписанію долженствующій прожить пять дней въ Клину, съ беременною его супругою. Встрѣтя у крыльца его квартиры вмѣстѣ со всѣми Клинскими дворянами, былъ я отлично обласканъ, приглашенъ къ столу. Самъ великій князь представлялъ меня своей супругѣ. Она явственно отзывалась недовольною квартирой, и для чего не помѣстили ихъ въ томъ домѣ, гдѣ за годъ до женидьбы (67) великій князь квартировалъ, и который тогда для императрицы былъ назначенъ. Я разсказалъ о моихъ сношеніяхъ. Оба они не довольны были сдѣланнымъ распоряженіемъ. На другой день по утру пріѣхалъ я, но не засталъ дома. Они пошли за городъ прогуливаться, въ ту сторону, гдѣ мой домъ находится. Я изъ города съ горы видѣлъ всю ихъ свиту рѣзвящихся. Дождалъ ихъ въ домѣ и также ласково былъ принятъ. Великая княгиня, сказывая о своемъ гуляньи, хвалила мѣстоположеніе. На сіе я сказалъ: „Если бы вмѣсто лѣвой стороны случилось вамъ пойдти въ правую, то были бы близь моего дома, и тогда я, вышедъ со всей моей семьею вамъ на встрѣчу, просилъ бы удостоить меня посѣщеніемъ и позавтракать“. Она отвѣтствовала: „если вамъ это угодно, то завтра мы это сдѣлаемъ.“ Великій князь повторилъ то же.

По росписанію слѣдовало на другой послѣ сего день къ вечеру пріѣхать Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а потомъ чрезъ два дня Маріи Θеодоровнѣ Но вмѣсто того, того же дня къ вечеру пріѣхала Марія Θеодоровна. Видно, они ей разсказали мой разговоръ. Только на другой день по утру получаетъ жена моя отъ штатсъ-дамы княгини Волконской записку, что великая княгиня быть къ намъ не можетъ, ибо кончилась ихъ воля съ пріѣздомъ матушки; при чемъ объявляетъ, что должно всѣмъ представляться императрицѣ. Пріѣхавъ въ городъ, нашелъ я множество людей на площади толпящихся предъ домами, гдѣ высокія особы находятся. Въ домъ

(67) Это было во время перваго путешествія по Россіи покойнаго государя. *П. Б.*

войти нельзя: по тѣснотѣ его даже придворные знатные господа принуждены были толпиться на площади, какъ вдругъ неожидаемо императрица вздумала посѣтить великую княгиню. Никто о томъ не воображалъ; увидѣли уже ее по площади идущую. Тутъ, подойдя ко мнѣ, сказала: „какъ рада, что васъ вижу.“ Низкой поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ. Но она продолжала: „Я очень сожалѣю, что я не у васъ; право я боялась васъ обезпокоить.“ (60) — „Какъ могли вы подумать, государыня? Вы бы великую мнѣ милость оказали.“ — „И такъ вы мнѣ позволите въ обратной путь у васъ остановиться? А между тѣмъ желала бы я поѣхать къ вамъ погулять въ саду.“ И тутъ же спросила оберъ-шталмейстера: „Могу ли я имѣть карету?“ — „Тотчасъ, государыня“, онъ отвѣтствовалъ. Въ сію самую минуту великій князь выбѣжалъ ей на встрѣчу. Она, его поцалуя, сказала: „тебѣ нельзя ѣхать къ нему. Поѣзжай скорѣе на станцію, гдѣ есть хорошій на пути дворецъ.“

Цѣлая площадь народа, слыша, одинъ другому пересказывали мой разговоръ. Не только жена моя, дѣти, но всѣ люди и даже всѣ женщины, оставя домъ, на площади толпились, но всѣ поспѣшнѣйше собрались домой, и много прибѣжало посторонняго народа такъ, что я успѣлъ распорядиться къ принятію знаменитой гостьи, и велѣлъ приготовить получше завтракъ. Императрица съ маленькою свитою пріѣхала къ саду. Принявъ ее изъ кареты, представилъ я ей жену, дѣтей и гостей. Она мнѣ приказала повести ее по саду, сказавъ: „Вѣдь вы охотникъ; покажите, отколь есть лучшіе виды.“ Я спросилъ, могу ли я просить позавтракать у меня въ домѣ. Она согласилась. И такъ, сказалъ я женѣ моей, чтобы пошла приготовить завтракъ, а я пойду съ государынею по саду. Графиня Ливенъ и Екатерина Ивановна Нелидова отправились съ моей женою и присовѣтовали послать дѣтей ходить при государынѣ. Она ихъ всѣхъ приласкала. По причинѣ тогда бывшаго холоднаго вѣтра, послала принести имъ платки на шею и сама ихъ надѣла. По окончаніи гулянья, придя въ домъ, все хвалила, дѣтей ласкала: всѣхъ вокругъ себя посадила, поила ихъ изъ своей чашки кофеемъ, говоря „чтобы вы меня помнили“, а что всего пріятнѣе, это тонъ обхожденія, точно партикулярная женщина пріѣхала къ пріятелю въ гости. Отъѣзжая, позвала меня и жену мою къ себѣ обѣдать. За столомъ сидѣлъ я противу ея, со мною больше всѣхъ разговаривала. И когда стали подавать десертъ, то спросила листъ бумаги и наполня конфектами, послала женѣ моей, чтобы отвезла дѣтямъ. Того же дня къ вечеру пріѣхали въ Клинъ императрица Елисавета Алексѣевна, и при ней провожатымъ министръ просвѣщенія князь Голицынъ. Онъ отдалъ мнѣ письмо отъ Род. Алек. Кошелева, гдѣ изъясняетъ, что пишетъ съ другомъ своимъ, съ коимъ проситъ меня быть чистосердечнымъ; и онъ будетъ руководствовать къ тому, что говорилъ я съ нимъ.

По обыкновеніямъ дворскимъ надлежало бы женѣ моей, бывшей приглашенною къ обѣду императрицы, тот-

(60) Вотъ тонкость дворскихъ сплетней, о коихъ послѣ я узналъ. Государынѣ сказали, что я по недостаточному состоянію учредилъ фабрику ткацкую, занялъ ею весь домъ, и самъ живу въ углу; что буде назначится для нихъ квартира, то, выбрасывая станы, потерпѣлъ бы большой убытокъ. Ложь открылась: они видѣли до 20 хорошихъ комнатъ для жилья. А фабрика въ особыхъ комнатахъ оставалась.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

тправиться въ Москву благода-
а честь, намъ сдѣланную, тѣмъ
что обѣ императрицы въ Клину
орили, что увидимся въ Москвѣ.
каждой изъ нихъ сказала, что
состояніи столько издерживать
деробъ, чтобы могла ѣздить къ
Но онѣ обѣ ей дозволили яв-
къ нимъ безъ нарядовъ, при-
, что также значитъ большая
Но жена моя, придворной жиз-
любящая, осталась въ деревнѣ,
кончить уборку хлѣба. И такъ
лъ я въ Москву одинъ.
ряду съ дворянствомъ представ-
я государю и государынямъ.
ни отлично со мною поступили.
рь послѣ представленія гово-
съ немногими и больше всѣхъ
ой. Первое слово: „Ваше пре-
ительство сдѣлались жителемъ
каго уѣзда?" — „Такъ, государь,
юя имѣетъ тутъ деревню". Раз-
вая о мѣстоположеніяхъ края,
алъ мнѣ, что знаетъ сіе имѣніе
режнемъ его владѣльцѣ, и что
въ ономъ въ ребячествѣ своемъ,
ри покойной императрицѣ Ека-
Алексѣевнѣ.
государыня Марія Θеодоровна
ораздо больше отличія мнѣ сдѣ-
Благодаря меня за угощеніе,
тясь къ графу Тормасову, ска-
„Я очень сожалѣю, что жила не
. Нельзя лучше быть порядка,
у него въ домѣ видѣла. Какая
опрятность, чистота, все домаш-
богатое, но все со вкусомъ и
сно". Тормасовъ почувствовалъ
подлую глупость и покраснѣлъ.
ъ спрашивала меня о женѣ, здѣсь
? Я отвѣтствовалъ, что осталась
потому что одна изъ дочерей
занемогла. Вотъ тутъ то на
отговорился, чтобы не послала
ктора, сказавъ, что у насъ есть
лекарь, къ коему жена моя большую
довѣренность имѣетъ.

Увидясь съ княземъ Голицынымъ, спросилъ онъ меня, привезъ ли я бумагу? Не вѣдая какую отъ меня требуетъ, удивился я! Но онъ объяснилъ, что надобно мнѣ написать государю, что прошу я службы. И мнѣ то сдѣлать отговаривающемуся совѣтовалъ показать покорность, говоря: коли непріятныя обстоятельства причинили между вами разстройство, то вѣдь пристойнѣе же уступить вамъ. По нѣсколькихъ свиданіяхъ, по многихъ разсужденіяхъ, рѣшился я и написалъ государю: „Вѣрноподданническое усердіе причиною смѣлости, съ коею дерзаю я просить службы вашего императорскаго величества". — Въ томъ состояло все мое письмо.

По дозволенію князя Голицына написалъ я ему, что, получа отъ него объявленіе воли государя чрезъ него подать прошеніе мое о желаніи вступить въ службу, прошу, представя при ономъ прилагаемое, доложить о желаніи моемъ быть сенаторомъ въ Московскихъ департаментахъ, и что прошу я о пожалованіи мнѣ столовыхъ денегъ: ибо я не богатъ, и безъ того жить въ Москвѣ неотлучно было бы трудно.

Чрезъ нѣсколько дней князь Голицынъ объявилъ, что письмо представилъ, что государь читалъ къ нему писанное и обнадежилъ исполнить, только не при опредѣленіи, а скоро, дабы избавиться подобныхъ требованій отъ другихъ.

Хотя не очень я вѣрилъ обѣщанію, но что дѣлать? Противу силы, противно моей пользѣ дѣйствующей, спорить нельзя. Но я увѣренъ, что служба моя, доставляя болѣе значительности въ свѣтѣ, можетъ быть полезна моимъ дѣтямъ.

Декабря 11 числа 1817 года подписанъ указъ о пожалованіи меня за прежнюю службу тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. 12 декабря, въ день рожденія императора, получилъ я поздравленіе отъ многихъ дворскихъ людей, государя окружающихъ. Но поелику объявлено мнѣ не было, то и не принималъ поздравленія.

13 декабря графъ Аракчеевъ, собственною государя канцеляріею управлявшій, какъ видно было, долженъ меня увѣдомить о пожалованіи меня. Но въ запискѣ, за номеромъ присланной, не помѣстилъ, какой имѣю чинъ.

Поелику бывали примѣры, что военный генеральскій мундиръ посящіе изъ генералъ-маіоровъ, бывъ названными 3 класса, производились въ сенаторы, и слѣдовательно въ тѣхъ же мундирахъ оставались, то на другой день поѣхалъ я къ графу Аракчееву спросить; но мнѣ объявлено, что дома его нѣтъ.

На другой послѣ сего день (что была суббота), пріѣхавъ ранѣе, былъ я встрѣченъ адъютантомъ, объявляющимъ, что графъ никого не принимаетъ. Я просилъ доложить ему, что имѣю надобность видѣть на минуту. Онъ отвѣтствовалъ, что и докладывать не смѣетъ. Послѣ чего спросилъ я, извѣстно ли графу, что я вчера пріѣзжалъ? и получилъ отвѣтъ, что графу о томъ докладывано. Сіе довольнымъ было доказательствомъ, что произведеніе меня послѣдовало противу воли великомощнаго боярина, и онъ явно то показывать имѣетъ смѣлость.

Отправясь къ оберъ-гофмаршалу, просилъ записать меня желающимъ представиться благодарить государя и императрицу. Онъ спросилъ, какой имѣю чинъ? Я отвѣтствовалъ: не знаю, [...]вая ему записку графа Арак[...]ъ совѣтовалъ его спросить. На сіе я отвѣтствовалъ, разсказавъ произшествіе. Все то выслушавъ, трусливый оберъ-гофмаршалъ рѣшительно отозвался, что не можетъ внести имя мое въ записку о представляющихся въ слѣдующее воскресенье.

Написавъ письмо статсъ-секретарю, при государѣ находящемуся подъ вѣдомствомъ графа Аракчеева (⁶⁹), просилъ увѣдомленія, въ какомъ костюмѣ мнѣ должно представляться. Онъ прислалъ копію указа. И тогда я сталъ знать, что мундиръ военный промѣнялъ я на сенаторскій.

Чрезъ недѣлю представляясь, государь мнѣ сказалъ съ холодною учтивостію: „Я надѣюсь, что ваше превосходительство оправдаете мою къ вамъ довѣренность“. Императрица Марія Θеодоровна, пожавъ руку, мнѣ сказала съ добродушіемъ: „вы мнѣ можете повѣрить, что я этому рада“.

Приглашенъ будучи къ обѣду у двора, въ числѣ прочихъ ожидая выходу, въ тронной залѣ я сидѣлъ. Графъ Аракчеевъ проходилъ изъ внутреннихъ комнатъ; я всталъ ему поклониться, но онъ, будто не видя, сталъ говорить со стоящимъ въ противной сторонѣ. По возвращеніи его, опять тоже, и онъ тоже сдѣлалъ. Тутъ сосѣдствующимъ многимъ господамъ я заявилъ: „Видите ли, что онъ отъ меня отворачивается? И такъ будьте свидѣтели что я не виноватъ, если кланяться ему не буду“. И съ тѣхъ поръ встрѣчаясь, не нагибалъ головы.

Вскорѣ за тѣмъ многіе мнѣ сказывали, что императрица Марія Θеодоровна изъявила желаніе и два раза просила опредѣлить меня почетнымъ опекуномъ Московскаго опекунскаго совѣта; но, государь, предоставляя ей

(⁶⁹) Николаю Назаровичу Муравьеву? *П. Б.*

›ать кого угодно, объявлялъ, что ıу надобенъ.

роѣзжая въ обратный путь, им-ıтрицы были въ моей деревнѣ. дозволено было отлучиться для ıятія ихъ. Марія Ѳеодоровна ока-.ла мнѣ отлично милостивое рас-женіе, но ни слова не говорила о .ахъ, до меня доходившихъ.

› іюнѣ 1818 года получилъ я по-ніе ѣхать во Владимірскую гу-ію для изслѣдованія по доносу, ›сударю присланному.

› время, какъ слѣдствіе я произ-лъ, получилъ государь донесеніе нокомандующаго въ Грузіи и гу-іяхъ Кавказской и Астраханской, описывая безпорядки и злоупо-ıенія, отзываясь весьма дурно о вникахъ губернскихъ, просилъ по-нія обревизовать Кавказскую и Ас-анскую губерніи чрезъ строгаго зпристрастнаго сенатора. Сіе до-ıіе препровождено въ комитетъ ıстровъ съ повелѣніемъ назначить ъ сенаторовъ для обревизованія.

›митетъ министровъ назначилъ се-ровъ Саблина и Гермеса. Но госу-, помаравъ имя Саблина, напи-мое имя. Докладчикъ ему при-илъ, что нахожусь я во Владимі-ıо онъ отвѣтствовалъ, что, окон-слѣдствіе, отправлюсь я на Кав-и въ Астрахань.

ображая обстоятельства свѣтскія ıязанностями чести и совѣсти, тог-е я видѣлъ всю трудность сего Ядовито-злобное представленіе ›дина Ермолова, человѣка умна-ıтраго и какъ слышно безбожна-ельзя иначе удовлетворить какъ ıствіемъ его расположенія. И такъ ıлся я дѣйствовать по инструкціи ›рально. Къ счастію товарищъ мой г. Гермесъ, человѣкъ безграмотной и отъ природы весьма добрый, совершенно положился на меня. Чтобы оберечь его отъ соблазна, предохранился тѣмъ, что согласилъ его не брать съ собою секретаря, что исправленіе сей должности приму я на себя. И такъ мы общее изъявили требованіе командировать при насъ четырехъ писцовъ, по выбору моему мальчиковъ, ничего выдумать не умѣющихъ.

По пріѣздѣ въ Кавказскую губернію, увидѣлъ я не губернію, а хуторъ, для Россіи весьма полезный, гдѣ выращивается скотина, для продовольствія внутри государства надобная. Дѣла производятся не столько злонамѣренно, сколько глупо. Люди всѣ дрянь, и тѣ томятся бѣдностію и болѣзнями. Городъ губернской, какъ нарочно, учрежденъ въ такомъ мѣстѣ, коего хуже на всемъ пространствѣ губерніи найти нельзя Тутъ полуденная сторона заслоняется хребтомъ горъ, вѣчно снѣгомъ покрытыхъ.

Донося по содержанію инструкціи противу каждаго пункта, въ самой точности, какъ что найдено было, не выискивая преступленій, обратилъ на себя негодованіе злобнаго и въ великомъ уваженіи находящагося г. Ермолова.

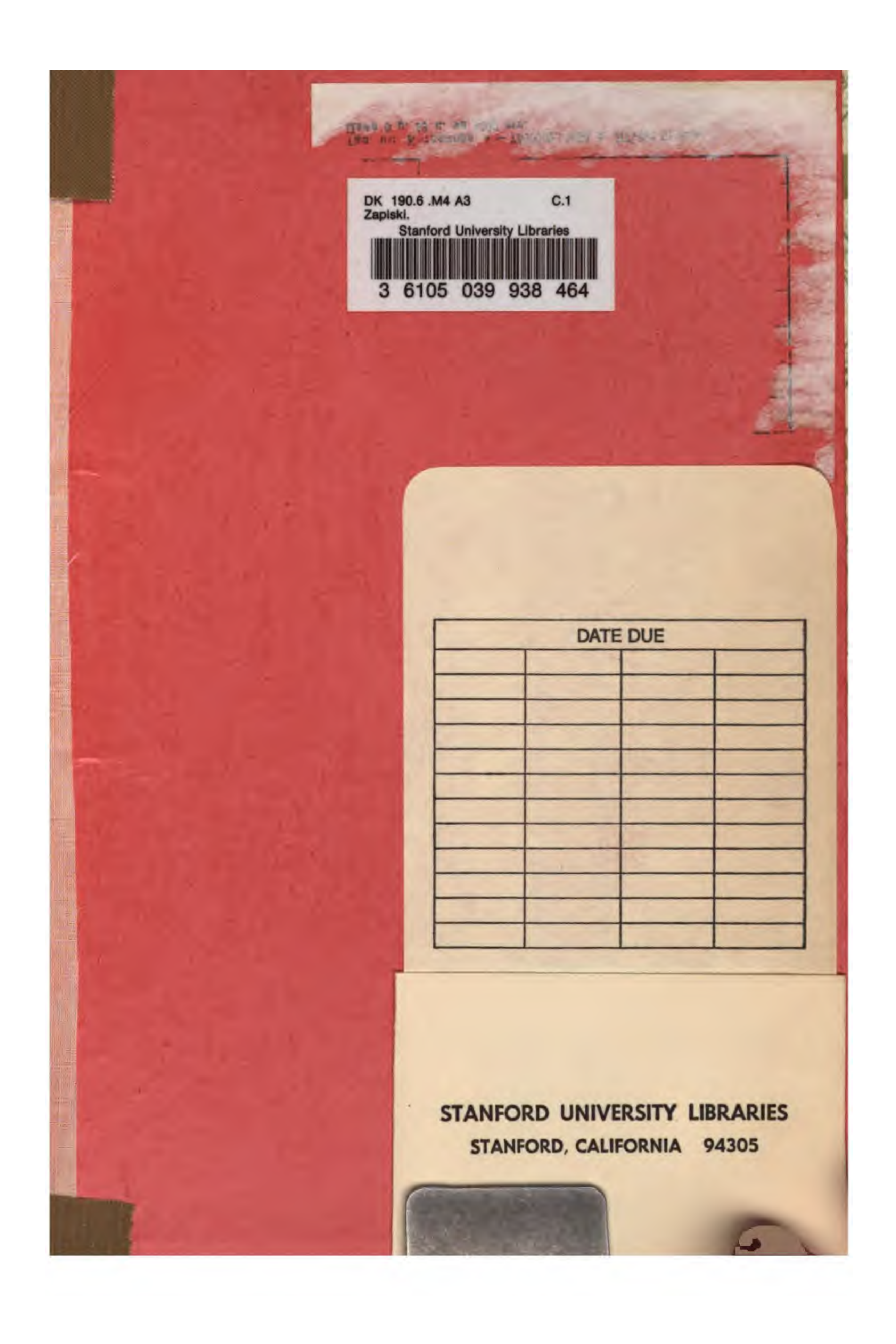
Разныя въ послѣдствіи непріятности испытывать я сдѣлался принужденъ. Ермоловъ жаловался, и столько его уважали, что приказалъ государь генералъ-прокурору выписку изъ ревизіи нашей ему послать для отмѣтки, что по мнѣнію его не такъ сдѣлано. Но онъ ничего найти не могъ, кромѣ ябедническихъ примѣчаній, что столь мало времени въ губерніяхъ ему ввѣренныхъ мы были, что некогда было все видѣть, что̀ осмотрѣть было надобно.

Хотя ревизія утверждена, всѣ примѣчанія въ дѣйство произвести приказано но не показано намъ ни малѣйшаго уваженія, даже не произведены въ чины бывшіе съ нами мальчики, о коихъ, какъ о дѣловыхъ людяхъ, было представлено: свою работу я имъ присвоивалъ.

Сколько ни досадна мнѣ таковая несправедливость, однакоже переношу ее безъ роптанія, покорясь власти Божіей, во упованіи отъ Него получить возмездіе за то, что для временной пользы не промѣнялъ спокойствіе совѣсти. А къ тому добрая о мнѣ слава въ понятіи благонамѣренныхъ людей симъ укореняется.

Этимъ оканчивается *подлинная* рукопись Записокъ Д. Б. Мертваго. Къ сожалѣнію рукопись эта отыскана была, когда началось уже печатаніе, такъ что первые четыре листа Записокъ отпечатаны по списку, въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя поновленія въ слогѣ. Впрочемъ существенной разницы между подлинною рукописью и спискомъ мы не нашли; только на оборотѣ перваго, заглавнаго, листа читаемъ слѣдующія слова: „По убѣжденію людей мною почитаемыхъ принимаюсь я писать о суровыхъ крутые повороты счастія являющихъ приключеніяхъ своихъ Д. М.". Слова эти написаны, какъ надо полагать, еще въ прошломъ столѣтіи; ибо (читатели, конечно, замѣтили) Д. Б. Мертваго писалъ свои Записки исподоволь, въ теченіи многихъ лѣтъ, такъ что они представляютъ собою нѣчто среднее между Дневникомъ и Воспоминаніями. О значеніи Записокъ Мертваго говорить много нечего: это, безъ сомнѣнія, одно изъ важныхъ историческихъ повѣствованій, изображающихъ такія стороны недавно-прошедшаго времени, которыя доселѣ были весьма мало извѣстны. По неисповѣдимымъ путямъ Промысла самыя бѣдствія не рѣдко сопровождаются благими послѣдствіями: характеръ Д. Б. Мертваго, безъ сомнѣнія, образовался подъ вліяніемъ тѣхъ ужасовъ, которые суждено ему было испытать 14-ти лѣтъ отъ роду. Но въ тоже время честь вѣку, когда могли дѣйствовать такіе непоколебимые, ничѣмъ не подкупные люди; честь императору Александру Павловичу, который нашелъ и оцѣнилъ подобнаго человѣка, и потомъ, вопреки гоненію гр. Аракчеева, вывелъ его снова на поприще государственной службы. Записки написаны по дружескому совѣту Г. Р. Державина: сходство въ характерахъ и въ направленіи обоихъ этихъ людей очевидно. *П. Б.*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

DK 190.6 .M4 A3 C.1
Zapiski.
Stanford University Libraries
3 6105 039 938 464
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

